

В.Г. Клименко

ЗАПИСКИ КОНТРАЗВЕДЧИКА

ЦРУ раскрывает
свои секреты...
Ветераны ЦРУ о тайных
операциях в СССР

СКОЙ ПЛОЩАДИ, СЯДЬТЕ НА ТРОИ
ОРЫЙ ИДЕТ ПО ЛЕНИНСКОМУ ПРОС-
НАПРАВЛЕНИЮ ВНЕ ГОРОДА. СОЙДИТЕ
ОВКЕ "УЛ. КРУПСКОЙ", КОТОРАЯ ПЕРЕД
МАГАЗИНОМ, НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ
ПО ПРАВОЙ СТОРОНЕ УЛ. КРУПСКОЙ.
ТЕ ВЫ ПРОЙДЕТЕ ВТОРУЮ АВТОБУСНУЮ
ЬКО И ПЕРЕД ТЕМ КАК ВЫ ДОЙДЕТЕ ДО
И СИДИТЕ ФОНАРЬ С ДЛБ, СЛЕВА
ИДИТЕ ЛИЦЕЙ. НА НЕЙ ТРЕХУ-

КНИГА **ВТОРАЯ**

Annotation

В отличие от первой книги «Записок контрразведчика» во второй книге бывшие сотрудники ЦРУ, работавшие в Москве под дипломатическими прикрытиями в посольстве США, в интервью и публикациях сами рассказывают о своем участии в вербовочных мероприятиях и операциях по связи с агентурой из числа граждан СССР и о своем отношении к КГБ. Авторские комментарии сопровождают все главы этой книги.

- [Валентин Григорьевич Клименко](#)
 - [От автора](#)
 - [Предисловие](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)

- [Послесловие](#)
 - [Биографическая справка](#)
-

Валентин Григорьевич Клименко
ЦРУ раскрывает свои секреты...
Ветераны ЦРУ о тайных операциях в
СССР

От автора

Издательство «Международные отношения» взяло на себя риски, связанные с публикацией в августе 2018 года моей рукописи «Записки контрразведчика. Взгляд изнутри на противоборство КГБ и ЦРУ, и не только...» В начале февраля 2019 года, зайдя на сайт издательства, я, к своему удивлению, обнаружил, что реализация книги в магазинах Москвы прекращена в связи с тем, что, как с удовлетворением пояснили в редакции, ее тираж полностью распродан. Ни я, ни «Международные отношения» не ожидали, что он будет реализован в течение всего пяти месяцев. По итогам продаж руководством издательства в январе 2019 года было принято решение выпустить дополнительный тираж «Записок контрразведчика».

Дорогие читатели! Я искренне признателен каждому из вас за проявленный интерес, разумеется, не ко мне лично, а к деятельности контрразведки против американских спецслужб на территории нашей страны по защите наших национальных интересов, по разоблачению завербованных ЦРУ и ФБР США агентов из числа соотечественников. За прошедшие пять месяцев я получил значительное количество положительных отзывов о книге и подписал более ста экземпляров для тех, кто с такими просьбами ко мне обращался.

В этот же период двухсерийный телевизионный фильм с моим участием «Американский отдел. Капкан на ЦРУ» завоевал первую премию ФСБ России как лучший документальный фильм года, а «Аргументы и факты» в № 48 за 2018 год опубликовали интервью со мной «Любой ценой оторваться от “наружки”», что, на мой взгляд, свидетельствует о значимости и востребованности для публики темы борьбы с американским шпионажем.

Более того, мне неоднократно поступали просьбы написать на эту же тему еще что-нибудь (о художественной литературе здесь речи идти не может, я ведь не писатель в прямом смысле этого слова), но на это я могу ответить следующим образом. Безусловно, есть еще многие незатронутые в книге темы, такие, например, как работа контрразведки с агентурой, наши оперативно-технические мероприятия, работа КГБ и ФСБ на каналах связи ЦРУ со своей агентурой и т. д., но, исходя из вопросов конспирации, я не имею права рассказывать о них. Таким

образом, тема работы КГБ (ФСБ) против американцев на данном этапе для меня почти исчерпана, но, тем не менее, я далеко не все рассказал об американцах...

В первой книге я сделал акцент на нашем собственном знании о мероприятиях ЦРУ на территории СССР, во второй книге я на примере некоторых конкретных операций постараюсь сосредоточиться на достаточно развернутых высказываниях самих представителей американских спецслужб о том, как они работали против КГБ. Надеюсь, взгляд с другой, американской, стороны на то, как ЦРУ работало в нашей стране и оценивало как свои мероприятия, так и российскую контрразведку, вызовет читательский интерес.

С искренним уважением к вам,

Валентин Клименко

Предисловие

Детали, детали... До чего же они важны иной раз в любом мало-мальски важном деле, а о разведке и контрразведке и говорить не приходится. Из деталей оперативных мероприятий формируется единое целое, преобразующееся в разведывательную или контрразведывательную операцию, которая может длиться годами или даже десятилетиями, а может для их авторов и исполнителей неожиданно рухнуть в самый неподходящий для этого момент.

Провал разведывательных операций может привести к вооруженным конфликтам, резкой напряженности в межгосударственных отношениях, повлечь за собой негативные или политические, или экономические последствия, не говоря уже об оперативных. Зачастую ставится на карту жизнь исполнителей операций или же жизнь ни в чем не повинных людей, случайно вовлеченных в орбиту противоборства специальных служб. Срыв, пресечение контрразведкой таких разведывательных операций происходит, как правило, в результате предательства в штаб-квартире самой разведки, просчетов или ошибок офицеров разведки и их агентов, стечения случайных обстоятельств, не учета тех самых деталей...

В первой книге я перечислил двадцать контрразведывательных операций КГБ СССР против ЦРУ США за период с 1973 по 1990 год, которые явились, скажем так, нашей ответной мерой против активной агентурной деятельности американцев. Разведка и контрразведка, как два дуэлянта, всегда по разные стороны барьера, и каждая из сторон обладает тем объемом информации, который находится в ее распоряжении. Каждая из сторон стремится проникнуть в тайны противоположной стороны, докопаться до истины (особенности оперативной работы, причины провалов и т. д.) и каждая из сторон старается все собственные оперативно значимые сведения сохранить в тайне.

Рассказывая в первой книге об операциях КГБ, я использовал информацию, которая была добыта контрразведкой и разведкой оперативным путем и задокументирована в установленном в нашем ведомстве и законом порядке, в том числе и в рамках уголовных дел

против изменников родины. Но прошло время, и ЦРУ в ряде публикаций приоткрыло завесу, детали работы с некоторыми агентами, детали своих разведывательных операций, в том числе и семи из тех, о которых я достаточно компактно написал.

Рукопись «Записки контрразведчика» была закончена мной в 2014 году, а опубликована со множеством изъятий и минимальными добавлениями в 2018 году. В «Записках» я несколько раз кратко цитировал отрывки из книг ветерана ЦРУ Милтона Бирдена и Джеймса Райзена «Главный противник. ЦРУ против КГБ» и Питера Эрли «Признания шпиона. Подлинная история Олдрича Эймса».

Но с тех пор в открытой печати появился еще ряд изданий в переводе на русский язык, раскрывающих деятельность ЦРУ на территории СССР, в частности книги Дэвида Э. Хоффмана «Шпион на миллиард долларов. История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе» и Кита Мелтона и Роберта Уоллеса «Искусство шпионажа. Тайная история спецтехники ЦРУ». Я с большим, очень большим интересом перечитал книги Бирдена и Эрли и ознакомился с изданными в последние годы с разрешения руководства ЦРУ и переведенными на русский язык книгами Хоффмана и Мелтона. За основу публикаций в этих книгах взяты воспоминания, беседы и интервью с высокопоставленными ветеранами ЦРУ Милтоном Бирденом, Робертом Уоллесом, бывшим директором Оперативно-технической службы ЦРУ, и Китом Мелтоном, историком и экспертом в сфере специальной техники ЦРУ и методов ее использования.

Своими воспоминаниями об оперативных мероприятиях в СССР поделились бывшие в разное время резидентами посольской резидентуры ЦРУ в Москве Роберт Фултон, Бартон Ли Гербер, Гэс Хэттавей и Дэвид Рольф. О своем участии в операциях в Москве рассказали офицеры ЦРУ, работавшие под посольским прикрытием, Марта Петерсон, задержанная КГБ при закладке тайника для Огородника, Джон Гуилшер, заместитель резидента ЦРУ в Москве, первый из ЦРУ установивший личный контакт с Толкачёвым, Уильям Планкерт, первый использовавший в Москве для отрыва от слежки изделие «Джек из коробочки», иногда также называемое «Черт из табакерки», Майкл Селлерс, захваченный с поличным на конспиративной встрече с агентом ЦРУ Воронцовым, и Джин Койл, участвовавший во многих операциях ЦРУ в Москве. О работе в пользу

КГБ поведали также Олдрич Эймс, сотрудник Советского отдела ЦРУ, осужденный американцами в 1994 году на пожизненное заключение как «агент КГБ», и Эдвард Ли Ховард, сотрудник ЦРУ, сбежавший из США в СССР.

В книгах использованы высказывания и интервью других ответственных оперативных сотрудников ФБР и ЦРУ, специалистов Оперативно-технической службы ЦРУ, а также шифропереписка между штаб-квартирой Лэнгли и московской резидентурой ЦРУ после снятия с нее грифа секретности.

Кроме того, в 2017 году представители ВГТРК для использования в двухсерийном документальном фильме «Американский отдел. Капкан на ЦРУ» после предварительной договоренности встретились на территории США с тремя вышедшими в отставку сотрудниками ЦРУ Бирденом, Селлерсом и Койлом.

Милтон Бирден с 1989 по 1992 год возглавлял подразделение по Советскому Союзу и странам Восточной Европы Оперативного директората ЦРУ. Сотрудники этого же подразделения Оперативного директората ЦРУ Майкл Селлерс и Джин Койл работали в Москве под дипломатическим прикрытием вторых секретарей политического отдела посольства США. Интервью с этими американскими разведчиками частично вошли в упомянутый мною выше фильм «Американский отдел. Капкан на ЦРУ».

Как оказалось, в совокупности в четырех книгах и в интервью этих американских разведчиков достаточно подробно детализировались семь из двадцати операций КГБ против ЦРУ, о которых я рассказал в первой книге «Записок контрразведчика». И мне подумалось, а почему бы и не сопоставить наши публикации с тем, что в своих интервью рассказывали сотрудники ЦРУ о мероприятиях, в которых они лично принимали участие.

Так родился замысел этой книги, и я решил использовать схему противопоставления, разместив сразу же после моего собственного изложения каждого из семи эпизодов рассуждения на ту же тему экспертов ЦРУ, их собственную интерпретацию событий. Мне такое сопоставление показалось очень интересным прежде всего именно с точки зрения деталей, раскрывающих взгляды американцев на свои собственные мероприятия и на мероприятия КГБ.

Для контрразведки всегда очень важно закрыть имевшиеся исторические бреши в информации о той или иной операции, в которых не удалось своевременно разобраться. Контрразведке всегда очень важно для планирования собственных мероприятий учитывать подходы противника, в том числе и теоретические, к агентурной деятельности, его техническую оснащенность, опыт вербовочной работы и опыт проведения акций агентурной и технической разведки.

Исторический экскурс всегда весьма полезен для контрразведки, тем более когда она может взглянуть сама на себя как бы со стороны глазами тех, против кого она годами работала, строила хитроумные схемы по контролю за иностранными разведчиками, а в результате был или успех, или поражение. Где ошиблась контрразведка, в чем заключался ее главный просчет, почему некоторые агенты ЦРУ многие годы безнаказанно действовали на территории Советского Союза? Вышеназванные публикации в определенной мере дают ответы на некоторые из этих вопросов.

Несколько слов о построении книги. Ее первая часть, состоящая из двух интервью с высокопоставленными ветеранами ЦРУ и двух глав о каналах связи американской разведки со своими агентами и тактике работы московской резидентуры, является как бы вступлением к частям второй и третьей, в которых речь пойдет о совершенно конкретных операциях ЦРУ в Москве и о которых рассказывают сами участники тех мероприятий. Это будут, если можно так выразиться, их собственные размышления и мысли вслух о себе, своем прошлом и тех оперативных мероприятиях, где, как они считают, им посчастливилось участвовать. Каждая из тех операций состоит из конкретных действий и событий, которые представляют из себя элементы каналов связи разведки со своей агентурой, личной или безличной.

Каналы связи, их техническое и оперативное обеспечение, о которых рассказывается в части первой, — это ключ к пониманию того, как работает куратор из ЦРУ со своим агентом через тайники, путем личных встреч, почтовых отправок, сигнальных операций или радиообменов. Совокупность этих элементов с добавлением ухищрений, применяемых американцами для отрыва от слежки КГБ, чтобы стать в городе «невидимками», составляет в целом тактику агентурных мероприятий ЦРУ и почерк американской разведки, который сугубо индивидуален, и его невозможно ни с чем перепутать.

В первой книге «Записок» я достаточно подробно осветил тактику работы московской посольской резидентуры на каналах связи, в этой же книге сами американцы, сотрудники ЦРУ, рассказывают о своих мероприятиях, что само по себе не совсем обычно и ценно как с оперативной, так и с исторической точек зрения. Как оказалось, наше общее представление и знания о Главном противнике в большинстве своем совпадают с действительностью, что очень важно для контрразведки.

Часть первая этой книги как бы расшифровывает то, о чем пойдет речь во второй и третьей частях. Итак, детали, детали... Давайте, уважаемый читатель, сопоставим информацию с той и с другой, с российской и с американской стороны. Надеюсь, что получится интересно...

Четвертая же часть книги совершенно самостоятельная. Если читатель помнит, в первой книге «Записок» я рассказал о том, как зародилось взаимодействие между КГБ и ЦРУ, и о начальном этапе, как тогда казалось, взаимовыгодного сотрудничества по вопросам общечеловеческих ценностей, таким как борьба с международным терроризмом, нераспространением ядерного и иных видов вооружений, наркотиков и т. д. В 2011 году вопросам сотрудничества американских и российских спецслужб посвятил свою публикацию исполнявший в 1994 году обязанности резидента ЦРУ в Москве Рольф Моуэтт-Ларсен. В 2017 году ряд ветеранов ЦРУ, в том числе работавших в разные годы в Москве, — Майкл Сулик, Роберт Даннинберг, Стиф Холл и Джон Сайфер в своих интервью американскому интернет-изданию «The Daily Best» дали весьма негативную оценку партнерским связям с российской разведкой и контрразведкой. По этой же проблематике в январе 2018 года высказался и Майк Помпео, бывший в то время директором ЦРУ. Я решил ознакомить читателя с их высказываниями в четвертой части, хотя эта тема и не относится непосредственно к оперативным мероприятиям ЦРУ, которым посвящена данная книга. И прежде всего лишь потому, что на наших глазах практически произошла метаморфоза во взглядах представителей американских спецслужб — от внешне доброжелательного стремления к взаимодействию с СВР и ФСБ до отрицания необходимости такого взаимодействия вообще.

И этому не приходится удивляться, так как ЦРУ идет в русле санкционного курса американской администрации по изоляции России,

выдавливания ее с мировых рынков сбыта и из международного экономического сообщества, попыток навязывания ей своей воли во внешнеполитических вопросах.

*Тем ушедшим, с кем учились чекистскому
ремеслу побеждать ЦРУ США, Главного
противника,
посвящается*

Часть первая

ЦРУ о своих мероприятиях в Москве

Глава первая

Интервью с сотрудником ЦРУ Милтоном Бирденом

Ответы Бирдена на вопросы съемочной группы ВГТРК. Остин, штат Техас, США, 2017 год

О доброжелателях

Перед резидентурой ЦРУ в Москве в 1970-1990-е годы или в любое другое время, когда мы там находились, стояла задача быть готовыми использовать любые возможности, которые могли появиться, будь то доброволец, как Адольф Толкачёв, или другие, которыми мы смогли бы воспользоваться в то время. То есть эту задачу можно описать как «ожидание удобного случая» и затем «использование благоприятной возможности».

О советской разведке и контрразведке

Вы знаете, что в 80-е годы, когда я непосредственно стал принимать участие в советских операциях, у нас было достаточно большое и абсолютно ясное понимание того, кто есть кто, и достаточно много мы знали о них лично, так же как размер и функции всех отделов внутри Первого и Второго главных управлений КГБ. Они были ориентированы на Америку, на Соединенные Штаты.

Мы получали практически всю эту (разведывательную) информацию от почти постоянного потока офицеров КГБ, которые попадали в наше поле зрения и либо работали на нас некоторое время на месте, либо перешли на сторону Соединенных Штатов и получили при этом новые документы. Мы знали, кто наши противники. Возможно, немного лучше, чем наш враг знал нас.

У вас существовали несколько разных отделов внутри КГБ. Во Втором главном управлении — контрразведка — в мое время руководителем был генерал Рэм Сергеевич Красильников и под его началом служил Валентин Клименко. Управлением «К» Первого

главного управления руководили несколько человек, включая Леонида Никитенко, а затем — ряд других. Мы знали их и кем они были.

Мы знали достаточно много о том, что среднестатистический сотрудник КГБ, который перешел на нашу сторону, мог знать. Я не думаю, что мы знали числа. Можно было сказать: «Это фактическое число того-то во время этого и этого».

Управление «Т» Первого главного управления КГБ, которое занималось хищением технологий из западных стран, было очень большим. Но его размеры постоянно менялись, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Таким образом, у нас было достаточно понимания о том, кого мы могли привлечь, что представлял собой наш главный противник и кто был главным врагом КГБ. Этим противником (для КГБ) были мы.

Вы убедились, что это были два главных соперника в очень большой драме под названием «холодная война».

О противостоянии ЦРУ и КГБ и о предательствах

Если вникать в контекст отношений между КГБ и ЦРУ, то там не было места для провала, не было места для совершения ошибок. Я бы сказал, что в основном обе стороны были оптимально подготовлены для разведывательной деятельности. И одна была так же хороша, как и другая. Доля правды заключается в том, что мы почти никогда не теряли агента из-за неаккуратности или ошибки. Мы теряли его, только если нас предавали, а они теряли кого-то, если предавали их.

Вы не можете бороться с предательством, вы можете бороться с умением. Вы можете иметь дело с методами работы разведки и иметь нулевой показатель недоработок. Но вы не можете что-то сделать с предательством.

Время «застоя» в ЦРУ

Это было очень сложное время в ЦРУ. Я уже работал там, но я еще не занимал высоких должностей, чтобы чувствовать всю полноту напряженности из-за данной проблемы. Люди, которые были против Джеймса Энглтона, называли эту проблему его убеждением в том, что это «Чудовищный заговор», то есть что КГБ был на самом деле даже еще более компетентным, чем в действительности (а его уровень был

очень высоким), и что у него был «Чудовищный тайный сговор» для того, чтобы всем манипулировать.

Существовало убеждение, что мы не можем вербовать русских. Это слишком большое упрощение, но мы не могли привлекать кого-то из КГБ, все было под их контролем. И, таким образом, люди просто усмиряли свой пыл и занимались другими делами.

Это был период, когда у нас не было большого количества активных операций, в целом это было время простоя. Все поменялось в 80-е годы, когда мы снова вернулись к нашей работе против КГБ. Политика видоизменялась немного более последовательно, но ряд начальников американской контрразведки и отдела Советского Союза и стран Восточной Европы в Оперативном управлении ЦРУ решили, что нужно быть более агрессивными. А Энглтон уже ушел со сцены и был в то время достаточно сильно дискредитирован. Таким образом, люди вернулись к работе.

Я бы сказал, что это начало происходить в эпоху Уильяма Колби, когда он был директором ЦРУ. Но я бы не хотел сосредотачиваться на личностях, потому что я не хочу этого делать.

О Бартоне Ли Гербере, резиденте ЦРУ в Москве (1980–1982) и об операции «Пролог» (в ФСБ — операция «Фантом»)

Думаю, что я бы не стал вдаваться в детали «правил Гербера». Я не готов описывать «правила Бартона Гербера», могу только сказать, что он был одним из самых глубокомысленных руководителей в Москве в то время. Но одно из «правил Гербера», которое впоследствии вызывало у нас небольшое удивление, заключалось в том, что КГБ никогда бы не дразнил нас одним из своих собственных офицеров. Они никогда бы не взяли настоящего сотрудника КГБ для того, чтобы поставить его перед носом у ЦРУ для вербовки. Это всегда был кто-то, кто непосредственно там не работал и у кого не было прямой связи с КГБ. Поэтому впоследствии, когда мы проводили операцию «Пролог» с Сашей Жомовым, это был первый случай, когда такое правило не было соблюдено.

Операция «Пролог» заключалась в том, что начальник американского отдела Второго главного управления КГБ Александр Жомов встретился с одним из наших начальников в поезде, направлявшемся в то время в Ленинград, и предложил свои услуги. Эта

операция проверялась и перепроверялась почти еженедельно. Тогда я был начальником отдела Советского Союза и стран Восточной Европы, и на каждом важном этапе данной операции я звонил своей специальной команде по этому поводу и спрашивал: «Что мы думаем?» И мы голосовали по поводу того, была ли эта полезная операция или она контролировалась КГБ. И это было почти как американские выборы: 49/51 %, 51/49 %. То есть у нас никогда не было полной уверенности, что она контролировалась КГБ или что все было в порядке.

И мое решение было следующее: «Хорошо, даже если мы потеряем здесь, давайте сделаем это». И, таким образом, мы уже все знали наверняка, когда Жомов не появился в Прибалтике.

О генерале Рэме Красильникове, начальнике первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ СССР

Рэм Красильников был в то время начальником американского отдела Второго главного управления КГБ. И он был замечательным, очень, очень вдумчивым, очень грамотным и профессиональным разведчиком. Я познакомился с ним в период последних лет своей работы в ЦРУ. И даже после того как я ушел из ЦРУ и уже писал книгу под названием «Главный противник», я встречался с ним несколько раз. Он и его жена Нинель стали для меня почти что друзьями. Это было очень, очень странное время.

Во время моей последней встречи с ним, когда он все еще работал в КГБ, он дал мне вот это. Он сказал: «Милтон, ты думаешь, что это такое? Что это для тебя олицетворяет?» И я ответил: «Рэм, понятия не имею, что это. Ты мне расскажешь!» И он сказал мне, что это сделано инженерами в Санкт-Петербурге (это был красивый изогнутый кусок хромированного прута). И он сказал: «Это значит, что вы можете нас согнуть, но вы не можете нас сломать». Я подумал, что спустя годы это будет представлять ценность, поскольку только мыслящий парень, который любит Баха, Чайковского и всю эту прекрасную классику, мог бы подумать о чем-то таком.

Его имя Рэм — Революция, Энгельс, Маркс — одно из тех странных революционных имен, которыми называли детей его поколения. Его жену называли Нинель. Она — очаровательная женщина. Это «Ленин», произнесенный наоборот, и это еще одно из тех

причудливых революционных имен того поколения. Но это не значит, что он не был очень глубоким человеком.

Я считаю, что демонизация своих противников только ослабляет твой собственный подход к ним. Я нахожу, что большинство американцев и большинство людей хотят демонизировать своих соперников по существу, чтобы лишить их любой возможности быть человечными. И я всегда говорил людям, которые работали на меня, что когда сотрудник КГБ приходит домой, собака вьется вокруг него и машет хвостом, он может слушать превосходную, более сложную музыку, чем станете слушать вы, он мог прочитать больше произведений Элизабет Баррет Браунинг и Роберта Браунинга, чем когда-либо вы. Таким был Красильников.

Красильников сказал мне: «Мне больше нравится Элизабет Баррет Браунинг, чем Роберт Браунинг». Я знаю немногих американцев в мире разведки, которые могли бы понять, что он мог под этим подразумевать. Таким образом, я всегда пытался убедиться, что я понимаю человечность каждого противника, который у меня был, независимо от того, где он находился. А я был во многих странах мира. Я думаю что понимание этой стороны русских помогло нам, когда мы находились в завершающей фазе этого сражения.

Об агенте ЦРУ Адольфе Толкачёве

Тот момент, когда он (Толкачёв) начал предлагать свою помощь, несколько предшествовал моему появлению. Я думаю, что это частично было отражением той полемики. Каждый раз, когда кто-нибудь похожий на него приходил к нам в Москве, в Вашингтоне начинались дискуссии «Это провокация? Или это искренне?» В конечном итоге, мы набрались смелости и установили с ним контакт. Остальное становится историей.

Адольф Толкачёв был «шпионом на миллиард долларов». Вы не можете себе представить ценность его информации в отношении нашей способности производить самолеты, авиационную радиоэлектронику и системы вооружения. Мы стали способны противостоять всему, что мог произвести Советский Союз в течение следующих 20–30—40 лет. Это была крупная сделка.

С ним многие годы обходились очень осторожно в Москве, в самых сложных условиях. И он был скомпрометирован только тогда,

когда произошло предательство внутри ЦРУ. Это случилось не из-за того, что очень компетентное Второе главное управление, следовавшее за нами по всей Москве, поймало нас при установлении контакта с Адольфом Толкачёвым. Это произошло, потому что наша собственная система предала его.

И даже когда он уже был казнен (я вернулся спустя годы после его казни и возглавил отдел Советского Союза в ЦРУ), я все еще передавал разведывательные донесения, которыми он нас снабжал. Обработка информации занимала более длительное время, настолько специализированной она была. Даже годы спустя после своей смерти он все еще производил ее. Оценка этой полезной информации происходила не в ЦРУ. Это были люди, напрямую связанные с американскими авиационными системами вооружения. Именно они проводили оценку этой информации.

Он был очень неоднозначным парнем. Я думаю, что, делая это, работая в специальном конструкторском бюро, он не был уважаем в своем сообществе. А приход к нам позволил ему стать кем-то, что, я полагаю, поняла бы великая русская душа. Вроде как супермен среди людей, который стремился к более высокому, чем у них, уровню. И я считаю, что это дало ему то чувство, которое он никогда ранее в своей жизни не испытывал. Его действия сделали из него супермена. А это был очень грамотный парень. И мотивация подобного рода, полагаю, закономерна. Или из-за понимания, что он делает что-то столь колоссальное, так как у него не было сомнений в том, какую ценность эта информация представляла для другой стороны. Без сомнения.

Почему кто-то совершает один из самых противоречивых поступков, которые, возможно, существуют в его культуре? Обычно это ОН. Обычно это делают мужчины.

О генерале ПГУ КГБ СССР Леониде Шебаршине

Но одним из самых обаятельных людей из КГБ, кого я знал очень хорошо, был Леонид Шебаршин. Он в действительности стал председателем КГБ на один день, но он был очень известной фигурой. У нас с ним были долгие разговоры во время наших поездок по Москве-реке.

Однажды мы разговаривали о следующем: «Почему? Какие, по Вашему мнению, причины такого поведения (шпионаж)?»

«Существует две вещи», — ответил он. — «Первая — старая русская пословица: “Чужая душа — потемки”». (Говорит по-русски: «Чужая душа — потемки».)

Хорошо. «Чужая душа — потемки». Согласен, это существенная причина, и ее важно понимать.

Но потом он написал мне записку. Он сказал: «Мотивации. Люди движимы местью, алчностью, страстью, деньгами, гневом».

Это похоже на ноты в музыке в различных комбинациях, а эти комбинации бесконечны. Но любая комбинация дает мотивацию. Поэтому, если Вы спросите меня «Что такое мотивация?» Я отвечу: это бесконечное море возможностей, которых не меньше, чем в бесконечном море возможностей для сочинения музыкального произведения. И в таком отношении это похоже на то, когда кто-то делает что-то столь неприемлемое в своей культуре, как шпионаж в пользу главного врага.

То есть да, деньги, месть (значительная причина), сильная страсть, может быть, злость, гнев и жажда мести играют там свою роль.

О работе резидентур в Москве и Вашингтоне

80-е годы стали завершающей фазой этого соперничества между ЦРУ и КГБ как части холодной войны. Я имею в виду, что оно продолжается, но не как элемент холодной войны, враждебных взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном. Московская резидентура была там, потому что она была нам там нужна. КГБ и ГРУ имели свои резидентуры в Вашингтоне. И мы ждали такой возможности, как Толкачев, или какой бы то ни было. И это все, что я делал. Там происходило множество других вещей в рамках схватки, которую мы называем холодной войной.

Каждая резидентура хорошо выполняла свою работу, конечно, у нас были успехи в Москве, но у них был, вы знаете, Виктор Черкашин в Вашингтоне — великолепный оперативный сотрудник резидентуры и разведчик. У него был Эймс.

О победителе в холодной войне

Мы тоже получали тяжелые, сильные удары в это же время. Кто выиграл эту борьбу между США и Советским Союзом в 80-е годы? Только история покажет это. Но Советский Союз исчез, а мы нет. КГБ в

реальности, в этой форме, распался на отдельные элементы. Это могло поменяться. Но я не говорю: «Мы победили, мы победили». Я говорю: «Ну что ж, мы не проиграли».

Я дам вам возможность сделать вывод о том, кто одержал победу.

О сотрудниках ЦРУ в Москве

Я не буду говорить о каждом из них. Во многом их следует рассматривать как чрезвычайно героических сотрудников в Управлении. Даже несколько женщин, которых Вы не назвали, были там. Но это люди, которые были вынуждены принимать очень, очень важные решения собственными силами, как только они попадали в Москву, пытаясь уйти от слежки КГБ, чтобы пойти и что-то сделать. Они могли нарваться на засаду, подвергнуться потенциально опасному аресту и затем попасть в подвалы Лубянки. Но каждый из тех людей, которых Вы упомянули, совершил действительно достаточно героические поступки в Москве.

Точно так же, как выясняется, у КГБ были люди в Вашингтоне, которые делали схожие вещи. Снова, возвращаясь к Виктору Черкашину и к тому урону, который нанес нам Олдрич Эймс в Москве. И, возможно, другие.

Это было ошеломляюще. Я имею в виду, что мы потеряли всех тех людей в 1985 году. Но, как я уже сказал, я не буду переходить на личности. Те сотрудники, работавшие в Москве в более ранний период, когда они оставались на сверхсрочную службу, проделали великолепную работу.

О самом ценном для ЦРУ агенте

Это, возможно, должен быть Толкачëв, цена... из-за пользы его информации, которую она дает сегодня. То, что он сделал, продолжает оказывать влияние и сегодня. Потому что летательные аппараты, на которых мы вылетаем против самолетов, произведенных в России (на которых кто только не летает в мире, будь то в Сирии или где-либо еще), уступают им. Потому что мы знаем все об их системах вооружения. И мы знаем, как справляться с некоторыми из них. Системы «обнаружения и поражения целей в нижней полусфере».

Да, я имею в виду, что, как только вы точно знаете, в каком направлении движутся конструкторские бюро, работающие для

советской истребительной авиации, то вы уже можете что-то предполагать. Они собираются повернуть направо, вы поворачиваете налево. Да, его вклад гигантский. Вот почему его называют «шпионом на миллиард долларов».

О личных качествах сотрудников разведки и о себе

Я разговаривал в те годы, когда был молодым, и в течение 30 лет в разведке со многими старыми ветеранами. И обычно описание того, кто будет хорошо работать в разведке, содержало несколько разных качеств, но всегда пару общих мест. Одно заключается в том, что потенциальный сотрудник разведки должен быть немного романтичным. Потом он должен обладать умственными способностями, которые демонстрируют желание верить почти во все. То есть я не говорю, что вы должны быть безнадежными романтиками, но вам лучше быть немного романтичными.

И потом у вас должна быть «охота к перемене мест». Я имею в виду, что мы вот сидим здесь в Остине, в Техасе, и кто-то может сказать: «Зачем мне когда-либо уезжать из Остина?» Ну, вы знаете, вы хотите перейти через этот холм и продолжить путь через следующий холм. И это качество разведчика, а еще желание усердно трудиться, чтобы сделать это.

И вам, возможно, следует любить людей. Вы также должны, я думаю, понимать, что даже ваш противник имеет чувство гуманности, на которое вы должны обращать внимание, не проявлять слабость по отношению к настоящим злодеям.

И я не говорю только о столкновении между русскими и американцами. Но о любом противнике. Когда я поступил на работу (а я четыре года до этого служил в ВВС и учился в университете, был в аспирантуре, преподавал), мне было легко принять решение, когда сотрудники ЦРУ пришли ко мне и спросили: «Вас бы это заинтересовало?» И я ответил: «Конечно, заинтересовало бы». Потому что я подумал: «Хорошо, я собираюсь стать научным работником и остаться в университетском кампусе на всю свою жизнь. Боже правый, нет!» Вот почему я сказал: «Конечно, я сделаю это». И потом *[звук вылетевшей из бутылки пробки]* прошло 30 лет.

О предателях

Это самый сложный вопрос из всех, на который каждая сторона легче всего найдет ответ. Олдрич Эймс был мерзкий и жадный изменник. Конец истории. Спросите Виктора Ивановича Черкашина, что он думает об Олдриче Эймсе. Вы можете получить другой ответ. Гордиевский, я очень хорошо знаю, был очень принципиальным парнем. Но спросите его коллег по КГБ. Шпион, который приходит к тебе, — герой. Это подобно тому, когда борец за мою свободу для вас — террорист. А борец за вашу независимость — террорист для меня. Это всегда некая точка зрения.

То есть, вы понимаете, я знаю всех людей, о которых Вы говорите. Или знал их. И это именно так, как я уже сказал. Я выношу свое оценочное суждение. Но не забывайте, что в этой стране, Америке, с самых ранних лет предательство было для нас очень важным обстоятельством.

Первое, о чем мы узнаем, это предательство Иисуса Иудой. И потом в школе, когда вы еще очень молоды, вы узнаете, что был предатель по имени Бенедикт Арнольд, живший во времена Американской революции. Еще до того как нам исполнилось 10 лет, мы уже знаем об Иуде Искариоте и Бенедикте Арнольде, о которых нам рассказывают. То есть у нас есть представление о предательстве.

Я часто замечал, обсуждая это с моими визави из КГБ, когда я был начальником Отдела, что они воспринимали перебежчиков со своей стороны на нашу сторону не столь истерично, как мы оценивали наших. У нас был почти что нервный срыв, когда Эдвард Ли Ховард исчез и уехал в Ленинград из Хельсинки. А когда мы узнали о деятельности Эймса, ЦРУ почти слетело с катушек. А после этого появились [Гарольд] Николсон и Роберт Ханссен. Эти события навредили нам эмоционально больше, чем КГБ.

Сотрудники КГБ сказали бы: «Чужая душа — потемки».

Леонид Никитенко однажды спросил: «Почему все эти люди, которые перешли на вашу сторону, самые лучшие, у них красные дипломы? Они были лучшими в Школе Андропова. Зачем они это делают?» Но он говорил не с тем чувством, которое испытывали мы, узнав о предательстве Олдрича Эймса. В этом и разница.

Вы знаете, история Толкачёва как раз об этом, захватывающая. Это все о тех мотивациях. Он обрел уважение. А Красильников сказал мне: «Когда мы арестовали Толкачёва, он стал прихрамывать и обмяк». Они

раздели его и провели быстрый осмотр, поскольку они опасались, что у него была при себе таблетка с цианидом или что-то еще, чтобы убить себя. И он сказал: «Как только мы доставили его на Лубянку...»

Хорошо, я подписал для вас свою книгу. Возьмите с собой. Краснознаменный институт имени Андропова получает экземпляр «Главного противника» об истории борьбы между ЦРУ и КГБ, потому что это было потрясающее время.

Сейчас, вы знаете, между Москвой и Вашингтоном другие отношения. И мы теперь знаем друг о друге больше. Говоря по правде, я думаю, что будет уже легче уступать друг другу. Никто из нас не хочет опять делать это и попасть в ту же ситуацию снова. Это все из-за дурацких оплошностей с каждой стороны и частично из-за того, что мы действительно давили слишком сильно, приближая НАТО к вашей границе.

Эти кирпичи моя жена подобрала в Восточном Берлине после падения Стены. Я думаю, что они были частью... остались от обломков времен Второй мировой войны. Она любит кирпичи со всего мира. И вот что эти два из себя представляют. Знак, который действительно висел у них в Берлине. Все на русском, английском, французском и немецком. Вы видите, что шрифт надписи на немецком здесь самый маленький. Когда французы, американцы, британцы и русские были в той или иной степени ответственны за Берлин. На нем написано: «Вы покидаете американский сектор». То есть это частичка истории.

От автора

Милтон Бирден поступил на службу в ЦРУ в 1964 году. В качестве сотрудника резидентур служил в Гонконге и Швейцарии, затем был резидентом ЦРУ в Нигерии, Судане и Германии. В 1986–1989 годах в Пакистане руководил программой тайных операций ЦРУ по консолидации моджахедов, поддержке афганского сопротивления. Под его непосредственным руководством происходили снабжение афганских боевиков изделиями ПЗРК «Стингер» и их обучение пользованием этим видом вооружения, что в конечном итоге привело к значительным потерям советских Военно-воздушных сил. Бирден с

1989 года по 1992 год возглавлял отдел по Советскому Союзу и странам Восточной Европы Оперативного директората ЦРУ.

Если читатель помнит, в первой книге «Записок контрразведчика» я рассказал о своих встречах с Бирденом. Мое знакомство с ним произошло в 1991 году, уже после августовских событий в Москве, когда в ноябре впервые в истории взаимоотношений ЦРУ и КГБ наша делегация к тому времени уже раздробленного КГБ СССР, сформированная из представителей общесоюзной, российской контрразведки и Службы внешней разведки, посетила по приглашению американской стороны с официальным визитом Вашингтон.

Там состоялись переговоры в штаб-квартирах ЦРУ и ФБР. Американскую делегацию на переговорах возглавлял Милтон Бирден, который в то время руководил всеми операциям ЦРУ против СССР. Делегацию принимали исполнявший в то время обязанности директора ЦРУ Ричард Керр и руководитель Оперативного директората ЦРУ Томас Тветтен. По приглашению Бирдена мы побывали на организованном им приеме у него дома.

Зимой 1992 год произошел ответный визит в Москву американской делегации, во главе которой был Милтон Бирден.

Наша последняя кратковременная встреча состоялась в Тель-Авиве в Израиле, где с 2000 по 2004 год я проходил службу в качестве официального представителя ФСБ, находясь на дипломатической должности советника в посольстве Российской Федерации. В 2003 году Бирден с краткосрочным визитом по линии контакта с разведкой «Моссад» побывал в Израиле и разыскал меня в Тель-Авиве. Мы встретились буквально на несколько минут в отеле «Хилтон», где Милтон вручил мне книгу «Белый тюльпан» о событиях в Афганистане с дарственной надписью.

Если у читателя имеется представление о стереотипе американца, то Бирден — это типичный янки. Он достаточно высокий мужчина плотного телосложения, слегка полноватый, но достаточно стройный и подтянутый, исключительно уверенный в себе. Внешне весьма доброжелателен, но собеседника держит как бы на расстоянии, пытаюсь донести до него, что его позиция по обсуждаемому вопросу безупречна и не подлежит сомнению.

Занимаемая им высокая должность в иерархической системе ЦРУ и осознание им этого даже его внешнему виду придают властность и

уверенность в непогрешимости того, о чем он говорит или что он делает. Безусловно, в манере его поведения преобладает комплекс «американского превосходства», но осуждать его за это вряд ли стоит, так как этот комплекс типичен для всей американской нации и впитывается в сознание с молоком матери.

Он исключительно профессионально разбирается во внешнеполитических вопросах, придерживаясь при этом традиционных американских позиций. В его высоких профессиональных качествах сомневаться не приходится, ибо такое подразделение ЦРУ, как в прошлом Советский отдел, а затем отдел по Советскому Союзу и странам Восточной Европы, с моей точки зрения, может возглавлять только профессионал, как говорится, с большой буквы. До Бирдена этот отдел возглавлял Бартон Ли Гербер, у которого Бирден был заместителем.

В то время, еще до нашего знакомства, я не знал о роли Бирдена в событиях в Афганистане и организации именно им снабжения моджахедов изделиями ПЗРК «Стингер», что само по себе повлияло на ход войны и исход афганских событий. Да, он способствовал моджахедам в борьбе с советскими Вооруженными силами, но он был частью механизма американской администрации и делал свое дело как представитель ЦРУ в регионе честно, профессионально и ответственно в рамках той политики, которую проводили США в Афганистане.

Также чрезвычайно ответственно он многие годы, как высококлассный профессионал, успешно нес в ЦРУ службу на различных постах и в различных странах, что, если не вдаваться в политику, с профессиональной точки зрения безусловно заслуживает уважения.

Нельзя бороться с противником, не уважая его профессиональные навыки и качества, иначе вы обречены на поражение. Уверенность в собственных силах — это прекрасное качество, но и от противника следует ожидать, что он не менее, если не более вас, искусен, трудолюбив, хитроумен, обладает многогранным оперативным опытом и чутьем, прекрасными организаторскими способностями, хитростью, возможно, жестокостью и многими другими качествами профессионального разведчика, которые необходимо учитывать контрразведчику при противоборстве с противником.

Бирден, рассуждая об основных задачах московской резидентуры ЦРУ, правдиво рассказал, что главными направлениями в ее работе были ожидание появления в поле зрения ЦРУ инициативников (доброжелателей) вроде Толкачёва и организация работы с ними, что полностью совпадает с нашим знанием о противнике. В своем интервью Милтон Бирден, называя нас врагами, обрисовал весьма прискорбную для нас картину осведомленности ЦРУ о структуре и личном составе разведки и контрразведки КГБ и, как бы между прочим, уточнил, что эта информация была получена ЦРУ от перебежчиков, невозвращенцев и контактов из числа офицеров КГБ.

Вместе с тем американец весьма уважительно говорит о советской контрразведке в целом и ее ярком представителе генерале Рэме Красильникове. С Красильниковым, с которым он встречался многократно, у него действительно сложились очень уважительные отношения, о чем он много раз упоминал в своих различных интервью.

При наших с ним личных встречах он также всегда объективно и уважительно, как и следует профессионалу, отзывался об операциях российской контрразведки против ЦРУ, понимая, что каждый из нас, и ЦРУ, и КГБ, делают свое дело, и если все сделано исключительно профессионально, то это безусловно достойно уважения. Много теплых слов сказано им также и о генерале разведки Шебаршине.

Что касается операции «Пролог», в которую контрразведка втянула ЦРУ, то Бирден, заявляя о доверии к нашей подставе временами лишь на 50 %, опять же прав, так как всегда надо исходить из того, что доброжелатель, который предложил свои услуги противнику, может быть специально подготовлен для подставы. И только многолетнее сотрудничество, многократно подтвержденное достоверностью и ценностью информации от доброжелателя, позволяет разведке частично или полностью снять свои сомнения, как, например, это было с агентами ЦРУ Огородником, Поляковым и Толкачёвым.

Очень интересны его рассуждения о мотивах предательства, роли предателей в спецслужбах и уроне, наносимом ими каждой из противоборствующих сторон. Насколько уважительно Бирден отзывается об изменнике нашей родины, особо ценном для ЦРУ агенте из числа советских граждан Адольфе Толкачёва и его «вкладе» в обеспечение оборонной безопасности Соединенных Штатов Америки в ущерб интересам Советского Союза, настолько же с ненавистью он

упоминает своего соотечественника Олдрича Эймса, внесшего весьма весомый вклад в разгром агентурной сети ЦРУ в СССР.

Что касается победителя в холодной войне, то я разделяю позицию Милтона Бирдена: Советский Союз прекратил свое существование — это объективная реальность, а КГБ действительно был раздроблен на части и как единая структура перестал существовать. Но здесь Бирден рассуждает в основном не как политик, а как представитель американского разведывательного сообщества. И я также согласен с ним, что в противостоянии КГБ и ЦРУ, а именно эта тема для нас представляет первостепенный интерес, однозначного победителя не было и нет. На одном, первоначальном, этапе ЦРУ, безусловно, переиграло КГБ, создав из изменников и инициативников целую агентурную сеть в СССР, но затем, на последующем этапе, эта сеть была разгромлена советской контрразведкой.

Интервью Бирдена честное, профессиональное и достаточно доброжелательное по отношению к Главному для США противнику — к российским спецслужбам.

Глава вторая

Интервью с сотрудником ЦРУ Джоном Сайфером

Работа в разведке, вербовка источников, опасность двойных агентов, риск провала — эти загадочные и притягательные атрибуты мира спецслужб, с одной стороны, знакомы практически всем по книгам и фильмам, но, с другой, так и остаются тайной для большинства «простых смертных». Бывший старший сотрудник ЦРУ с почти 30-летним опытом работы в разведке Джон Сайфер поделился со «славянским Сакраменто» некоторыми секретами мира шпионажа.

Джон Сайфер вышел в отставку только в 2014 году. До этого он служил в ЦРУ: вначале в качестве аналитика, затем — оперативника и даже начальника станции (на сленге российских спецслужб — «резидента») в нескольких странах, включая Индию, Россию и Балканские государства. Сегодня ветеран признается: большую часть своей карьеры он не мог говорить о подлинном месте своей работы даже ближайшим друзьям. После выхода на пенсию такое право у него появилось — правда, со строгими оговорками и правилами, о чем допустимо и недопустимо говорить публично. «Я могу в общем называть регионы, в которых был начальником станции или заместителем начальника, и общие направления деятельности, но до сих пор не называю некоторые конкретные места. Также нам строго-настрого запрещено называть наши источники, особенно в таких странах, как Россия. Я не могу называть людей, которые рисковали жизнью, шпионя ради нас в чрезвычайно опасных местах, хотя я могу говорить в общих чертах о той работе, которую мы делали там», — предупреждает Джон.

Ветеран ЦРУ уверяет, что, вопреки широко распространенным конспирологическим теориям и страхам того, что американские разведслужбы могут быть вовлечены в какую-то «грязную» работу внутри страны, на практике Агентство ограничено многочисленными законами и юристами и обязано считаться в своей работе с другими правительственными институтами. Работа за рубежом также ограничена многочисленными бюрократическими правилами. «Мы

должны были документировать все, что мы делаем, и посылать отчеты в головной офис, включая описание всего, что помогало нам во время операций. Да, конечно, мы работали “на земле”, мы встречались с необычайно интересными людьми, собирали разведданные, и все же “офисная” часть работы занимала очень большую часть времени. Правда в том, что даже если вы прекрасно работаете “в полях”, добываете важную информацию, выстраиваете контакты, но не умеете делать бюрократическую часть работы и все записывать, вы не станете успешным разведчиком», — сообщает ветеран ЦРУ.

По словам Джона Сайфера, даже работа начальника станции не освобождает офицера от обязанностей самому работать «на улице» и взаимодействовать с источниками, особенно если речь идет о небольшой стране с маленьким штатом сотрудников. Однако в случае работы в большой стране от руководителя американской «резидентуры» требуются в первую очередь лидерские навыки: планирование встреч, руководство работой оперативников и т. д. «Конечно, в большинстве случаев начальник станции в курсе ключевых операций и особо ценных агентов. Важно понимать, что агенты с риском для себя передают ценную информацию американскому правительству. Они крадут эту информацию, идут на предательство собственной страны. В случае провала им грозит тюрьма, потеря работы, а в некоторых странах — смертная казнь. Каждый раз перед встречей с таким человеком вы должны тщательно готовиться, взвешивать все риски, постоянно обращать внимание на возможную слежку местных спецслужб. Из-за одной ошибки можно навсегда потерять агента. Поэтому в сферу деятельности начальника станции входит в том числе работа с молодыми и менее опытными офицерами. Мы расспрашиваем их об агентах, которых они курируют, проверяем их знание города и улиц. Таким образом, даже если вы занимаете высший уровень, вам следует вникать в детали конкретных операций. В то же время от вас требуется общее руководство работой станции, поддержание отношений с послом и другими сотрудниками посольства», — поясняет Джон.

Интересно, что работа начальника станции зачастую несет в себе намного меньше секретности, чем это обычно принято в разведке. Такой человек часто бывает известен местной контрразведке, а в ряде стран он может открыто прийти в местные спецслужбы и объявить, что

является начальником станции ЦРУ. Разумеется, это не исключает, что в его штате могут работать люди под прикрытием, неизвестные контрразведке страны пребывания. «Особенно это касается враждебной территории вроде Москвы, где мы были под наблюдением все время, и в наших квартирах была установлена прослушка. Здесь очень важно было поддерживать “легенду”. К примеру, если вы выступаете под прикрытием культурного атташе, важно учитывать, что в посольстве работает значительная часть персонала из местных граждан, которые могут быть связаны с локальными спецслужбами. Вполне возможно, что предыдущий, реальный культурный атташе не так тщательно беспокоился о безопасности, и вы можете выдать себя просто своим поведением. Очень важно, чтобы ваше поведение было самым типичным для вашей роли», — советует бывший разведчик.

Джон Сайфер предупреждает: даже тщательно разработанное прикрытие не является гарантией защиты от местной контрразведки. «В качестве примера можно привести классический случай Олега Пеньковского. Для работы с ним привлекли жену британского офицера разведки. Они обменивались секретной информацией в тот момент, когда она угощала своих детей конфетами на улице. Казалось, что это было идеальным прикрытием. Однако британцы не знали, что россиянам была известна связь этого офицера и его жены с английской разведкой. Они полагались на прикрытия, но в итоге оно не сработало», — рассказывает Джон.

Именно поэтому разведчики разрабатывают специальный маршрут, предназначенный для отслеживания и сбрасывания «хвоста». Настоящему шпиону следует проводить свои операции, только если он уверен, что полностью оторвался от слежки (на языке разведки, стал «черным»). При этом современные технические устройства вроде GPS и прочих гаджетов, скорее, мешают этому процессу, так как слишком легко отслеживаются электронно. «Может быть, вы помните арест американца, которого российские спецслужбы обвиняли в шпионаже в пользу США. В газетах были опубликованы вещи, оказавшиеся при нем в момент ареста: бумажная карта и другие устаревшие приспособления. Многие журналисты удивлялись, что в наше время у разведчика нет даже сотового телефона и других девайсов. Но любую электронику очень легко отследить, и такой откат назад может быть самым безопасным способом», — поясняет ветеран ЦРУ.

Еще одно важное искусство разведчика — понять, что пришедший в ЦРУ человек не является «двойным агентом» — обманной операцией противника. «Важно проверить, что эти люди — действительно те, за кого себя выдают, что они действительно обладают тем доступом, о котором говорят, и что они не будут использованы против нас как часть обманной стратегии. Это включает в себя и работу многих аналитиков. Яркие примеры — это Куба и Восточная Германия времен холодной войны, коммунистические полицейские государства. Оглядываясь назад, можно сказать, что большинство людей, с которыми мы встречались, если не все они либо были изначально подсланы к нам, либо впоследствии стали контролироваться местными службами. Они снабжали нас дезинформацией, старались направить в ложное русло», — вспоминает Джон.

Еще опаснее было сталкиваться с двойными агентами в борьбе с терроризмом, когда многие уверяли, что помогут ближе подобраться к бен Ладену. По словам Джона, бывали случаи, когда такие агенты не были проверены надлежащим образом и продолжали работать на «Аль-Каиду», делая вид, что шпионят для США. «В итоге во время ключевой встречи в Афганистане прогремел взрыв бомбы, убившей большое количество наших офицеров. С другой стороны, какое количество потенциально ценных источников мы отвергли лишь потому, что боялись столкнуться с очередной фальшивкой! Это же справедливо и для работы в Москве. Бывало, что люди предлагали нам информацию, которая выглядела настолько важной, что если бы мы решали отвергнуть ее, это означало бы, что русские выиграли, что их обманные операции заставляют нас бояться источников. В итоге мы порой решали рискнуть», — делится бывший офицер разведки.

Джон Сайфер вспоминает другой известный пример из истории холодной войны: советского инженера Адольфа Толкачёва. «ЦРУ несколько раз отвергало его предложения, но ему было настолько важно причинить максимальный вред системе, что он возвращался вновь и вновь. Но скольким людям мы отказывали, и они никогда уже не возвращались», — сетует ветеран.

Еще одной больной темой нашего времени стали постоянные обвинения со стороны Трампа и его команды в отношении ЦРУ и других американских институтов в «политизации» и создании некоего «глубинного государства». Джон Сайфер уверяет: сотрудники ЦРУ и

ФБР работают на свою страну, а не на какую-либо политическую партию. «Мы работали вместе с другими офицерами так долго, что они стали близки мне, как семья. Тем не менее я не имел никакого представления об их политических взглядах и о том, принадлежат ли они к какой-либо партии», — поясняет экс-разведчик.

В том, что касается знаменитого досье бывшего британского разведчика Кристофера Стила, Джон Сайфер подчеркивает: очень многие люди восприняли его серьезно, а сам Крис Стил имеет репутацию достойного доверия специалиста и профессионала высокого уровня. «Кроме того, его досье полностью отражает стиль того, как россияне работают против иностранцев: постоянная слежка, компромат и т. д. Самое сложное здесь — проверить надежность источника, понять, почему он работает на нас, должны ли мы доверять его информации. Досье Стила со ссылками на источники выглядит как классический профессиональный отчет разведки, и сейчас еще предстоит большая работа по проверке отдельных частей информации другими источниками. Профессиональные расследователи должны проверить историю поездок, телефонных переговоров и т. д. В этом находится достаточно изначальной информации, которую можно проверять в дальнейшем. Даже ФБР сочли этот текст настолько серьезным, что сами стали работать со Стиллом», — напоминает Джон Сайфер.

От автора

По-моему, очень интересное интервью, как говорится, от первого лица, раскрывающее «кухню» работы и самого резидента ЦРУ, и оперативного состава резидентуры, его подчиненных. На моей памяти впервые сотрудник ЦРУ, работавший в Москве, рассказывает в общих чертах о московской резидентуре и о ее руководителе. Делает он это как бы мазками, по отдельным аспектам ее деятельности, но тем, кто умеет читать между строк, многое понятно и лежит на поверхности. Прежде всего, он выделяет как само собой разумеющийся принцип строжайшей секретности во всем, что касается резидентуры ЦРУ.

Немаловажны и бюрократические каноны отчетности резидентуры по всем вопросам, связанным как с пребыванием в стране, контактам в

посольстве, так и в разведывательной работе, то есть и бумаготворчество американцам отнюдь не чуждо. Лидерские качества руководителя и такие стороны его личности, как умение вникать в повседневные дела резидентуры, своевременно вносить необходимые коррективы в детали предстоящих операций, лично участвовать в планировании разведывательных мероприятий и главное — чувство ответственности, — вот те составляющие успеха, которые считали ключевыми бывший руководитель московской резидентуры ЦРУ.

Сайфер подчеркивает важность поддержания легенды прикрытия разведчика как внутри посольства, так и за его пределами, ну и, конечно, тщательность подготовки операций по связи с агентами, как он говорит, «работы на улице». Основополагающий принцип успешной «работы на улице» с агентом, констатирует Сайфер, предполагает исключительно самостоятельное принятие разведчиком решения о начале такой операции при стопроцентной гарантии отсутствия за ним контроля со стороны наружного наблюдения КГБ и праве разведчика сойти с проверочного маршрута на любом из его этапов и «свернуть» операцию при малейшем подозрении на присутствие поблизости наружного наблюдения.

Несмотря на то что высказанные Сайфером в интервью суждения о руководителе и его месте в составе резидентуры носят общий характер, они, тем не менее, дают наглядное представление о том, что такое резидентура, о механизме ее работы, ее руководителе. В своем интервью Сайфер упоминает Кристофера Стила, досье которого легло в основу антитрамповской кампании в США. Стил более двадцати лет проработал в разведывательной службе Великобритании МИ-6, занимаясь в основном Россией. В 90-х годах он на протяжении трех лет в качестве резидента шпионил в Москве под дипломатическим прикрытием. В период с 2006 по 2009 год он руководил российским отделом в штаб-квартире МИ-6 в Лондоне.

Весной 2016 года маленькая исследовательская фирма «Орбис Бизнес Интеллидженс» (Orbis Business Intelligence), созданная Силом (и его партнером) в 2009 году после его ухода из британской секретной службы МИ-6, дала согласие провести в интересах оппозиции президенту США расследование «таинственных» связей Трампа с Россией.

По условиям договора, «Орбис» выступала в качестве субподрядчика и работала на частную аналитическую фирму из Вашингтона «Фьюжн Джи-пи-эс» (Fusion GPS). Та, в свою очередь, действовала в рамках договора с юридической фирмой «Перкинс Кои» (Perkins Coie), которая представляла предвыборный штаб Хиллари Клинтон и Национальный комитет Демократической партии. Якобы лишь спустя несколько месяцев после подписания договора Кристофер узнал, что его исследования по этой цепочке финансируются штабом Хиллари Клинтон и Национальным комитетом Демократической партии США. Досье английского разведчика Кристофера Стила, проплаченное Демократической партией США, легло в основу скандальных расследований, прокурорского и ФБР, предполагаемых контактов окружения Трампа с представителями России.

Глава третья

ЦРУ о каналах связи с агентурой. Немного истории

ЦРУ о безличной связи

Связь, не требующая встреч «лицом к лицу», использовалась в тех случаях, когда риск личных контактов был крайне высоким или они были невозможны. Безличные связи не позволяли агенту и куратору быть замеченными в одно и то же время в одном и том же месте. На начальной стадии вербовки агента личные встречи были необходимы, но они прекращались, когда отношения между агентом и куратором принимали скрытый характер. В районах с высокой активностью контрразведки переход к безличной связи был необходим для обеспечения безопасности агента.

Безличные связи с использованием тайников либо электронных устройств давали преимущества и для агентов, и для кураторов, поскольку контрразведке было сложно обнаружить такие операции. Когда задействуется тайник, агенту не требуются электронные устройства, но куратор тратит больше времени на выявление возможного наружного наблюдения, прежде чем оказаться в месте расположения тайника. Электронный обмен информацией устраняет необходимость длительной проверки на наличие слежки, но спецтехника может не сработать, как это случалось в первые годы ее использования.

Другим недостатком безличной связи было отсутствие возможности у куратора лично оценить эмоциональное и физическое состояние агента. Кроме того, канал безличной связи мог быть случайно или умышленно нарушен, даже перехвачен. Наиболее распространенными и безопасными формами безличной связи считались тайники.

ЦРУ о тайниковых операциях и тайниковых контейнерах

Тайники позволяли агенту и куратору обмениваться письмами, документами, кассетами с фотопленкой, деньгами, инструкциями и

заданиями без прямого контакта. «Короткие тайники» оставались ненадолго и требовали быстрой выемки и агентом, и куратором.

Места для тайников выбирались в районах, где агент и куратор могли находиться по своим повседневным делам. Для тайников использовались общественные места от парков до лестничных клеток, гаражей, лифтов и телефонных будок. Выбор места тайника зависел от страны, в которой проводились операции, и обстоятельств жизни агента. Идеальный тайник должен был иметь точное описание расположения, которое передавалось агенту, а также обладать условиями быстрого доступа к нему как для агента, так и для куратора. Место расположения тайника должно обеспечивать конфиденциальность, невозможность постороннего наблюдения в момент закладки и выемки материалов. И, наконец, место должно быть выбрано там, где и куратор, и агент могли находиться, не вызывая подозрения.

Тайник — наиболее предпочтительное средство безличной связи в опасных регионах, таких как Москва. Тайник отделяет агента и куратора по времени, но опасен тем, что пакет остается без присмотра в непредсказуемых условиях. Его может найти случайный прохожий, он может пострадать от каких-нибудь климатических катаклизмов, например внезапного снегопада. Закладка тайника может вызвать подозрения прохожих, как и выемка из него контейнера.

В московской резидентуре имелась возможность изготовить небольшие контейнеры для тайников из ткани, кожи, дерева или обрезков водосточных/водопроводных труб. В ход шли рабочие рукавицы, куски пластиковых шлангов и даже картонные коробки из-под молока или сока.

В Лаборатории тайниковых контейнеров ЦРУ в Вашингтоне первоначально тайниковые контейнеры изготавливались из веток деревьев. Древесина выдалбливалась, и туда вставлялся металлический контейнер таким образом, чтобы для любого постороннего взгляда это выглядело как кусок дерева.

Затем тайниковые контейнеры улучшили и стали выпускать в различных формах, в том числе в виде камней и старых консервных банок.

Такие тайниковые контейнеры для двустороннего обмена между агентом и офицером-куратором можно было оставить в общедоступном

месте на заранее известном расстоянии от дорожного указателя дороги или шоссе. Тайниковые контейнеры всегда должны были гармонировать с окружающей обстановкой и не встраивались в ценные предметы, чтобы не привлекать лишнего внимания. Наоборот: чем более отталкивающий вид имеет тайниковый контейнер, тем выше его оперативное качество. Предмет с пятнами масла или нефти, торчащий из стены электрический кабель с оголенными проводами, грязные бинты или другие медицинские изделия, а также экскременты животных вряд ли будут подобраны случайным прохожим. Труп животного также является универсальным и эффективным камуфляжем для тайникового контейнера.

Во время холодной войны предметы с внутренними полостями, такие как мебель и автомобили, использовались в оперативных мероприятиях — в них прятали предметы, людей, из них осуществляли незаметную «выброску» разведчиков. Камуфляж создавал иллюзию того, что предмет, используемый в качестве тайникового контейнера, не имеет никакого отношения к оперативной работе.

Некоторые тайниковые контейнеры предназначены исключительно для сокрытия и использования с их помощью агентами шпионского оборудования, например сокрытие фото- или видеоаппаратуры в авторучках, тубиках губной помады, брелоках для ключей, механических бритвах. Другие тайниковые контейнеры с секретными полостями предназначены для хранения материалов, например атташе-кейсы с двойным дном, книги с тайниками в обложке, электролампы и статуэтки с полостями внутри и т. д.

Для провоза через границу шпионских инструкций и шифровальных блокнотов изготавливались одноразовые контейнеры в виде различных сувениров, фигурок святых, макетов исторических зданий, копий скульптур и других неразборных предметов, которые было необходимо только сломать, чтобы извлечь содержимое.

В период холодной войны ЦРУ провели более 140 операций по скрытой транспортировке людей. Для этого создавались специальные тайники в форме коробок и полостей внутри автомобилей для поддержания жизнедеятельности невозвращенцев или перебежчиков. В специальной охлаждаемой коробке человек весом до 110 кг и ростом до 2 м мог пробыть около восьми часов. Некоторые контейнеры содержали пакеты для мочеиспускания, впитывающие губки, еду, воду, пакеты со

льдом и даже вентиляторы. Время использования таких контейнеров ограничивалось запасом кислорода.

ЦРУ о сигнальных операциях

Сигнальные операции применяются для обмена условными сообщениями между куратором и агентом. Некоторые типы сигналов сообщают о начале или об успешном окончании операции и, как правило, связаны с конкретным местом встречи или тайником. Сигналы, как правило, располагаются в общественных местах, вдали от фактического места тайника, и ставятся таким образом, чтобы агент, куратор или другой офицер разведки проходили мимо них своими обычными ежедневными маршрутами. Часто это уличные указатели, телефонные столбы, опоры моста и почтовые ящики.

Визуальные сигналы «ставятся» с помощью почтовых марок, белой клейкой ленты, изолянта, цветных кнопок, наклеек и мелков, помады и даже смятых пачек сигарет. Банка кока-колы в качестве сигнала могла быть очень эффективной, так как она хорошо видна из проезжающей мимо автомашины, автобуса или без труда могла быть замечена пешеходом. Наклеенная лента или цветная кнопка, отметка мелом или другим предметом служили сигналом опасности или инициировали начало операции побега. Хотя сигнальный знак, нанесенный мелом, виден всем, его значение неизвестно никому, кроме агента и куратора. Обычно после закладки материалов в тайник ставится сигнал «тайник загружен». Человек, собирающийся произвести выемку тайника, должен подтвердить получение сигнала, прежде чем отправиться к месту тайника. После выемки должен быть поставлен сигнал, сообщающий, что материалы, извлеченные из тайника, находятся в безопасности и операция завершена. Отсутствие оговоренных заранее сигналов указывало на проблемы и предупреждало агента и куратора о том, что следует держаться подальше от места тайника.

Еще одним способом установки сигнала была, например, «автостоянка», когда использовался автомобиль либо припаркованный в определенном месте, либо повернутый на стоянке в заранее оговоренную сторону. Применялся и «оконный» сигнал, когда створки окна, шторы или жалюзи были открыты, частично открыты или закрыты. Несмотря на контроль спецслужб, для безопасной передачи и

приема сигналов иногда применялась система городской телефонной сети.

Сигнал «тихий вызов», или «глухой телефон», принимался агентом в заранее определенное время. Вызывающий, используя телефон-автомат в неприметном месте, ничего не говорил в трубку, но оставался на линии определенное количество секунд до отбоя. Тщательное выполнение такой операции и редкое использование «тихого телефонного вызова» практически не оставляли контрразведке шансов на расшифровку сигнала.

Безличный обмен сигналами проводился с использованием почтовой связи, телеграфа, газет, радиопередач, а также Интернета и телефона. Внутри общедоступных систем коммуникаций сигналы скрытой связи смешивались с миллиардами ежедневных телефонных звонков, писем, открыток, телеграмм, газетных объявлений, сообщений электронной почты и т. д.

Когда требовалась личная встреча, применялся прием «опознавательный признак» в качестве безопасного закодированного сигнала от агента куратору. Как правило, агенту давалось задание явиться на оживленный перекресток в заранее оговоренные дату и время в одежде определенного цвета, что было сигналом для куратора, но ничего не говорило контрразведке, даже если агент был под наблюдением. Любой сотрудник, осведомленный об операции, мог наблюдать на расстоянии за появлением в установленное время «правильно» одетого человека.

ЦРУ о почтовом канале связи

Одним из основных классических методов скрытой связи было обычное письмо с бытовым текстом, которое содержало тайнопись. Смешанные с миллионами почтовых отправок, письма-прикрытия, содержащие тайнопись, с описанием каникул и семейных новостей практически не могли быть обнаружены. Агенты американской разведки из всех стран мира, включая СССР, посылали письма в Европу и в США на специальные адреса, которым ЦРУ присвоило маркировку «АА».

КГБ тщательно следил за исходящей и входящей в СССР почтой, и советские цензоры хорошо знали о методах тайнописи и просматривали как почту иностранцев, так и своих граждан. Но

поскольку КГБ не мог открывать, читать и проверять каждое письмо, в ЦРУ предположили, что советская цензура должна иметь свои правила. И чтобы узнать эти правила и обойти их, сотрудники Отдела технического обеспечения ЦРУ решили понять систему отсева, по которой изымались и отмечались подозрительные письма.

У ЦРУ было много вопросов: кто и где принимал решение о направлении подозрительного письма офицеру-химику КГБ, почему письмо откладывалось в сторону, по каким признакам оно отбиралось из потока корреспонденции? Технические сотрудники ЦРУ в те годы направили по почте сотни писем-тестов и в СССР, и из него с бесконечными вариациями дат и времени отправки, районов, страны предназначения, типа письма или открытки. Также варьировались печатные и рукописные письма. Исследования продолжались в течение нескольких лет с письмами на разных языках, разных размеров и стилей. Письма посылали и из США на восточноевропейские и российские адреса, а также из Советского Союза в Европу и в США на специальные адреса, которым ЦРУ присвоило маркировку «АА». Многие адреса «АА» принадлежали обычным гражданам, завербованным ЦРУ с единственной целью — получать почту от неизвестного им отправителя.

После прибытия почты получатель звонил по номеру, это было сигналом для ЦРУ о доставке письма. Письмо привозили в Отдел технического обеспечения для экспертизы и оценки. Конверты рассматривались на ярком экране в поисках маркировок, отпечатков пальцев и определения методов вскрытия, так же как и следов химикатов, которые, возможно, использовались КГБ, чтобы проверить письмо на наличие тайнописи. Маленькие детали, такие как расположение отпечатков пальца по периметру бумаги, давали сведения о тщательности исследования письма.

Один из работников группы зондирования рассказывал, что он ездил в Ленинград, а затем в Прагу, только чтобы проследить за временем почтового транзита. По его словам, открытку, например, получили через два дня, запечатанные посылки шли около двух недель.

И в ЦРУ начали понимать, как различные страны осуществляют цензуру. По результатам многолетних исследований техническими специалистами были даны рекомендации в Советский отдел ЦРУ, какие методы и из каких городов использовать для отправки тайнописных

сообщений. Исследование советской почтовой системы показало, что аполитичное, безобидное сообщение от американского туриста на открытке или письме, отправленное в США, привлекло бы внимание всего лишь советских цензоров. А открытка или письмо от советского гражданина, отправленное за границу, гарантированно бы вызвало серьезное подозрение со стороны КГБ.

Была достигнута договоренность с американскими чиновниками, работающими в Европе, о том, что во время визитов в Советский Союз они всякий раз будут покупать конверты и открытки с достопримечательностями — с видами, например, Эрмитажа, Кремля, Красной площади. Затем открытки посылали в Лэнгли, где сотрудники ЦРУ заполняли их стандартными текстами путешествующих по СССР туристов. Открытки затем возвращались в СССР и закладывались в тайник агенту для использования в соответствии с новым планом агентурной связи. Открытки и письма посылались на западные адреса, где получатель, когда прибывала эта почта, связывался с ЦРУ, используя «чистый» телефонный номер.

ЦРУ о защите безличной связи

Безличная связь обеспечивалась средствами тайнописи (специальные чернила, копировальная бумага, микроточки) и шифрованием тайнописных сообщений, направляемых по почтовому каналу кураторами агентам и агентами в разведцентр. Сообщения, передаваемые через тайник в письменном виде, также защищались тайнописью и шифрами.

Одноразовые шифроблокноты были теоретически невскрываемой системой шифрования. Они состояли из нескольких страниц со случайным набором цифр, разбитым на пятизначные группы, и изготавливалось только два экземпляра таких блокнотов: один для агента, который передавался ему через тайник, другой для куратора.

Одним из видов скрытой связи были односторонние голосовые радиопередачи, принимавшиеся на обычный коротковолновый приемник и передаваемые для агента в определенные дни и время на только ему одному известной частоте. Передачи, которые принимал агент, а затем расшифровывал, состояли из ряда цифр, объединенных в группы по пять, и велись мужскими или женскими голосами. Тексты

могли читаться на любом языке и повторяться через несколько часов или дней на той же или уже другой частоте.

ЦРУ о ближней радиосвязи

Безопасность работы с агентурой в СССР всегда была наиболее актуальной для ЦРУ. Для проведения высококонспиративных контактов с особо ценными агентами требовались устройства, позволявшие ЦРУ быстро и надежно общаться с агентом с минимальным риском его расшифровки.

С середины 1970-х годов внутри Советского Союза стала применяться ближняя агентурная радиосвязь, известная в ЦРУ как SRAC, что практически явилось технической революцией в области агентурной разведки. Ближняя радиосвязь позволяла агенту и куратору обмениваться информацией без необходимости личной встречи или закладки тайника, за которыми могла наблюдать контрразведка.

Приборы этой системы ближней радиосвязи в ЦРУ получили кодовое наименование BUSTER и применялись для радиообмена короткими зашифрованными сообщениями в несколько сотен символов менее чем за пять секунд между двумя специальными приемопередатчиками.

Агент размещал свой блок прибора в кармане верхней одежды и «выстреливал» свое сообщение в заранее установленных местах в любое время дня и ночи. Ему не нужно было знать, где находится приемник, который мог располагаться в посольстве, в квартире сотрудника ЦРУ, в его автомашине, портфеле или дамской сумочке разведчицы.

Это специальное устройство работало как быстродействующий передатчик. Имея размер около 15х7х2,5 см и вес не более 230 г, оно было достаточно маленьким, чтобы можно было легко спрятать его в кармане пальто. Прибор имел крошечный дисплей для показа одной цифры или буквы русского алфавита и клавиатуру не более 4 см².

Чтобы загрузить в передатчик сообщение, агент сначала преобразовывал текст в шифр, используя одноразовый шифро-блокнот. Затем набирал зашифрованный текст на клавиатуре по одному символу с учетом того, что прибор мог хранить в памяти до 1500 знаков. После того как данные были загружены, агент выходил на прогулку с передатчиком в кармане и, находясь в пределах 300 м от приемника,

нажимал кнопку «Передача». Приемник имел размеры около 22x28x13 см и обычно находился на одном из подоконников в квартирах, где жили сотрудники ЦРУ, или внутри их припаркованных автомобилей.

Таким прибором был снабжен агент ЦРУ Поляков (генерал ГРУ) еще во время работы в Индии, затем уже более совершенный прибор был передан ему и в Москве. BUSTER стал техническим прорывом и, возможно, представлял собой первый в мире прибор для автоматического обмена текстовыми сообщениями. Расстояние защищало передатчик и приемник от идентификации, в то время как радиопередачи и шифрование защищали непосредственно связь. С помощью этого прибора агент и офицер-куратор связывались в режиме реального времени, прибор обеспечивал анонимность и безопасность агента. BUSTER предназначался не только для Полякова, но и для новых агентурных проектов.

Для успешной работы в Москве с прибором BUSTER резидентура ЦРУ провела комплекс разноплановых подготовительных мероприятий. Например, надо было определить, откуда агент мог безопасно для себя вести радиопередачу. Чтобы определить это, оперативно-технический сотрудник резидентуры ЦРУ посылал кодированные сигналы в различных районах города, пытаясь выявить конкретные точки на местности, подходящие для передачи и находящиеся неподалеку от оперативных квартир сотрудников ЦРУ.

Чтобы не привлекать внимания КГБ к этой работе, она была разделена среди всего персонала резидентуры. Проводилось скрытое фотографирование улиц в районе квартир ЦРУ с целью подбора подходящих для устойчивой радиосвязи мест. Оперативно-технический сотрудник резидентуры проявлял фотографии улиц и районов, а затем сравнивал их со спутниковой картой, присланной из штаб-квартиры ЦРУ. Рассчитывались расстояния, углы и учитывались мешающие радиосвязи строения, расположенные между приемными станциями и позициями агента. После этого была подготовлена окончательная карта с отмеченными пригодными для сеансов радиосвязи местами. Когда карта была полностью готова, ее с инструкциями передавали агенту через тайник.

Наиболее активно этот способ связи использовался для обмена информацией с агентом ЦРУ Поляковым. Более усовершенствованная

модель прибора передавалась и агенту ЦРУ Адольфу Толкачёву для проведения и с ним аналогичных операций по использованию ближней радиосвязи.

Использование аппаратуры BUSTER «победило» русскую службу наружного наблюдения, сотрудники которой не могли заранее знать, где именно агент и куратор будут обмениваться радиосообщениями. Приборы ближней радиосвязи были одними из первых образцов оперативной техники для обмена текстовыми сообщениями. Лишь в 1990-е годы на рынке бытовой техники появились цифровые пейджеры для приема сообщений, затем в них добавили функцию передачи. Позже и мобильные телефоны оснастили функцией обмена текстовыми сообщениями, и ближняя связь перестала быть уникальным способом безличных контактов между двумя людьми, но в варианте мобильных телефонов она уязвима для контрразведки, если не соблюдать строгие требования конспирации.

ЦРУ об истории создания спутниковой радиосвязи

В конце 1960-х годов ЦРУ впервые реализовало на практике программу BIRDBOOK. Идея заключалась в том, чтобы агент с небольшого телефона посылал направленный зашифрованный информационный сигнал на орбитальный спутник, который, в свою очередь, ретранслировал его в место приема. В этой системе связи агент мог получать и передавать разведывательную информацию, находясь внутри своей страны и без личного контакта с сотрудником ЦРУ. Но, как показала практика, оперативное использование системы BIRDBOOK было связано с рядом ограничений. У агентов было всего 5–7 минут в качестве «окна для выстреливания» информации на движущийся по орбите спутник. Успех связи также зависел от прямой видимости в направлении передачи, а также от точной ориентации и расположения передающей антенны. Несколько позднее система была переориентирована на спутники, «висящие» на геостационарной орбите, но контрразведка СССР узнала о новой системе связи и разработала средства для перехвата сигнала и пеленгации места расположения агента, тем самым в 1983 году скомпрометировав эту систему безличной связи. Несмотря на это, технология BIRDBOOK показала, что спутники, обработка сигналов и технические компоненты

могут быть интегрированы в систему скрытой связи на большие расстояния.

В последующие два десятилетия новые поколения государственных и коммерческих спутников увеличили зоны обслуживания и сделали более совершенной обработку сигналов, что в результате позволило применять передатчики малой мощности. За десять лет до появления спутниковых телефонов ЦРУ в кооперации с промышленностью и государственными ведомствами создала аналогичные системы скрытой связи для ограниченного числа особо важных агентов ЦРУ.

От автора

Безличная связь с использованием тайниковых контейнеров и различных сигналов — как их описывают американцы — известна нам уже десятки лет, и наши представления о ней не отличаются оттого, как это трактуется экспертами ЦРУ. В процессе оперативных мероприятий по контролю за американскими разведчиками, в ходе оперативных игр и следственных действий по разоблаченным агентам ЦРУ нами добывались контейнеры в виде грязных масляных тряпок, носков, пакетов из-под молока, деревянных веток и брусков. Затем ЦРУ в массовом порядке перешло на пластиковые контейнеры, выглядевшие как куски угля, кирпичи, но чаще — как камни неправильной формы в виде булыжников совершенно различных размеров — от камешков с кулачок до больших и даже очень больших валунов.

Через тайниковые контейнеры агентура получала крупные и не очень денежные средства, шифровальные блокноты, инструкции по организации конспиративной связи, средства тайнописи, заготовленные за границей письма для последующего направления их с невидимыми текстами за границу, драгоценности, элементы спецтехники, задания по сбору интересующей ЦРУ информации, письма с оценкой проделанной работы, чистые кассеты для фототехники и другие элементы шпионского оборудования.

Сигнальные операции ЦРУ неотделимы от тайниковых операций и личных встреч, но они могут носить и самостоятельный характер. Например, в нашей практике графические сигналы иной раз

обозначали, что агент год назад успешно возвратился после длительной загранкомандировки, не находится под контролем КГБ и готов приступить к работе в Москве.

Очень интересен материал, посвященный почтовому каналу. ЦРУ приложило немало усилий по выяснению для себя особенностей почтовых отправок и условий прохождения почты в Советском Союзе. Американцы организовали серьезные исследования, практически задействовав для этого значительные силы и средства. Они, как на карусели, перемещались туда и обратно, чередовали почтовые отправления из СССР за рубеж, преимущественно в США, с бросками корреспонденции из-за границы в нашу страну, меняли адреса и внешний вид корреспонденции и почерк исполнителей, а затем все подвергали тщательному анализу.

И действительно, после анализа полученных в результате многолетних исследований данных техническими специалистами ЦРУ были даны конкретные рекомендации оперативным подразделениям, каким образом использовать почтовый канал в СССР. В итоге всем завербованным ЦРУ агентам, в каком бы регионе нашей страны они ни проживали, рекомендовалось приезжать в Москву и направлять шпионскую корреспонденцию в виде писем-прикрытий, содержащих тайнопись, в США или другие страны дальнего зарубежья только из центральной части города, то есть оттуда, где обычно бывает много иностранцев.

Передававшиеся через тайники все письма-прикрытия, предназначенные для отправления агентами из СССР за границу, изготавливались в ЦРУ на английском языке и имитировали переписку иностранных туристов, путешествовавших по СССР.

Письма из ЦРУ на домашние адреса агентов в СССР, содержащие тайнопись, изготавливались в ЦРУ на русском языке и с соблюдением мер предосторожности опускались разведчиками посольской резидентуры в московские почтовые ящики.

Если говорить о средствах защиты безличной связи, здесь, прежде всего, речь следует вести о запрете для агентов передавать в разведцентр по почтовому каналу или через тайники информацию в незашифрованном виде, которая должна была быть нанесена на бумажный носитель обязательно с применением средств тайнописи. Многолистные одноразовые шифро-блокноты для каждого агента

всегда были сугубо индивидуальными и состояли из столбцов пятизначных, случайным образом скомпонованных групп. Странички шифроблокнотов были исполнены из быстрорастворимой в воде бумаги, что обеспечивало эффективность их уничтожения.

В лабораториях ЦРУ многие годы экспериментировали с различными видами тайнописи, основными критериями для которых являлись ее стойкость и удобство для агента ее и проявления, и нанесения. Чаще всего в качестве средств тайнописи агентам передавались таблетки для ее проявления/нанесения и тайнописная копия для подготовки сообщений. Одно время направлявшиеся в адрес агента по почте тайнописные сообщения ЦРУ для их проявления следовало подвергнуть тепловому воздействию, но затем стали применяться «водные процедуры» — агентам предписывалось опустить письмо на короткое время в воду.

Ближняя радиосвязь — наименее уязвимое средство коммуникаций между разведчиком и агентом. Наличие всего лишь двух экземпляров аппаратуры для обмена информацией и незначительные расстояния между приемником и передатчиком делают использование ближней радиосвязи идеальным средством шпионажа.

Мы были осведомлены в том, что ЦРУ проводит такие операции в Москве, в частности осуществляются радиовыстрелы на здание посольства США из проезжающих автомашин или троллейбусов, на жилые дома, где проживали исключительно иностранцы, на стоящие без пассажиров автомашины с дипломатическими номерами, принадлежащие посольству США, в которых находились дамские сумочки или рюкзаки. Фиксировались аналогичные операции с одного берега водоема на другой или внутри закрытых помещений ангарного типа. Нами проводились мероприятия по изучению условий прохождения в городе таких сигналов и выявлению конкретных мест, удобных и пригодных для ближней радиосвязи, но перехватить в то время, в 80-е годы прошлого столетия, такие боевые операции ЦРУ и идентифицировать источники радиоизлучений не представлялось возможным.

Посольская резидентура ЦРУ активно изучала в «полевых условиях» использование спутниковой радиосвязи между агентом и разведцентром для дальнейшего применения в Москве. Но пробные сеансы связи из парковых зон Москвы с помощью радиопередатчика,

изготовленного по технологии BIRDBOOK, на «висевшие» на геостационарных орбитах ИСЗ «Морисат» были своевременно зафиксированы и идентифицированы радиоконтрразведкой КГБ.

После серьезной подготовительной работы в 1983 году контрразведка осуществила операцию по захвату с поличным заместителя резидента ЦРУ в Москве Ричарда Осборна и его жены в Филевском парке Москвы, где разведчики в очередной раз совершали пробные сеансы связи. Аппаратура была изъята, а сам разведчик объявлен персоной нон грата. Таким образом КГБ удалось скомпрометировать саму идею использования ЦРУ в шпионских целях спутниковой связи в условиях Москвы.

Глава четвертая

Театр одного актера

ЦРУ о контроле наружного наблюдения КГБ

КГБ, как показали события, не был в курсе всех технических возможностей американцев по перехвату и контролю радиопередач службы наружного наблюдения во время ареста Марты Петерсон (1977 год). Разработка обнаруженного КГБ у Марты Петерсон радиоприемника с кодовым названием SRR-100 началась в ЦРУ в первой половине 1970-х годов, после того как офицер-техник ЦРУ в Москве перехватил радиопереговоры КГБ на ранее выявленных частотах и сопоставил переговоры с перемещением американского персонала. После этого резидентура ЦРУ в Москве организовала серию выездов своих оперативников по заранее запланированным маршрутам, чтобы расшифровать радиопереговоры наружного наблюдения КГБ. Настраивая свои радиоприемники, сотрудникам ЦРУ удалось идентифицировать сигналы и сделать записи радиопередач, а затем отпечатать на принтере картину размещения частот КГБ.

Упаковки с радиоприемниками SRR-100 были достаточно маленькими, чтобы можно было спрятать их под верхней одеждой. Офицер мог фиксировать время в случае необходимости, нажимая особую кнопку, когда он выходил на улицу, затем пять минут спустя и когда поворачивал за угол. Анализ расположений офицеров в городе был сопоставлен с радиопереговорами наружного наблюдения, чтобы определить, когда и за кем была слежка и какая частота при этом использовалась.

Через некоторое время была составлена картина интенсивности и типа слежки, с которой сталкивались американцы, а также представление о том, как КГБ координировал свои усилия. Так появилась модель определения стандартной процедуры КГБ и был проведен детальный анализ типов поведения американцев, которые привлекают к себе внимание КГБ. Перехват показал, что в радиопереговорах КГБ было совсем не много комбинаций терминов и чисел. Например, произносимое в эфир число «двадцать один» означало, что «объект в моем поле зрения», в то время как другие

кодовые выражения обозначали определенных людей или их действия. Короткие радиопереговоры и даже отдельные слова могли указывать на слежку, в то время как продолжительная тишина в эфире являлась надежным признаком ее отсутствия.

ЦРУ обнаружило, что служба наружного наблюдения может следовать за объектом, разбившись на несколько бригад. Одна бригада вела наблюдение открыто и даже демонстративно, в то время как вторая бригада действовала противоположным образом. Иногда сотрудники службы наружного наблюдения использовали переодевание, чтобы избежать расшифровки, иногда меняли цвет и модели автомобилей.

Наблюдение могло быть организовано со стационарных постов, расположенных в жилых домах или учреждениях. Существовали «теплые комнаты», обогреваемые в зимние месяцы, где свободные от слежки сотрудники наружного наблюдения могли переодеться и где находилась резервная группа офицеров. Это означало, что наружное наблюдение могло появиться или исчезнуть практически в любое время. Главным условием для проведения оперативного мероприятия ЦРУ было уверенное определение того, кто и когда был свободен от слежки хотя бы на короткий период.

Теперь для того чтобы использовать результаты радиоперехвата, оперативно-технической службе ЦРУ необходимо было сконструировать закамуфлированное скрытое устройство радиоперехвата — так появился радиоприемник SRR-100. Первые модели SRR-100 могли контролировать только одну частоту. Затем появился двухканальный кварцевый приемник, а вслед за ним было сконструировано многоканальное устройство радиоперехвата, чтобы держать под контролем все известные частоты радиосвязи службы наружного наблюдения КГБ. Сканирующий приемник БЯК-100 сделали достаточно маленьким, чтобы его можно было носить скрытно под одеждой и зимой и летом, не привлекая к нему внимания.

Для обеспечения скрытного использования прибора ученые сконструировали «индукционную петлю», которая размещалась вокруг шеи под одеждой и соединялась с приемником, висевшим на плечевом ремне под мышкой. Петля служила антенной для приемника перехвата частот наружного наблюдения КГБ и одновременно работала как передающая антенна для крохотного приемника наушника, размещавшегося в ухе. Для маскировки наушника на основе

фотографий ушей оперативных сотрудников изготавливались силиконовые уши. Каждый оперативный сотрудник ЦРУ получал по два комплекта ушей, окрашенных в его индивидуальный цвет кожи, — два для правого и два для левого уха.

Сотрудникам московской резидентуры пришлось вооружиться терпением, чтобы изучать обстановку неделями и месяцами, подготавливая основу для планирования и проведения мероприятий. В итоге американцы научились не только контролировать наличие наружного наблюдения, но и идентифицировать местоположение и действия бригад. Теперь оперативный сотрудник мог, двигаясь по улице, контролировать радиопереговоры КГБ и точно знать, действительно ли он под наблюдением.

Главный вывод, который американцы для себя сделали, — система слежки КГБ несовершенна, и, даже находясь под наблюдением, они иногда могли исчезать ненадолго, не вызывая беспокойства «наружки». Например, оперативник, одетый как типичный советский гражданин, мог без труда смешаться с толпой на несколько минут, а затем снова появиться в поле зрения наружного наблюдения. Но для таких опасных маневров оперативный сотрудник должен был двигаться по заранее отработанному маршруту так, чтобы короткое исчезновение служба наружного наблюдения сочла собственным недосмотром.

«Чистая щель» и глубокие прикрытия

Операция «Чистая щель» — детище Бартона Ли Гербера, возглавлявшего резидентуру ЦРУ в Москве с 1980 по 1982 год. Гербер обратил внимание, что его офицеры практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Каждый раз за ними следовали сотрудники КГБ. Зато несколько человек, занимавших невысокие посты в Госдепартаменте, могли ходить, куда им вздумается. Одна из причин, почему КГБ всегда знал за кем следить, заключалась в том, что сотрудники Управления, будучи старшими офицерами, уже успели послужить где-то за рубежом, при этом нередко занимаясь вербовкой советских граждан. У КГБ имелись на них толстенные досье еще до их приезда в Москву.

Гербер решил, что новичка с Фермы (учебный Центр ЦРУ), никогда не бывшего за границей, будет вычислить намного сложнее, особенно если он будет занят полный рабочий день в Госдепартаменте

и ему прикажут избегать помещения резидентуры ЦРУ в посольстве США в Москве. В довершение ко всему о нем будут знать лишь коллеги из Управления и сам посол. Использовать же его станут только при крайней необходимости — когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то покинул посольство без «хвоста».

Начальство отнеслось к предложению Гербера со скепсисом. Они не желали посылать в Москву новичков. Более того, им была ненавистна сама мысль о том, что сотрудник ЦРУ будет работать полный рабочий день на Госдепартамент. Однако в результате Гербер одержал победу, и в конце 1981 года в Москву был направлен офицер в соответствии с проектом «Чистая щель».

В начале 1982 года московская резидентура начала менять традиционную тактику работы оперативных сотрудников, предполагавшую отработку всех деталей операций. Стал реализовываться план Гербера. Для этого резидентуре потребовались новые люди — «глубоко законспирированные» оперативники, находящиеся полностью вне поля зрения КГБ. Им следовало оставаться «невидимками» на протяжении всего времени службы. Нужного эффекта предполагалось добиться, определив этих сотрудников на незначительные должности с таким ежедневным расписанием, которое не могло привлечь внимания КГБ.

У большинства оперативников ЦРУ было какое-то прикрытие. Они могли быть в ранге дипломатов или военных атташе, но при этом они проводили много времени в резидентуре и занимались оперативной работой. «Глубоко законспирированным» оперативникам, напротив, следовало держаться от резидентуры на расстоянии. Им там не полагалось своих столов, они не могли печатать там отчеты и участвовать в важных и оживленных обсуждениях в кабинете Гербера.

Несмотря на высокие ставки и постоянный риск, это должны были быть новоизбранные сотрудники ЦРУ, для которых это было первое задание и которых агенты КГБ не могли прежде видеть ни в одной точке мира. Ради конспирации им следовало появляться в резидентуре очень редко и очень ненадолго, заходя через отдельный вход. Резидентура намеревалась поддерживать с ними связь, используя тайники, растворимую в воде бумагу и посредников. Все эти неудобства перевешивало одно большое преимущество: такие сотрудники могли избежать слежки.

Операции под «глубоким прикрытием» начались в Москве лишь после продолжительной подготовки и бюрократических препирательств в Вашингтоне. ЦРУ нужно было договориться с другими ведомствами, прежде всего с Госдепартаментом, о «чистых вакансиях» — должностях, которые прежде не использовались разведкой. ЦРУ и Госдепартамент как ведомства часто конфликтовали. Дипломаты традиционно возмущались присутствием среди них шпионов, и в Госдепартаменте терпеть не могли отдавать ЦРУ драгоценные заграничные ставки. Информация о тех, кто будет работать под «глубоким прикрытием», была доступна очень узкому кругу лиц, куда входили посол и шеф резидентуры.

Первого «глубоко законспирированного» сотрудника штаб-квартира отправила на дипломатическую учебу, чтобы он выглядел как обычный работник Госдепартамента (речь идет о Роберте Моррисе). Он приехал в Москву летом 1981 года, и после нескольких месяцев подготовки Гербер решил опробовать с ним новую схему. 15 февраля 1982 года Гербер направил Морриса на встречу с Толкачёвым, которая завершилась удачно.

Так, «глубокоекрытие» стало главным методом оперативной работы ЦРУ в Москве. Законспирированные сотрудники дистанцировались и от резидентуры, и от агентов. Они работали в одиночку, со сверхнапряжением и риском.

Роберт Моррис был одним из лучших на учебных курсах ЦРУ. Он приехал в Москву с портфелем-дипломатом, по документам он был всего лишь чиновником Госдепартамента и стал неприметным административным служащим, необходимым в посольстве. Эту роль он выполнял со всем усердием, но прибыл ради другой. Моррис стал вторым глубоко законспирированным сотрудником московской резидентуры.

После того как Моррис несколько месяцев старательно занимался своей бюрократической работой, КГБ клюнул на его легенду и потерял к нему интерес.

Перед каждой встречей с Толкачёвым и Гуилшер, и Рольф по многу часов планировали ее в резидентуре.

Но что касается Морриса, то он, как глубоко законспирированный разведчик, был предоставлен сам себе. Набросав свой маршрут ухода от слежки, он должен был передать его в резидентуру, используя грубое

подобие тайника. Обычно он писал на быстро растворимой бумаге и оставлял листок в каком-нибудь укромном месте, например прикреплял магнитом к огнетушителю в коридоре посольства, откуда его забирал другой оперработник. Таким же способом он получал ответ из резидентуры. Когда предстояла операция, Моррис через потайную дверь приходил в резидентуру для короткого инструктажа, не более чем на 10–15 минут. Он запоминал инструкции и, если передача была замаскирована под кирпич или деревяшку, клал ее в свой дипломат, унося к себе в посольский офис, где было полно советских сотрудников. Там он плотно сидел на месте, не спуская глаз с дипломата, пока не наступал конец рабочего дня.

Ему почти ничего не перепадало отдуха товарищества, царившего в московской резидентуре. Ему не надо было писать письма или инструкции агентам. Он не готовил им передачи. Он просто доставлял их. Идеальный курьер — вот какова была его роль.

КГБ не обращал внимания на Морриса, месяцами перемещавшегося по Москве и закладывавшего тайники для различных операций резидентуры. Поскольку его прикрытием была работа чиновника Госдепартамента, он не носил с собой радиосканер, который помогал прослушивать переговоры КГБ: было бы слишком трудно объяснить наличие у него такого аппарата, если бы его на чем-то поймали. Не имея радио, Моррису приходилось судить о наличии слежки, опираясь только на собственный инстинкт и наблюдательность.

Как-то раз вечером весной 1983 года он был особенно занят. Он проявил невероятную ловкость, заложив сразу два тайника в разных концах города и нигде не попав в поле зрения КГБ. Но ему приходилось контролировать каждое свое слово и каждый жест. Он чувствовал себя изолированным, и у него не было возможности расслабиться. Верный своей легенде, он и дома не мог ни о чем говорить, хотя его жена участвовала в большинстве его вечерних вылазок.

«Джек из коробочки»

Офицеры московской резидентуры ЦРУ, ответственные за мероприятия, проанализировали тактику ведения наружного наблюдения в Москве и пришли к выводу: во время слежки бывают моменты, когда автомобиль выходит из поля зрения бригады наружного наблюдения и пассажир может надолго (или ненадолго) выйти. И если

его силуэт в окне автомобиля останется неизменным, бригада наблюдения ничего не заметит. Таким образом оперативный офицер мог бы уйти от слежки.

Метод «выброски» из автомобиля был одним из основных методов шпионажа, и для решения этой проблемы Оперативно-технической службе ЦРУ нужно было создать муляж-двойник пассажира автомобиля, находящегося под наблюдением.

Два молодых инженера Службы получили задание посетить магазин интимных товаров на Четырнадцатой улице в Вашингтоне. Там инженеры осмотрели товары для сексуальных развлечений и нашли то, что нужно: три надувные секс-куклы, пригодные для создания муляжа пассажира. Основным требованием для нового специального изделия было то, чтобы куклы надувались быстро и сидели прямо. Такой фиктивный пассажир должен был появиться за доли секунды после того, как оперативник покинет автомобиль, например при повороте автомобиля за угол.

Техники решили, что для быстрого надувания манекена потребуется что-то вроде контейнера со сжатым воздухом. Первое тестирование показало, что манекены рвутся при быстром надувании — швы расходились от сильного давления воздуха. Куклы продолжали рваться даже с укрепленными швами, изготовленные из других материалов и с меньшим давлением воздуха. Надутые манекены сидели криво и были не похожи на живого пассажира. Когда манекен наконец удалось усадить так, как нужно, за счет медленного поддува, начал шипеть клапан.

Последующий контроль качества кукол от разных изготовителей показал, что все манекены не выдерживали быстрого надува. После серии неудач разработчики проекта стали искать более изящное решение. Так ли было необходимо создавать манекен, который был бы как живой? Обычно бригада наружного наблюдения следовала сзади или впереди. Редко когда слежка велась «бампер в бампер». Может быть, трехмерный манекен и не требовался? А что, если обойтись двумерным туловищем с трехмерной головой?

И сразу появилась идея альтернативной фигуры из дерева, металла или пластмассы, которая должна быстро «выскакивать» на месте пассажира. Был сделан макет, который позволил обойтись без резиновых кукол, воздушных насосов и постоянных поездок в секс-

шопы. Эта новая спецтехника получила название «Джек из коробочки» (Jack-in-the-Box) — иначе ее еще называли «Черт из табакерки», сокращенно JBL.

В окончательном варианте изделие помещалось в портфеле среднего размера на пассажирском месте. Никакой предварительной установки не требовалось. Водитель одной рукой открывал портфель, и JBL немедленно занимал свое место. Когда пассажир должен был вернуться обратно в автомобиль, JBL одной рукой убирался в портфель, который скидывали с сиденья на пол.

К началу зимы 1982 года ЦРУ на некоторое время потеряло контакт с Толкачёвым. Пять назначенных встреч были пропущены, офицеры резидентуры, посылавшиеся на контакте Толкачёвым, не смогли оторваться от слезки. Встреча была крайне необходима, и ее должен был провести новый куратор Толкачёва Билл Планкерт, прибывший в Москву под прикрытием второго секретаря политического отдела посольства США летом 1982 года.

Вечером 7 декабря четыре нарядных человека, договорившиеся накануне по телефону, стоявшему на контроле КГБ, отпраздновать день рождения, выехали из посольства. За рулем автомобиля находился резидент ЦРУ в Москве Бартон Ли Гербер, рядом с ним на пассажирском сиденье расположился Планкерт, сзади были их жены, причем на коленях у жены резидента была большая коробка с тортом, в которой и находился «Джек из коробочки». До этого дня это хитроумное устройство ни разу в Москве не использовалось.

Пока машина колесила по Москве, Планкерт снял американскую верхнюю одежду и сложил ее в небольшую хозяйственную сумку. Затем он надел полнолицевую маску и очки, что сделало его похожим на русского старика. Когда он был готов, машина повернула за угол. Резидент приостановил автомобиль с помощью ручного тормоза, чтобы не включились задние огни. Планкерт распахнул дверцу и выскочил. В то же мгновение жена резидента поставила торт на переднее сиденье, где до этого ехал Планкерт, а жена Планкерта потянулась вперед и нажала рычаг. С громким хлопком верхняя часть торта раскрылась, выбросив наружу голову и торс. Машина продолжала движение дальше.

Планкерт успел сделать несколько шагов по тротуару, когда из-за угла выехала машина слезки. Сотрудники наружного наблюдения

увидели на тротуаре медленно бредущего старика, и они продолжили слежку, догоняя преследуемый автомобиль посольства США, не подозревая о том, что в автомобиле осталось лишь три человека.

Подмена личности как театр одного актера

Персональный контакт с Толкачёвым, инициативно предложившим свои услуги американской разведке, действительно начался с театра. 5 марта 1978 года, через пять дней после того как Толкачёв передал очередной пакет резиденту ЦРУ Хэттавею, заместитель резидента Джон Гуилшер с женой Екатериной (ее в посольстве ласково называли Киса) направились в Большой театр на балет «Анна Каренина».

Они разместились в ложе для дипломатов, вместе с ними в ложе была и служащая посольства из числа граждан СССР Галина Муравьева. В первом же антракте, как только дали свет, Гуилшер быстро покинул ложу и, выйдя из театра, из заранее подобранного им телефона-автомата установил первичный контакт с Толкачёвым, сообщив ему, что все его письма получены и что с ним свяжутся в ближайшее время. Галина попыталась вместе с Джоном Гуилшером также покинуть ложу, но Киса под благовидным предлогом ее удержала, создав тем самым условия для мужа остаться вне контроля.

12 мая 1980 года Гуилшер первый раз «перевоплотился», тщательно загримировавшись, прежде чем покинуть здание посольства США. Американцы исходили из того, что КГБ, хотя и тщательно проверял всех сотрудников посольства США, не мог установить наблюдение за каждым. Так, КГБ не следил за теми, кого считал обычными служащими, не связанными с разведкой. И сотрудник ЦРУ мог загримироваться под одного из тех работников посольства, кем КГБ не интересовался, и выйти с территории посольства, не привлекая внимания.

Трюк сработал, и Гуилшер покинул посольство неузнанным. Этим трюком заместитель резидента ЦРУ в Москве Джон Гуилшер пользовался неоднократно.

Очередная уловка ускользнуть от КГБ выглядела следующим образом. Гуилшер предупредил советские власти, что планирует ненадолго выехать из страны. Он, следуя плану, вылетел из Москвы, но вернулся раньше, чем предупреждал. Он надеялся встретиться с Толкачёвым до того, как КГБ поймет, что он уже здесь. Однако когда

Гуилшер проходил паспортный контроль, он заметил, что ему уделяют слишком пристальное внимание, и решил не проводить встречу.

Сотруднику ЦРУ Дэвиду Рольфу ни разу не пришлось срывать встречу с Толкачёвым благодаря разработанной московской резидентурой уникальной технике маскировки и подмены личности, позволявшей ему регулярно уходить от слежки.

Перед встречей Рольф с женой демонстративно приходили как бы на вечеринку на квартиру заместителя резидента по оперативной технике, который, что было известно КГБ, никогда не проводил тайниковых операций. Там Рольф маскировался так, что становился неотличим от хозяина квартиры. У того была длинная лохматая шевелюра. Рольф надевал парик с такой же шевелюрой. У технаря была длинная борода — Рольф приклеивал такую же. Хозяин квартиры помогал Рольфу приладить и закрепить маскировку, а затем снабжал его сканером радиочастот, антенной и наушником, чтобы отслеживать переговоры КГБ на улице. После этого Рольф выходил в город вместе с другим техническим специалистом — заместителем человека, внешность которого он только что позаимствовал. Поездив по городу в течение часа на микроавтобусе «Фольксваген» и убедившись в отсутствии слежки, Рольф снова менял маскировку (снимал парик и бороду), чтобы сойти за обычного советского рабочего.

Выезжая из посольства в гриме, Рольф преследовал только одну цель — обман: ему надо было ни в коем случае не привлечь к себе внимание КГБ. Последующие два часа он шел сложным проверочным маршрутом по московским улицам, прежде чем выйти в район встречи с Толкачёвым. На этой пешей части маршрута он вел себя более открыто, почти дразня своих противников. Он пытался выманить КГБ из засады — менял городской транспорт, заходил в магазин, фойе театра, где изучал афиши, приобрел билеты на спектакль, побывал в комиссионном магазине. Незадолго до назначенного времени встречи Рольф вошел в жилой дом, взобрался по лестнице на последний этаж и стал ждать и слушать, не идет ли кто-либо за ним. Главной его задачей было раствориться, стать «невидимым» для наблюдения и убедиться, что он «чистый». Это были два часа изматывающего напряжения. А тем временем его жена и заместитель резидента по технике молча сидели в квартире, чтобы слуховые контролеры КГБ не могли заметить, что на

самом деле заместитель резидента по технике все это время оставался дома.

В 1980 году, когда Лэнгли поручило резиденту ЦРУ в Москве Хэттавею предупредить агента «Федору» (сотрудника СВР КГБ Кулака) об утечке в прессу информации, указывающей на принадлежность «Федоры» к агентуре американской разведки, Хэттавей в очередной раз использовал «подмену личности». Чтобы гарантированно уйти от наблюдения, он «позаимствовал» внешность у своей секретарши, которая раз в неделю вместе с мужем ездила кататься на коньках. Хэттавей воспользовался ее одеждой, загримировался под нее, надел лицевую маску, взял коньки и сел в автомашину, за рулем которой был муж его секретарши. Милицейская охрана у ворот посольства подмены не заметила. Как только машина отъехала достаточно далеко от посольства, Хэттавей сорвал маску, некоторые средства маскировки и выскочил из машины.

Он несколько часов петлял по городу, пытаясь обнаружить слежку. У него с собой был фотоаппарат, так как он планировал предложить Кулаку эвакуацию из СССР, для чего ему были нужны свежие фотографии «Федоры». Убедившись в отсутствии наружного наблюдения, Хэттавей пришел по адресу проживания Кулака, поднялся по ступенькам дома, чтобы позвонить в квартиру «Федоры», но ему преградила путь дежурная консьержка, и он был вынужден прекратить операцию.

На следующий день Хэттавей повторил попытку выйти на контакт с «Федорой», и ему удалось переговорить с ним по телефону, но Кулак от тайной эвакуации из СССР отказался. Связь с ним была навсегда прекращена.

От автора

Выявлению наружного наблюдения со стороны контрразведки КГБ московская резидентура ЦРУ всегда придавала первостепенное значение. Ведь только полная уверенность в отсутствии слежки служила основой для принятия американским разведчиком решения о начале операции по закладке тайника или выходе на место личной встречи с агентом. Но личного опыта выявления наружного

наблюдения и отрыва от слежки для ЦРУ, как оказалось, было недостаточно. На помощь пришла спецтехника.

Эксперты ЦРУ достаточно откровенно рассказали об истории создания прибора, отвечавшего их потребностям организации персонального контроля в городе за бригадами наружного наблюдения. История создания американцами прибора БЯК-100, позволившего разведчикам ЦРУ контролировать работу в эфире бригад наружного наблюдения КГБ, весьма примечательна.

Оставим на усмотрение технических специалистов, насколько сложно было создать такой сканирующий прибор, поговорим о другом. Разведчиками резидентуры, «технарями» и аналитиками был проделан, несомненно, большой объем кропотливой работы по внесению ясности для себя, как работает в Москве наружное наблюдение и какой аппаратурой вооружены его сотрудники.

Мы, безусловно, фиксировали и контролировали длительные многочасовые и внешне бесцельные поездки разведчиков по Москве и в одиночку, и несколькими офицерами ЦРУ на своих автомобилях в разные стороны города, но твердый и окончательный вывод о предназначении тех поездок нами в то время сделан не был. До задержания Марты Петерсон контрразведка действительно не держала в руках подобного прибора и не располагала его техническими характеристиками. Заполучив приемную станцию SRR-100 и определив, какую частоту она контролировала, российскими техническими специалистами были приняты меры по замене собственных рабочих частот, добавлению других дополнительных рабочих частот, зашифровке переговоров бригад наружного наблюдения.

И американцы, в свою очередь, пошли на совершенствование своей техники, создав сканирующие варианты перехвата работы в эфире на разных частотах приборов сотрудников наружного наблюдения КГБ. Безусловно, наличие у разведчиков резидентуры приборов SRR-100 серьезно затруднило работу, пришлось искать новые варианты организации наружного наблюдения, маневрируя силами и средствами.

Если говорить о личных встречах, то их идеология и описание американцами полностью совпадают с представлением контрразведки о них. Мы всегда исходили из того, что личные встречи разведчика с

агентом необходимы при всех обстоятельствах, какими бы сложными ни были условия оперативной обстановки в стране пребывания. Через тайник невозможно решить такие вопросы, как личное знакомство с агентом, выяснение его морального и психологического состояния, поддержка в трудных ситуациях, передача ему спецтехники или громоздких посылок по просьбе агента (книги, журналы, предметы экипировки), продолжение его обучения и т. д. И именно в процессе проведения личных встреч с агентами в Москве в 80-е годы были задержаны с поличным сотрудники посольской резидентуры ЦРУ Питер Богатыр, Луис Томас, Пол Стомбаух, Майкл Селлерс и Эрик Сайтс.

«Отец-основатель» операции «Чистая щель» Бартон Ли Гербер был моим персональным подопечным, и я вел его разработку с 1980 по 1982 год, присвоив ему рабочий псевдоним «Геххард». По странному стечению обстоятельств в 1982 году его заменил новый резидент — Карл Геххардт, фамилия которого отличалась от псевдонима Гербера всего лишь на одну последнюю букву «т». Гербер прослужил в ЦРУ 39 лет, и основным направлением его безусловно плодотворной деятельности были разведывательные операции против Советского Союза и бывших стран Варшавского договора.

По словам Милтона Бирдена, Гербер очень гордился тем, что при нем Советский отдел ЦРУ имел больше высокопоставленных советских агентов, чем когда-либо за всю историю существования ЦРУ. Бирден на советском направлении в ЦРУ был заместителем Гербера и хорошо знал, что жизнь его шефа никогда не была легкой. Гербер ему рассказывал, как еще юношей (его детство проходило в Колумбусе, штат Огайо) во время Второй мировой войны он следил за продвижением войск союзников по военным картам в местных газетах, которые в качестве разносчика доставлял подписчикам. Он заинтересовался мировой политикой и надеялся отличиться в следующей войне. Но поскольку крупные войны, как он высчитал, случались нечасто, один раз на протяжении жизни поколения, Гербер осознал, что достигнет зрелости лишь в мирное время и не сможет принять участие в боевых действиях.

В этих условиях карьера на тайном фронте холодной войны и сдерживания советской угрозы стала для него привлекательной альтернативой. Гербер сам финансировал свое образование в колледже

штата Мичиган, работая в ночную смену на автомобильном заводе, и каждый вечер ездил на другой конец города в университетский городок, чтобы готовиться к зачетам. После окончания колледжа он отслужил в армии и поступил в ЦРУ.

Гербер был женат, но детей не имел. Его жена также работала в ЦРУ. Она хорошо понимала требования, которые предъявляет к человеку работа в Управлении, и этим способствовала его карьере. Как и многие другие жены работников ЦРУ, она часто принимала участие в оперативных мероприятиях, которые проводили ее муж и его агенты.

Гербер был в авангарде нового поколения разведчиков, начинавших преобразовывать ЦРУ в профессиональную разведывательную службу, и одним из первых прошел оперативную закалку за «железным занавесом». До приезда в Москву он возглавлял резидентуры ЦРУ в Софии и Белграде. После Москвы Гербер в течение восьми лет руководил подразделением ЦРУ по Советскому Союзу и странам Восточной Европы.

Гербер был педантичным, нелюдимым и глубоко религиозным человеком. Его любимыми темами разговоров были обсуждения результатов бейсбольных матчей и события за рубежом. Стены его кабинета и в Лэнгли, и в московской резидентуре были украшены фотографиями волков. Волки были его страстью. На карточках с обратным адресом, которые он прикреплял к письмам личного характера, были напечатаны их изображения. Волчьи морды красовались и на его галстуке. Он читал про волков книги, во время отпуска ездил в заповедники, чтобы изучать волчьи повадки, восхищался их хитростью, смелостью и жизнестойкостью.

В 1995 году Гербер вышел в отставку, был награжден тремя высшими ведомственными наградами ЦРУ. «Глубокие прикрытия» — это «детище» Гербера. Будучи однажды у него в гостях в московской квартире, мог ли я тогда подумать, что передо мной человек, который полностью изменит почерк работы посольской резидентуры в Москве на все последующие годы? Интересно, а подумал ли в то время Гербер о том, что он принимал на своей квартире в качестве гостя оперработника КГБ, своего персонального разработчика?

За Гербера я ответить не смогу, но о себе скажу определенно — все 80-е годы мы не просто чувствовали, но и были уверены, что почерк работы московской резидентуры кардинально изменился, но что

родоначальником этих изменений был лично Гербер, мы, конечно, не имели представления. К знанию о существовании «глубоких прикрытий» мы пришли сами путем анализа и сопоставления имевшихся в нашем распоряжении материалов.

Простой пример. Все до одного известные нам, документально и достоверно установленные сотрудники резидентуры находятся под контролем, и именно в это время происходит личная встреча с агентом, или звонок агенту по телефону, или закладывается для него контейнер в тайник, который мы контролируем, или у нас на глазах изымается передача от агента в резидентуру, но кто же исполнитель этих операций?

Несколько выводов напрашивались сами собой:

— это или некачественный контроль силами наружного наблюдения за посольством и резидентурой;

— или слабое знание нами персонала резидентуры;

— или хитроумные уловки разведчиков, о которых мы не осведомлены;

— или же это работают сотрудники ЦРУ, вычислить которых обычными методами не представляется возможным в силу их глубокой зашифровки и линии поведения в посольстве, не позволявшей обратить на них внимание как на сотрудников ЦРУ.

Все эти версии прорабатывались одновременно, но самый весомый вклад в распознавание уловок ЦРУ по введению КГБ в заблуждение относительно своих оперативных мероприятий и обнаружение наличия глубоких прикрытий внутри посольства США в Москве внесли наши оперативные игры.

Помимо прочих мероприятий, именно оперативные игры позволили вскрыть некоторые механизмы проведения резидентурой операций на каналах связи со своей агентурой и нащупать, определить ряд разведчиков глубокого прикрытия. Но вся сложность заключается в том, что выставление за таким разведчиком наружного наблюдения привело бы к неминуемой расшифровке нашей осведомленности о его принадлежности к ЦРУ, так как сотрудники наружного наблюдения не невидимки и им просто невозможно сохранить конспирацию, если разведчик на автотранспорте, а затем пешком предпринимает серьезные, квалифицированные, а иной раз и дерзкие меры по выявлению слежки и отрыву от нее.

Это в современных условиях вся Москва увешана камерами фиксации обстановки в городе, на всех магистралях, трассах, маршрутах передвижения автотранспортных средств, всюду и везде организован фото- и видеоконтроль. А в 80—90-е годы прошлого столетия на вооружении КГБ и МВД камер слежения в городе вообще не было, и только человеческий фактор, то есть разведчики бригад наружного наблюдения, позволял худо-бедно отслеживать перемещения транспортных средств посольства США по Москве.

Что касается «Джека из коробочки», то, безусловно, надо отдать должное смекалке и выдумке технических специалистов ЦРУ. Как я сказал в одном из своих интервью, об этом изделии КГБ поведал Эдвард Ли Ховард, обучавшийся в США на Ферме (учебный центр ЦРУ) применению в последующем этого изобретения в Москве, а в книге Хоффмана «Шпион на миллиард долларов» подробно рассказано, как с помощью «Джека» сотрудник ЦРУ Уильям Планкерт «убегал» от наружного наблюдения для встреч с Толкачёвым.

В силу моих функциональных обязанностей все материалы наружного наблюдения за составом посольской резидентуры ЦРУ ежедневно докладывались мне, но не в одной из сводок наружного наблюдения не было указания на то, что разведчики ЦРУ использовали данное изделие, или хотя бы подозрения на это. Но это отнюдь не значит, что американцы не работали с «Джеком из коробочки», просто речь может идти о том, что они это делали чрезвычайно искусно и так, что наружное наблюдение ничего не замечало. К тому же чтобы это увидеть своими глазами, надо вплотную приблизиться к автомобилю разведчика, а это противоречит инструкциям в связи с неминуемой расшифровкой наблюдения.

Ну а операции по подмене личности просто достойны восхищения. Так ловко выдавать себя за «чистых» дипломатов или же и того лучше — за их жен или секретарш — это смело, отчаянно, иной раз безрассудно, но все для достижения главной цели — уйти из-под контроля КГБ. Невозможно сосчитать, сколько раз разные разведчики числились у нас находящимися дома или в посольстве, а затем неожиданно для всех они появлялись буквально из ниоткуда и возвращались домой как ни в чем не бывало. Мы ломали голову над тем, как это происходит, уповая в большинстве случаев на то, что разведчик незаметно на заднем сиденье был вывезен из посольства или

из дома, а затем в укромном месте покинул автомобиль, но, как оказалось, была еще и подмена личности, которая теперь объяснила нам многое.

Как долго это длилось? Хороший вопрос! Ответ находим у самих американцев. Еще в 1980 году резидент ЦРУ в Москве Хэттавей, замаскировавшись под свою секретаршу, в ее облики покинул посольство США для телефонного контакта с агентом «Федорой». В том же году сотрудник московской резидентуры Дэвид Рольф практически поставил на поток подобные операции с переодеванием и маскировкой под другого американца для организации личных встреч с Толкачёвым. Так же действовал разведчик ЦРУ Майкл Селлерс. В своем интервью он достаточно подробно описывает весь процесс маскировки и проверки перед встречей с Сергеем Воронцовым, состоявшейся в 1987 году.

Другой пример — летом 1983 года при выезде двух американок, якобы жен американских дипломатов, на автомобиле из жилого дома для иностранцев на Кутузовском проспекте под одну из них, как оказалось, был загримирован сотрудник ЦРУ, который после длительной проверочной поездки по Москве «этих двух дам» был опознан при покидании припаркованного у Битцевского лесопарка автомобиля как Луис Томас. Тем же летом Луис Томас был задержан советской контрразведкой за шпионскую деятельность и выдворен из СССР.

В 2015 году по каналам Центрального телевидения была продемонстрирована оперативная съемка ФСБ, где были запечатлены две американки, одна из которых после посещения дамского туалета в одном из московских кафе «превратилась» в сотрудника ЦРУ Тимоти Флэннигена. Так что, по большому счету, прошли десятилетия, но в Лэнгли продолжают готовить искусных исполнителей для «театра одного актера», и эти исполнители проходят до сих пор оперативную практику в Москве.

При знакомстве с откровениями американских исполнителей операций по подмене личности в интересах агентурной разведки, меня не покидало ощущение, что эти сотрудники ЦРУ испытывали восторг от своих собственных воспоминаний и рассказов, испытывали гордость за то, как они ловко вводили в заблуждение КГБ, под носом у контрразведки проводя шпионские операции, оставаясь при этом

«невидимками». И я их прекрасно понимаю! Надо отдать им за это должное... да, они, безусловно, действовали в ущерб нашей стране, но осуждать профессионалов за то, что они очень ловко и качественно делали свою работу, неуместно и бессмысленно.

Уверен, вдумчивый читатель поймет, что то, о чем рассказали сотрудники ЦРУ, это лишь вершина айсберга, но об этой вершине ФСБ уже осведомлено, поэтому ущерба для ЦРУ в придании гласности некоторых методов своей работы нет. Основная же информация о том, как работает ЦРУ в настоящее время, сокрыта, как я полагаю, за семью печатями. Остается только догадываться, какие еще ухищрения имеются на вооружении ЦРУ в его борьбе против ФСБ. Но я уверен, что и ФСБ не стоит на месте, ведь любому действию всегда найдется противодействие, но каждая из сторон умеет хранить свои тайны...

Милтон Бирден, с 1989 по 1992 год возглавлял отдел по Советскому Союзу и странам Восточной Европы Оперативного директората ЦРУ

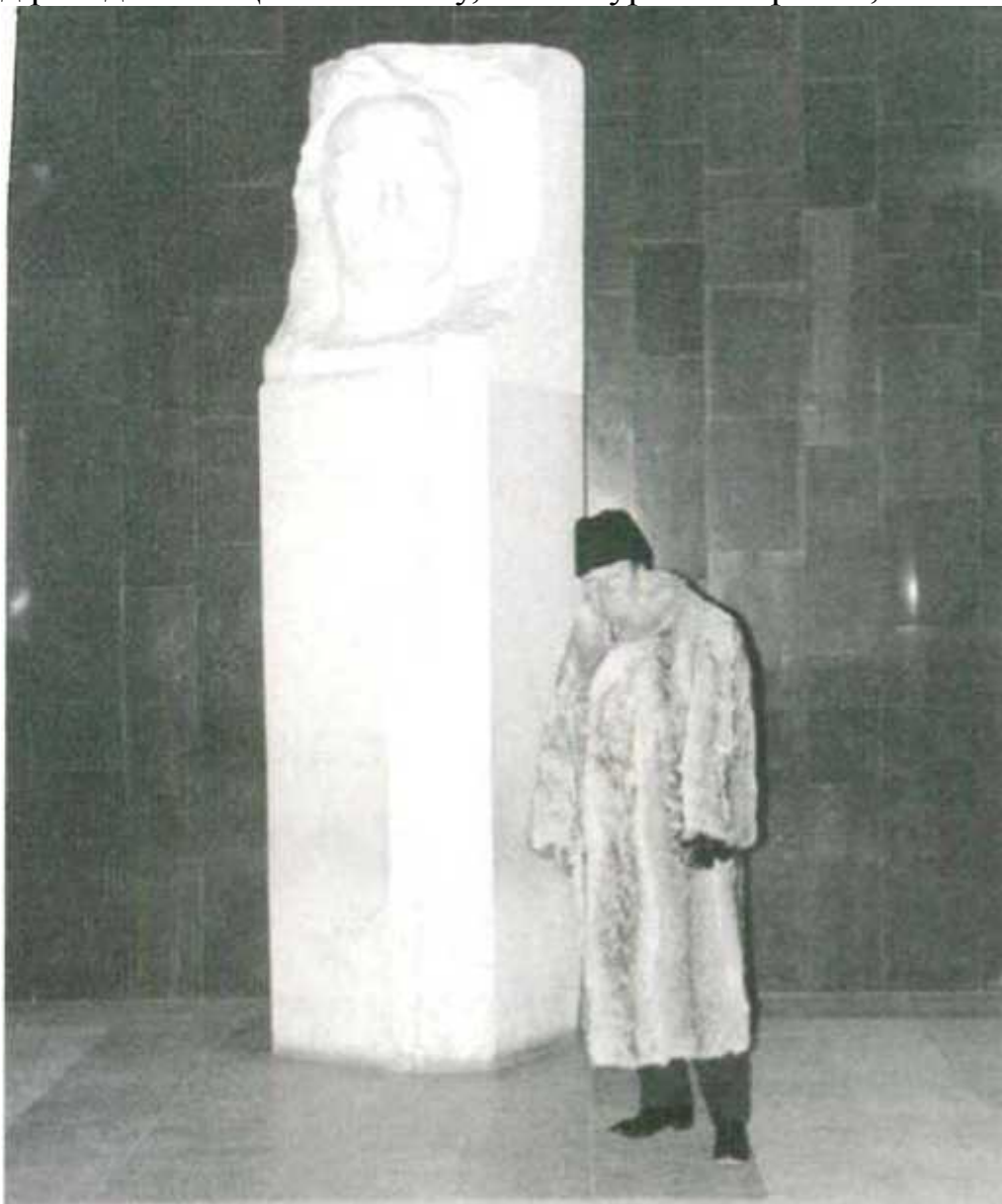
Бирден — резидент ЦРУ в Пакистане, 1978 год

Бирден (второй справа) в Лэнгли, Вашингтон, с российской делегацией, 1991 год

Бирден вместе с автором и Джоном Макгафеном, назначенным в тот год резидентом ЦРУ в Москву, на экскурсии в Кремле, 1992 год

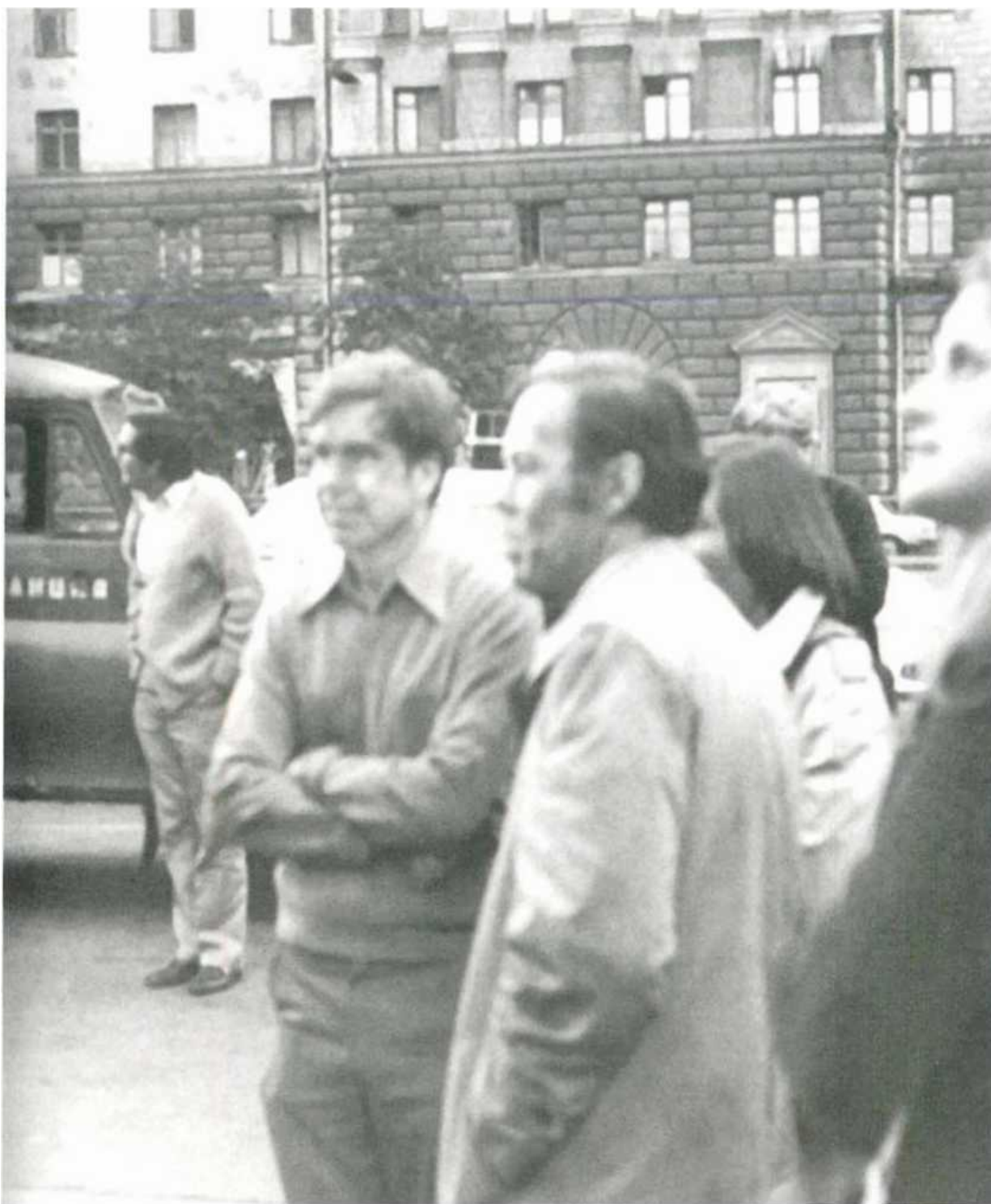

Бирден в Культурном центре КГБ, 1992 год

Роберт Фултон, первый секретарь посольства, резидент ЦРУ в Москве в 1975–1977 гг.

Под его руководством проходили операции по связи с агентом ЦРУ Огородником. Через него Толкачёв несколько раз пытался установить связь с ЦРУ

Гарднер «Гэс» Хэттавей, первый секретарь посольства, резидент ЦРУ в Москве в 1977–1980 гг, на фоне посольства США, Именно он убедил Лэнгли в необходимости начать работать в Москве с Толкачёвым

Хэттавей в помещении посольства сразу после пожара. Для личного участия в оперативных мероприятиях покидал здание посольства в женской одежде в облике своей секретарши и неопознанным возвращался в диппредставительство, 1977 год

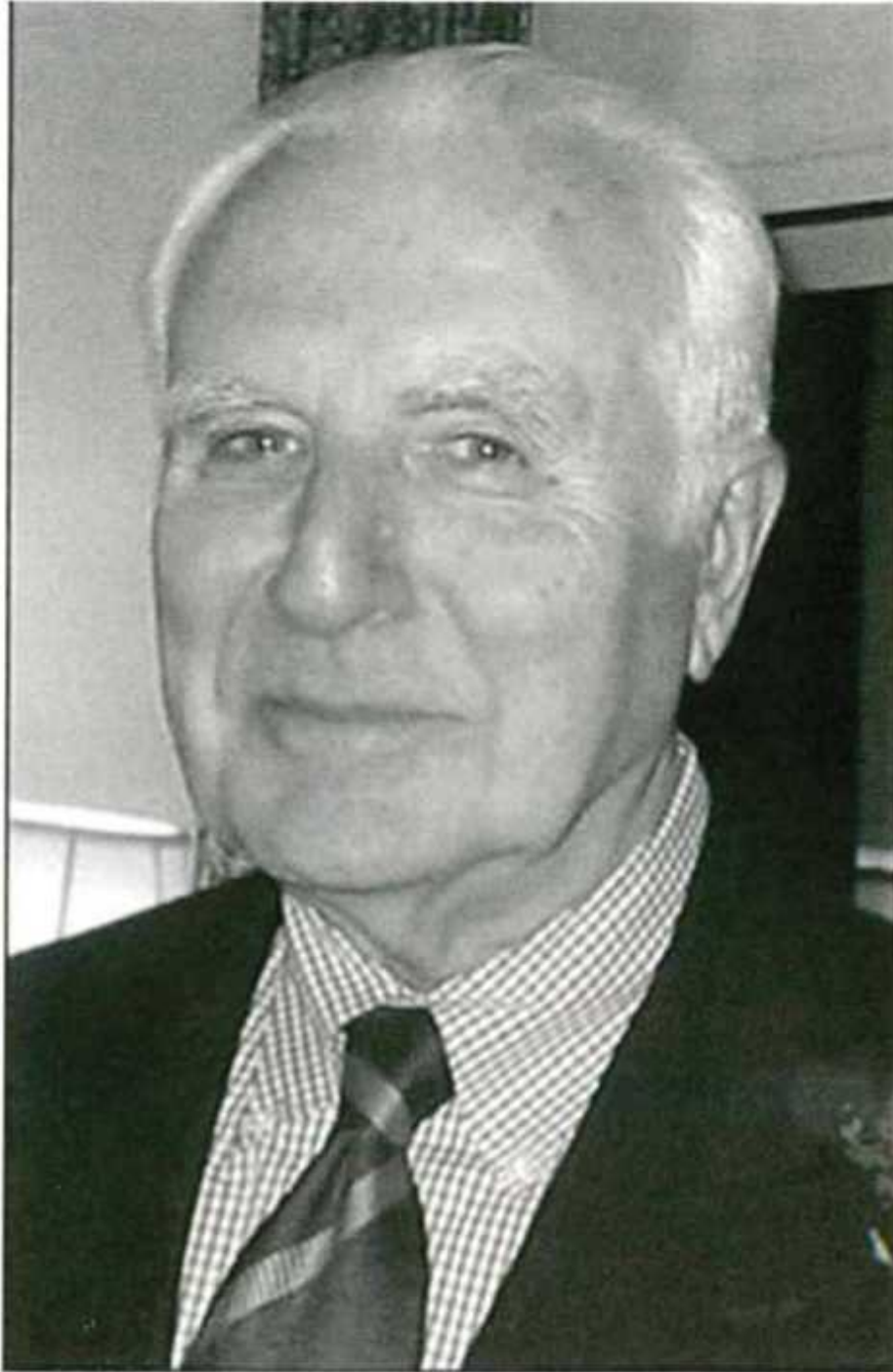
Хэттавей перед въездом в жилой дом иностранцев на Кутузовском проспекте. На его головном уборе — боевой советский Орден Красной Звезды

Бартон Ли Гербер, первый секретарь посольства (с супругой), руководитель московской резидентуры в 1980–1982 гг., автор долговременной операции «Чистая щель» по внедрению в резидентуру в Москве разведчиков под глубоким прикрытием

Роберт Моррис, атташе посольства США в Москве в 1982–1984 гг., наиболее успешный разведчик ЦРУ, действовавший в составе московской резидентуры под глубоким прикрытием. Специалист по тайниковым операциям и техническому мероприятию СК TAW.

Конференц-атташе посольства США, заместитель резидента ЦРУ Джон Гуилшер. Его в ЦРУ считали мастером перевоплощений. При выходе на личные встречи, Гуилшер перевоплощался из лощеного дипломата в смокинге, белоснежной рубашке и галстучке в «неряшливого советского работягу» от которого пахло чесноком и водкой

Гуилшер в домашней обстановке

Сотрудник ЦРУ Дэвид Рольф, в первой своей командировке в 1979–1982 гг. — гражданский помощник атташе по вопросам обороны

посольства США в Москве, успешно работал после Гуилшера с Толкачёвым.

В 1980 году организовал «исчезновение» из Москвы сотрудника КГБ Виктора Шеймова

Дэвид Рольф во второй командировке — советник по региональным вопросам посольства в 1991–1993 гг. в салоне самолета вместе с Полом Рэдмондом, руководителем контрразведывательного центра ЦРУ, и Милтоном Бирденем. На заднем плане — переводчик ЦРУ

Рольф, чтобы исчезнуть из здания посольства США, полностью менял свой внешний вид, принимая облик технического сотрудника резидентуры, за которым наружное наблюдение никогда не выставлялось

Сотрудник ЦРУ Луис Томас, атташе службы безопасности посольства США. В 1983 году захвачен с поличным на личной встрече с агентом (на снимке его заводят в здание КГБ). Для проведения операции ЦРУ СК TAW (замене техники съема информации с кабельной линии связи) покидал здание в женском платье под видом подружки жены сотрудника ЦРУ Рейнольдса

Офицер ЦРУ Олдрич Эймс, несколько лет сотрудничал с советской разведкой, был арестован ФБР, приговорен к пожизненному заключению

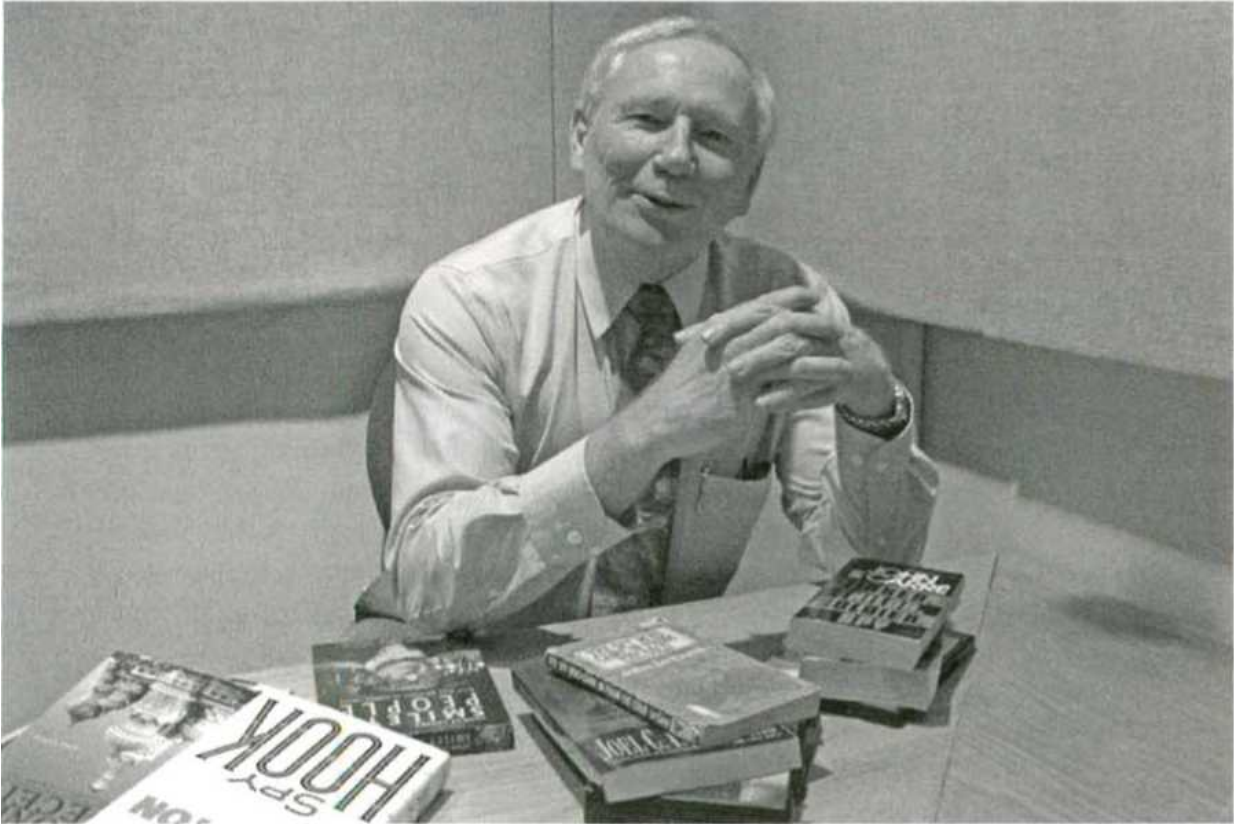
Спецгруппа ЦРУ, занимавшаяся поиском «крота» в Лэнгли, что в итоге привело к разоблачению Эймса как агента КГБ. Стоит крайний слева — руководитель группа Пол Рэдмонд, сидит рядом с ним Сэнди Граймс, курировавшая с позиций Центра агента ЦРУ Леонида Полещука

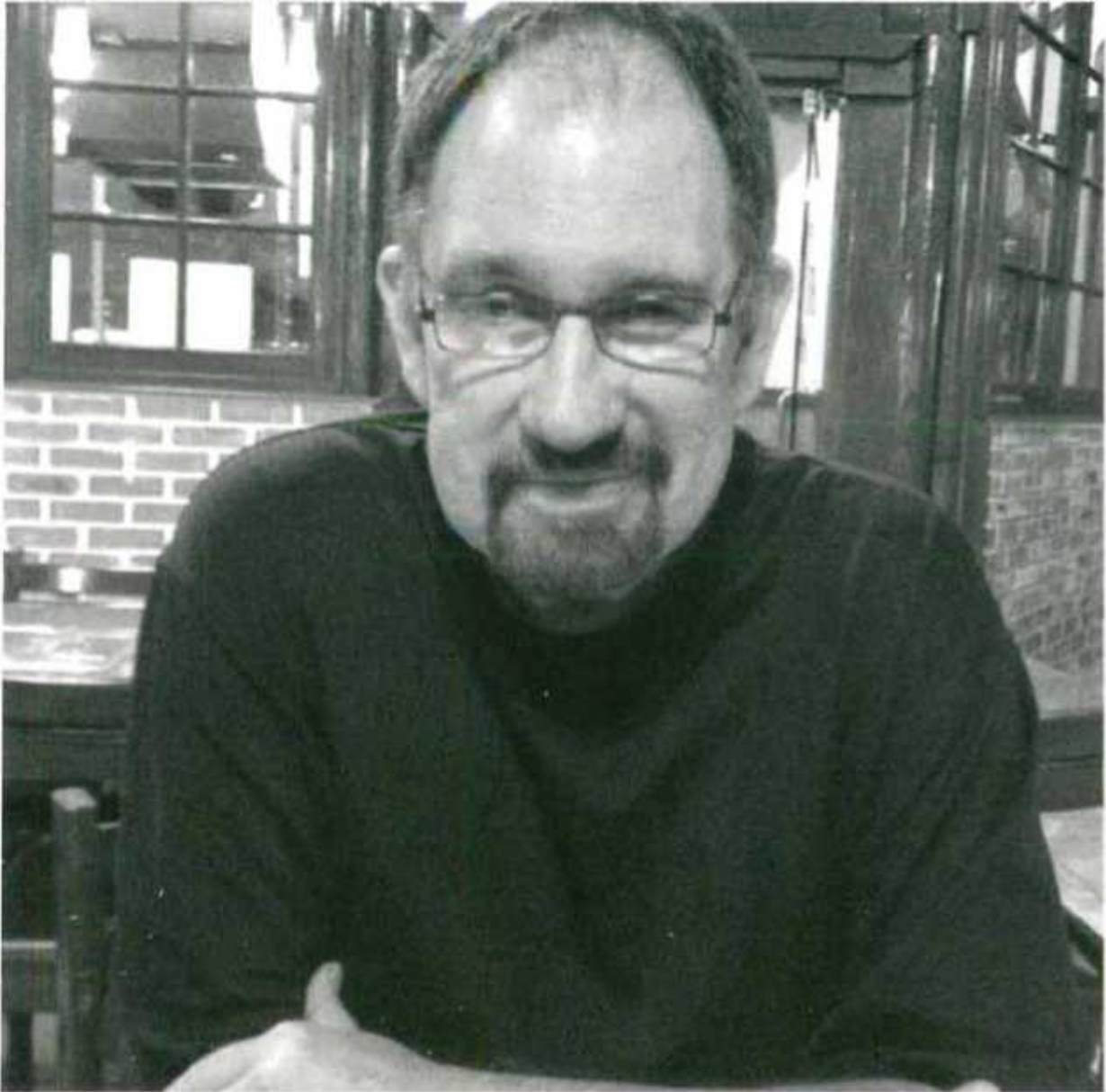
Сотрудник ЦРУ Эдвард Ли Ховард, в 1983 году был уволен со службы, бежал из США в Европу, а затем в СССР и стал сотрудничать с КГБ

Сотрудник ФБР Роберт Хансен, на территории США инициативно установил контакт с КГБ, несколько лет работал на советскую разведку. Был разоблачен ФБР в 2001 году и приговорен к пожизненному заключению

Сотрудник ЦРУ Джин Койл, второй секретарь секции закупки литературы в политическом отделе посольства. Последний из сотрудников резидентуры, участвовавший в операции СК TAW

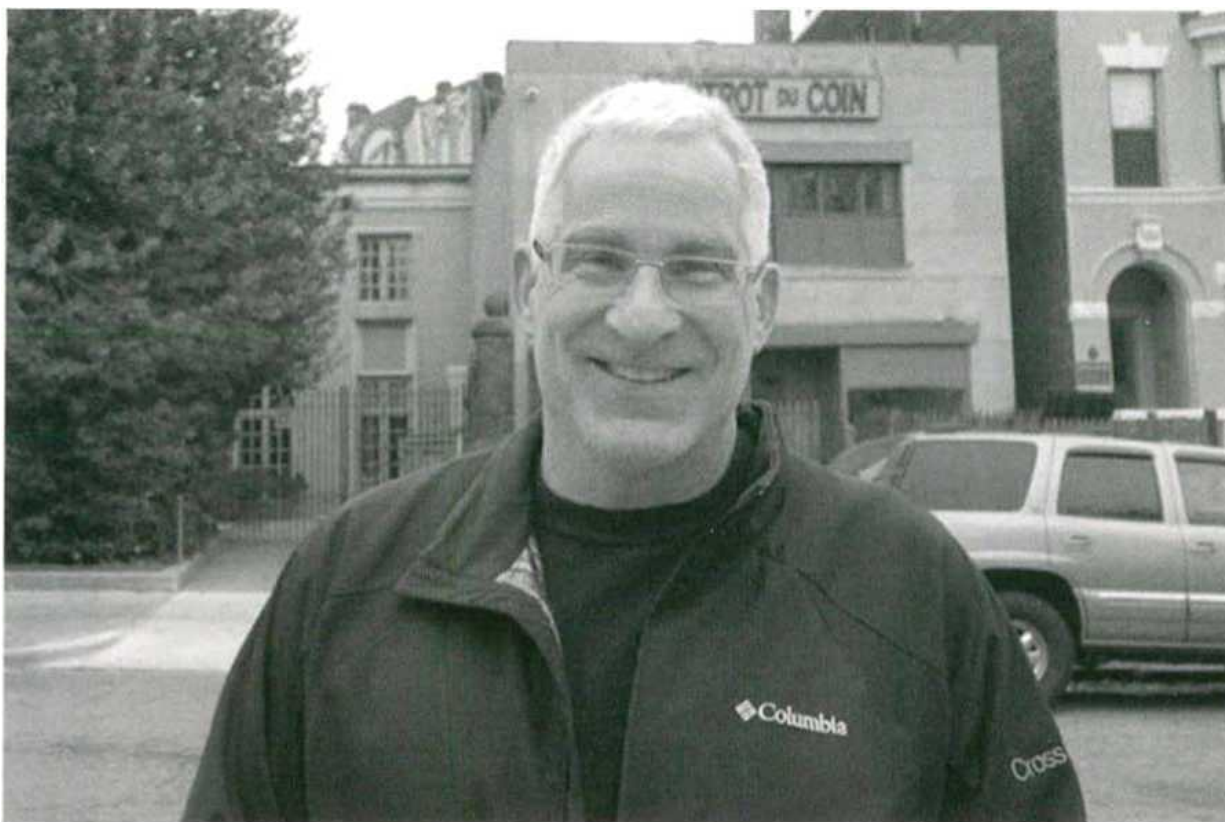

Сотрудник ЦРУ Майкл Селларс, второй секретарь посольства США в Москве.

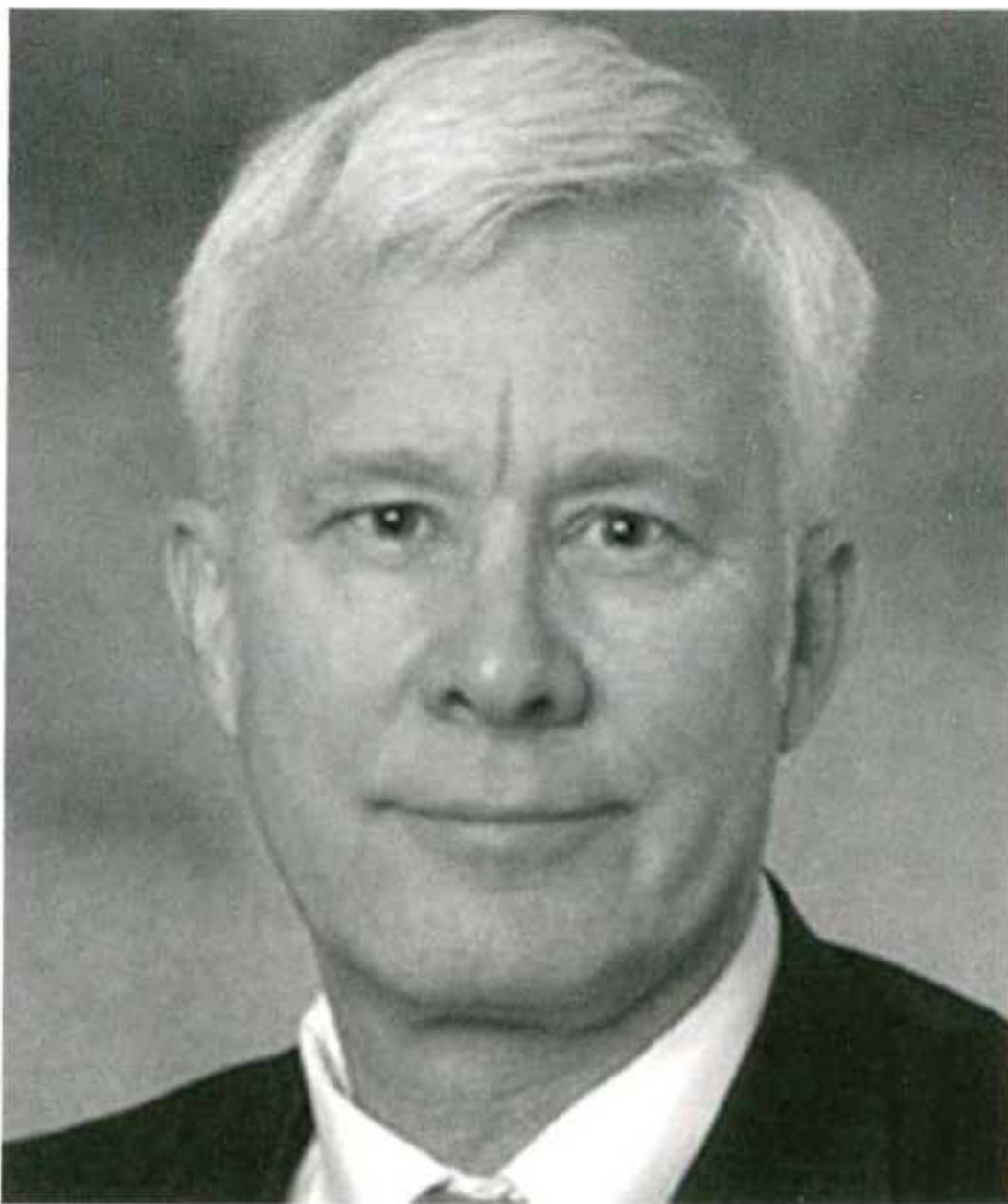
В 1977 году был задержан КГБ на личной встрече с агентом ЦРУ Воронцовым и выслан из страны

Резидент ЦРУ Майкл Сулик, советник по региональным вопросам посольства США в Москве в 1994–1996 гг. До ноября 2004 года — помощник заместителя главы ЦРУ. В сентябре 2007 года был назначен руководителем подразделения агентурной разведки ЦРУ

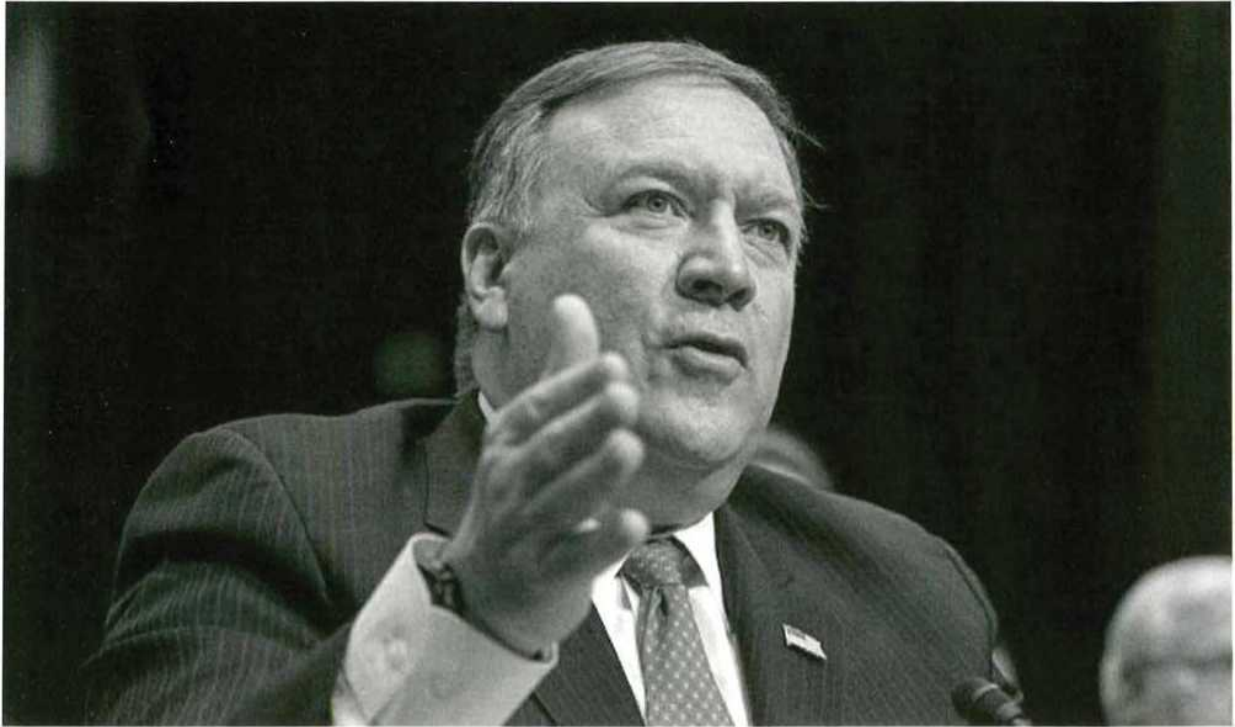
Джон Сайфер, сотрудник московской резидентуры в 1993–1995 гг.

Рольф Моуэтт-Ларрсен, сотрудник московской резидентуры в 1988–1991 гг., а затем в 1994 году исполнял обязанности заместителя резидента ЦРУ

Роберт Даннинберг,
в 1996-1998 гг. заместитель резидента ЦРУ в Москве, в 2004–
2006 гг. — руководитель подразделения ЦРУ по Восточной Европе

Директор ЦРУ Майк Помпео. Январь 2018 г.

Часть вторая

**Сотрудники ЦРУ о своем участии в
агентурных операциях в Москве**

Глава пятая

Арест Огородника. Захват с поличным Марты Петерсон

КГБ СССР об агенте ЦРУ Огороднике и задержании Марты Петерсон.

Москва, 1977 год

В 1973 году в Боготе (Колумбия) сотрудниками ЦРУ была проведена комбинация по подставе российскому дипломату, второму секретарю советского посольства Александру Огороднику женщины. Их интимные отношения американцы тщательно задокументировали. Но компрометации Огородника не потребовалось. От имени ЦРУ с ним установили оперативный контакт, на который он охотно согласился, и осуществили его вербовку для работы на американскую разведку в качестве агента. Огородника обучили пользоваться закамуфлированной в авторучку фотокамерой и способам тайниковой связи.

В 1974 году Огородник возвратился из командировки в Москву. Тут в течение двух с половиной лет американцы поддерживали с ним контакт через тайники и с помощью радиосредств. А он снабжал их информацией о деятельности нашего внешнеполитического ведомства.

В 1977 году агента разоблачили и арестовали. При обыске у него дома обнаружили средства шпионажа — контейнеры с фотопленками, инструкции по связи и радиоприемник для приема односторонних радиопередач. По материалам этого дела Юлиан Семёнов написал книгу «ТАСС уполномочен заявить», а позднее был создан одноименный фильм, носящий художественно-документальный характер.

Как известно, при задержании Огородник покончил жизнь самоубийством, сумев принять яд, полученный им от ЦРУ. В процессе задержания и допроса он вызвался лично написать явку с повинной и рассказать в ней обо всех своих грехах. Попросил передать ему его собственную авторучку, в колпачке которой американские технические специалисты спрятали ампулу с ядом. В силу своей тогдашней неопытности при проведении подобных мероприятий контрразведке не удалось предотвратить самоубийство этого американского агента.

У Огородника при обыске его квартиры обнаружили инструкции ЦРУ и план поддержания конспиративной связи с американцами в Москве. Среди инструкций находились подробные схемы с координатами мест проведения тайниковых операций, оговаривалась система сигналов (опасность, готовность к закладке или успешное изъятие тайника и др.), а также шифровальные блокноты для расшифровки односторонних радиопередач в адрес агента. С учетом этих улик и конкретных инструкций ЦРУ по способам связи с Огородником руководство КГБ СССР приняло решение реализовать полученные в отношении Огородника оперативные материалы и вызвать американцев на очередную агентурную акцию, чтобы задержать во время ее проведения сотрудника посольской резидентуры ЦРУ.

И в книге Юлиана Семёнова, и в фильме достоверно рассказано, как контрразведка путем анализа имевшихся материалов вычислила место постановки условного графического сигнала на объекте «Дети». Этот сигнал считал заместитель резидента ЦРУ в Москве, первый секретарь политического отдела Алмер при движении на автомашине из посольства домой. Действуя в соответствии с инструкциями американцев, Вторым главным и Седьмым управлениями КГБ СССР были созданы позиции для проведения мероприятия по задержанию американского разведчика во время закладки им тайникового контейнера на Поклонной горе в парке Победы в Москве.

Но американцы, надо отдать должное их профессионализму, отказались от проведения той агентурной акции, обнаружив скопление сил и средств Седьмого управления КГБ, сосредоточенных в районе предстоящей тайниковой операции. По линии дальней односторонней радиосвязи Франкфурта-на-Майне они сообщили в передаче для Огородника о том, что обнаружили в парке Победы слежку за собой, и в интересах безопасности агента перенесли операцию на другой срок и в другое место.

С учетом нашей неудачи контрразведкой с соблюдением повышенных мер конспирации было сделано все необходимое для подготовки мероприятия в другом месте для захвата с поличным любого американского разведчика, кто бы ни совершил акцию по закладке тайника для Огородника. В результате конспиративного круглосуточного контроля было установлено, что 15 июля 1977 года на

тайниковую операцию по связи с разоблаченным нами агентом вышел не мужчина, как показано в фильме, а вице-консул посольства США — кадровая сотрудница ЦРУ Марта Петерсон. В КГБ информации об ее принадлежности к разведке США на тот момент не имелось.

Американка работала в посольстве США в Москве с 1975 года и уже тогда была в посольской резидентуре под глубоким прикрытием, отличалась образцовым поведением и внешне никогда не давала контрразведке повода заподозрить ее в принадлежности к ЦРУ. Впоследствии стало известно, что именно Марта Петерсон начиная с 1975 года проводила операции по закладке тайников для Огородника, причем делала это рано утром или поздно вечером.

Петерсон в тот день каталась на машине по городу, долго проверяла, нет ли за ней слежки. Наконец, бросила автомобиль в проезде Сапунова (ныне Большой Путинковский переулок) рядом с площадью Пушкина, легендируя, очевидно, что вечером пошла в кинотеатр «Россия» или в театр имени Ленинского комсомола. Переодевшись в другую одежду, Петерсон городским транспортом и пешком (в целом проверка заняла более четырех часов) добралась до Краснолужского моста со стороны Лужнецкой набережной и перешла по этому железнодорожному мосту через Москву-реку. На противоположной стороне Москвы-реки в конце Краснолужского моста Марта Петерсон в тайник, в щель колонны у пешеходной дорожки моста, заложила контейнер — сделанный из пластика искусственный камень черного цвета. В нем находились предназначенные для Огородника деньги, кассеты для шпионской миниатюрной фотокамеры, золотые ювелирные изделия, шифроблокноты, две ампулы со смертельным ядом и инструкции по дальнейшим способам связи.

Действия сотрудницы ЦРУ контролировались и документировались с помощью приборов ночного видения с закрытых постов по обеим сторонам Москвы-реки, с опор моста и находившегося поблизости подъемного строительного крана. Сразу же после закладки контейнера американку задержала группа захвата КГБ. Во время захвата она повела себя чрезвычайно агрессивно, пыталась драться ногами, демонстрируя приемы тхэквондо, которым она неплохо владела, кусалась и громко кричала, стараясь таким образом дать знать агенту, если он находится поблизости, что операция провалена.

При личном обыске у Марты Петерсон изъяли нательную аппаратуру для прослушивания переговоров в эфире на частотах наружного наблюдения, но замаскированный в ее ухе миниатюрный радиоприемник тогда обнаружить не удалось. Во время процедуры официального разбирательства в приемной КГБ СССР Марта Петерсон держалась вызывающе, категорически отрицала принадлежность к американским спецслужбам и свое участие в тайниковой операции. Прибывшим в приемную представителю МИД СССР и консулу США Гроссу американка заявила, что ее задержание является провокацией со стороны КГБ.

Как и всех сотрудников ЦРУ, задержанных до и после нее в Москве и Ленинграде, Марту Петерсон объявили персоной нон грата, и она покинула нашу страну до окончания срока своей заграничной командировки. В дальнейшем, как нам стало известно, после возвращения в штаб-квартиру ЦРУ Марта Петерсон долгие годы читала лекции для молодых сотрудников ЦРУ по теме: «Как вести себя при захватах с поличным».

ЦРУ об Огороднике

В следующее десятилетие после разоблачения агента ЦРУ Олега Пеньковского агрессивные методы работы КГБ в Москве вынудили ЦРУ прервать активную работу с агентурой в Советском Союзе. Штаб-квартира ЦРУ ввела серьезные ограничения на вербовку агентов в СССР. Оперативные офицеры ЦРУ не имели права разрабатывать или принимать участие в каком-либо мероприятии без предварительного одобрения Лэнгли. С учетом этих ограничений приоритетом стала вербовка агентов за пределами Советского Союза, но такие возможности предоставлялись настолько редко, что каждая из них заслуживала особого внимания.

В 1973 году к советскому дипломату в Колумбии Огороднику в сауне отеля «Хилтон» подошел незнакомец и заговорил с ним по-испански. Собеседником дипломата оказался офицер-агентурист ЦРУ.

Этому предшествовали следующие события. Колумбийскими спецслужбами был перехвачен и записан на пленку телефонный звонок из Мадрида в советское посольство в Боготе. Женщина-испанка сообщила мужчине, отвечавшему из посольства на плохом испанском с сильным русским акцентом, о том, что она беременна. Мужчина ее заверил, что позаботится о ней и ребенке. Он также сообщил, что не

может свободно говорить по телефону в посольстве, и предложил ей позвонить ему по номеру ближайшего к посольству телефона-автомата.

Позднее агенты колумбийских спецслужб увидели, что Александр Дмитриевич Огородник осторожно приблизился к автомату, из которого раздавались звонки. Содержание разговора подтвердило их предположение — Огородник находился в интимных отношениях с колумбийкой, гостившей у родственников в Испании.

Вскоре после возвращения этой женщины домой два офицера контрразведки потребовали, чтобы она представила их Огороднику. Если она или русский откажутся от сотрудничества, сведения об их связи будут разглашены, женщина подвергнется унижениям, а Огородника отзовут в Москву. Колумбийка согласилась на сотрудничество, но Огородник заартачился. Он сказал, что будет иметь дело только с ЦРУ.

Спустя две недели Огородник и оперативный офицер ЦРУ встретились в «Хилтоне». Эта якобы случайная встреча была на самом деле очередным этапом тщательно подготовленного плана вербовки Огородника.

Огородник был квалифицированным экономистом и имел как дипломат доступ к интересующей Администрацию США информации о политике руководства СССР в отношении стран Латинской Америки. По данным ЦРУ, Огородник отличался от других советских дипломатов карьерными амбициями, стремлением к красивой жизни и удовольствиям, и к тому же у него были проблемы. Во-первых, КГБ уже предпринимало попытку завербовать его в качестве информатора, что говорило о лояльном отношении к нему со стороны властных структур. Во-вторых, он был женат, но в Боготе попал в «медовую ловушку», заимев любовницу, которая забеременела от него. То есть Огородник оказался в трудной ситуации — неудачный брак, беременная любовница, угроза карьерной неудачи — все это делало его вербовку возможной.

Офицеру ЦРУ, установившему оперативный контакт с Огородником, сразу же стало очевидным, что советский дипломат имел сильную мотивацию и подходящий для шпионажа характер. Он не любил советскую власть и был готов работать против нее, но взамен потребовал компенсации и защиты. ЦРУ должно было перевести

деньги для его любовницы и ребенка, а в долгосрочной перспективе помочь ему бежать на Запад.

Огороднику было присвоено кодовое имя «TRIGON» (треугольник), и он был тщательно проинструктирован по мерам безопасности в быту, в посольстве, по способам связи и контактам с американцами в Боготе. Но главное — перед возвращением в Москву ему предстояло пройти интенсивный курс обучения для эффективной работы в Советском Союзе, и это было поручено офицеру-агентуристу ЦРУ, имевшему инженерное образование, Джорджу Саксу.

ЦРУ исходило из того, что, хотя обучение Огородника проводилось в Колумбии, строгая конспирация была необходима, так как КГБ имел сильные позиции в этой стране и поддерживал близкие отношения с местной полицией, правительственными чиновниками и журналистами. К тому же, как уже было сказано, Огородник выделялся в местном дипломатическом сообществе стремлением к западному образу жизни, и посольские офицеры КГБ следили за ним в рамках собственных мероприятий по его вербовке в качестве информатора.

Сакс свободно говорил и писал по-русски, и ему понадобился месяц, чтобы подготовить план связи с Огородником, и он сам совместно с офицером-техником проводил непосредственно в Колумбии обучение агента. Так как Огородник, в отличие от Пеньковского, не был офицером разведки, ему предстояло освоить меры конспирации и методы оперативной работы, включая использование тайников и контейнеров, постановку сигналов, моментальные передачи, автомобильные броски и отправку писем «до востребования». Помимо этого, ему нужно было изучить современную спецтехнику и способы ее применения, такие как фотографирование документов, прием коротковолновых радиопередач, работу с одноразовыми шифроблокнотами, овладеть навыками тайнописи и чтения микроточек.

Среди спецтехники, подготовленной для агента, была сверхминиатюрная фотокамера Т-50, созданная Оперативно-технической службой ЦРУ. Т-50 был в шесть раз меньше всемирно известного аппарата «Минокс», имел цилиндрическую форму, что в сочетании с малыми размерами позволяло использовать различные бытовые предметы, такие как авторучки, часы, зажигалки и брелоки

для ключей, в качестве камуфляжа. При максимальной длине фотопленки камерой можно было сделать 50 кадров.

Еще в 1960-е годы ЦРУ не имело маленьких надежных камер для фотографирования документов. Но в последующие несколько лет произошел технический прорыв. К 1970 году специалисты ЦРУ уже работали над созданием чрезвычайно маленькой и тихой камеры. Требования к ней были просто фантастическими: камера должна была эффективно работать в здании самого КГБ. Потребность в такой камере стала насущной, именно когда ЦРУ завербовало Огородника в Колумбии в 1973 году.

В условиях строгой секретности управление заключило контракт с производителем прецизионной оптики на разработку крохотной камеры под кодовым названием T-100, имевшей вид маленького цилиндра, который можно спрятать в бытовых предметах вроде ручки, зажигалки или футляра для ключей. Объектив состоял из восьми микроскопических элементов из притертого стекла, с предельной точностью прилаженных друг к другу, чтобы обеспечить четкие фотографии документов стандартного размера. Пленка, объектив и затвор размещались в едином алюминиевом корпусе. После каждого снимка пленка автоматически перематывалась на следующий кадр, всего кадров было до сотни. Изготовление таких фотоаппаратов напоминало скорее производство дорогих часов, чем обычный заводской процесс: каждый экземпляр собирали вручную под большим увеличительным стеклом.

После некоторых технических проблем с загрузкой пленки ЦРУ разработало фотоаппарат второго поколения T-50, в который помещалось 50 снимков. Теперь агенту не нужно было возиться с заменой пленки — он просто использовал устройство и возвращал его.

В случае с Огородником роль тайника играла роскошная перьевая ручка, внутри которой скрывалась камера. Огородника обучали фотографировать документы, поставив локти на стол, соединив ладони и нацелив ручку вниз на документ. Оптимальным расстоянием до бумаги было 30 сантиметров. Фотоаппарату дали имя Tgorerі.

Но прежде чем начать обучение Огородника, Джордж Сакс сам освоил практическую работу с этой камерой, потратив часы на секретное фотографирование в окрестностях Лэнгли и в местных библиотеках. Он носил авторучку с камерой в кармане, выбирал книгу

или журнал, садился за стол лицом к другому человеку и делал тайные фотоснимки. Сакс многократно менял положение локтей на столе, пытаясь определить лучшее положение для съемок, чтобы почувствовать оптимальное расстояние в 28 сантиметров от объектива до фотографируемой плоскости документа.

После фотографирования нескольких кассет Джордж передавал их в Оперативно-техническую службу ЦРУ, где снимки проявлялись и критически оценивались. И только после столь интенсивной месячной подготовки Сакс обрел уверенность в собственных навыках работы с камерой и прилетел в Боготу, где он зарегистрировался в отеле «Хилтон» под прикрытием. Зная, насколько важным для Советского отдела ЦРУ является «TRIGON», Джордж свел к минимуму все контакты с другими американцами и намеренно избегал посещений посольств и правительственных чиновников. Для координации всех действий и передачи инструкций, связанных с Огородником, специально выделенный офицер ЦРУ проводил конспиративные встречи с Саксом.

Джордж ясно отдавал себе отчет в том, что предыдущий оперативный офицер ЦРУ сделал свою работу, завербовав Огородника, теперь же все зависело от результатов обучения навыкам использования фотокамеры и оперативным методам. Обучение длилось несколько недель, проходило урывками, которые не нарушали ритм жизни агента и не привлекали к нему внимание КГБ. Однажды Огородник так составил свой маршрут в Культурный центр Боготы, чтобы оставалось время на посещение отеля «Хилтон». В другой раз, после переговоров в Торговой палате Боготы о советской помощи Латинской Америке, он зашел в отель перед возвращением в посольство. Эти незапланированные встречи занимали от 15 минут до двух часов, и Джордж никогда не знал заранее, когда прибудет его ученик. Сакс постоянно сидел в номере и боролся со скукой, ожидая прибытия агента, который внезапно появлялся со словами: «У меня есть 15 минут» или «У меня час». После нескольких успешных тренировочных занятий агент ушел из отеля, забрав авторучку с заряженной пленкой со словами: «Теперь я могу это сделать».

Однажды после одного из уроков агент заявил Джорджу: «В посольство только что поступил новый документ весьма ограниченного доступа, касающийся советской политики в отношении

Китая, и я должен с ним ознакомиться». Джордж не одобрил инициативу агента, так как доступ к документу был весьма ограничен, он постоянно находился в шифровальном отделе посольства, получить его можно было только под расписку для прочтения, во время которого охрана просматривала помещение через маленькое окно в двери.

Он сказал агенту: «Конечно, мы бы хотели получить эти фотокопии, но это не стоит Вашей жизни. Продолжайте обдумывать мероприятие, ведь это хорошая практика перед Вашим возвращением в Москву». Несколько дней спустя «TRIGON» вновь появился в дверях гостиничного номера с улыбкой на лице и произнес: «Я думаю, что сделал это».

После его ухода Сакс воспользовался телефоном вне гостиницы для вызова оперативно-технического сотрудника, который находился в другой части города, и назвал ему условную фразу для срочной встречи. Через некоторое время Джордж вышел из отеля, спрятав авторучку с отснятой фотопленкой в поясном кошельке. В связи с участившимися грабежами в такси Джордж более часа шел пешком по городу, чтобы передать авторучку офицеру-технику, который должен был попасть на ближайший самолет до Вашингтона.

Сообщение, которое Джордж получил из Лэнгли, приятно удивило его. После обработки фотопленки оказалось, что только два кадра из 50 были нечитаемыми. Было снято все важное содержание политического документа. В сообщении также говорилось, что информация ушла на «седьмой этаж в Лэнгли», откуда Директор ЦРУ собственноручно доставил ее госсекретарю Генри Киссинджеру, оценившему документ как «самую важную разведывательную информацию, которую он когда-либо читал, будучи главой Госдепартамента».

В конце очередного этапа обучения Огородник неожиданно попросил: «Кстати, достаньте мне, пожалуйста, что-нибудь для самоубийства на случай, если меня поймут». Джордж о просьбе агента сообщил резиденту ЦРУ в Боготе, который телеграфировал об этом в Лэнгли. Руководитель советского отдела и заместитель директора ЦРУ по оперативной работе должны были рассмотреть просьбу агента и принять решение. Их ответ был: «Ни в коем случае».

Когда Сакс сообщил агенту, что его просьба отклонена и отравляющего препарата (так называемая Л-таблетка) он не получит, тот ответил: «Отлично, я больше не буду на Вас работать». Последовал разъяренный обмен телеграммами между Лэнгли и резидентурой. В Центре спрашивали, не обманывает ли агент куратора. Оперативный офицер резидентуры, который ранее встречался с агентом, попросил Джорджа помочь составить подробный отчет. В отчете они указали, что еще до вербовки Огородник и его куратор провели вместе много времени в Боготе. Они построили доверительные отношения и соблюдали конспирацию. Часто поздно вечерами, выпивая, агент и куратор говорили о политике, философии и личных взглядах. Офицер-куратор был уверен, что разобрался в Огороднике как в человеке.

И хотя Сакс всего несколько недель интенсивно работал с Огородником, оба офицера ЦРУ согласились, что их ответ в Лэнгли должен быть таким: «Или агент получает Л-таблетку, или мы не сможем продолжать операцию». После этого руководство Лэнгли дало указание изготовить для Огородника Л-таблетку и спрятать ее в корпусе точно такой же авторучки, как та, в которой находилась фотокамера.

В 1975 году, после завершения своей командировки в Колумбии, «TRIGON» возвратился в Москву. Он был назначен на работу в управление общих международных проблем Министерства иностранных дел. Это было одним из наиболее важных и хорошо охраняемых подразделений МИД. Каждый советский посол должен был представлять в министерство ежегодный отчет, анализирующий ситуацию в стране пребывания, с оценкой того, что делает посольство для достижения целей коммунизма. Через Огородника ЦРУ могло видеть мир точно таким, каким его видело советское руководство.

После нескольких месяцев бездействия Огородник изъясил из тайника новые шифроблокноты, схему агентурной связи и фотокамеру Т-50. После этого от агента была получена серия документальных материалов, раскрывающих детали советской внешней политики. В Москве Огородник стал фотографировать сотни советских дипломатических телеграмм, включая секретные донесения, написанные советским послом в Соединенных Штатах Америки

Анатолием Добрыниным, работавшим в Вашингтоне, и Олегом Трояновским, советским представителем при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Материал Огородника был таким важным, что ЦРУ ввело отдельную систему его распространения.

Дипломатические сообщения, которые Огородник фотографировал, переводились и дословно печатались на страницах с синим окаймлением. Они стали называться «синеполосными докладами» и доставлялись с курьерами в Белый дом, Государственный департамент и Совет национальной безопасности. Было известно, что Генри Киссинджер внимательно изучал их.

Для обеспечения максимальной безопасности агента офицеры московской резидентуры ЦРУ ни разу не встречались с Огородником, за исключением, правда, одного случая, с ним поддерживалась безличная связь с помощью односторонних коротковолновых радиопередач и письменных инструкций, которые он получал через тайники. Агент также никогда не встречался с офицером ЦРУ, который обслуживал его тайники, но если бы такая встреча состоялась, то он, наверное, был бы потрясен, узнав, что это — молодая женщина, одетая по последней моде и работавшая на административной должности в американском посольстве в Москве.

ЦРУ о Марте Петерсон

Марта Петерсон появилась в Москве в 1975 году. Ей было тридцать лет, это была привлекательная, но одинокая женщина (ее муж, сотрудник ЦРУ, в 1972 году погиб во Вьетнаме). Для работы в Москве ее персонально подобрал резидент в Москве Роберт Фултон, и она стала первой женщиной — оперативным сотрудником ЦРУ в московской резидентуре.

В Москве она вела напряженную двойную жизнь. Пять дней в неделю по восемь часов в день она исправно трудилась на своем рабочем месте в консульском отделе в окружении советских сотрудниц, потенциальных информаторов КГБ, и только лишь в обед она имела возможность подняться на седьмой этаж в резидентуру для печатания отчетов или для подготовки к операции. Днем Петерсон придерживалась обычного графика обычной сотрудницы посольства, а все остальное время несла полноценную нагрузку в ЦРУ — в утренние часы и ночью она занималась оперативной работой с

агентом, с которым никогда не встречалась и который был наиболее ценным источником ЦРУ в Москве. Она была совсем не похожа на офицеров московской резидентуры, поэтому Марта не привлекала к себе внимания КГБ и за ней редко устанавливалось наружное наблюдение.

С момента вербовки в Колумбии Огородник доказал, что является результативным агентом, однако весной 1976 года в мероприятиях с ним начались проблемы — первым тревожным сигналом стало нарушение графика связи между агентом и резидентурой ЦРУ. Огородник по непонятной причине не выходил на связь в феврале и марте. В апреле оставить передачу для Огородника в условленном месте поручили Марте Петерсон — это было ее первое оперативное задание в Москве.

Посылку в виде раздавленной сигаретной пачки, внутри которой находились миниатюрная камера, катушка с пленкой и сообщение, следовало оставить у фонарного столба. Петерсон ловко положила пакет на землю, делая вид, что сморкается и поправляет сапог. Следуя плану, разработанному в резидентуре, она около часа ходила по улицам, замерзшая и взволнованная, а затем вернулась к столбу проверить, забрали ли посылку. Пакет был на месте. Огородник не пришел. Петерсон подобрала посылку и отправилась домой в тревоге и сомнениях.

21 июня, когда Петерсон отправилась на следующее задание, в посылке была самая важная передача, которую ЦРУ когда-либо готовило для Огородника: та самая пиллюля для суицида, которую он запрашивал. В муляже толстой полой ветки, изготовленном в ЦРУ, находилась красивая черная перьевая ручка с капсулой жидкого цианида и другая, внешне такая же, ручка с вложенной миниатюрной камерой T-50. Петерсон отнесла ветку в парк, положила ее к фонарному столбу и ушла. Затем появился Огородник. Он подобрал ветку и оставил вместо нее нечто вроде смятого пакета из-под молока, который он измазал горчицей, чтобы было похоже на рвоту и чтобы никто не стал его подбирать. Полтора часа спустя Петерсон вернулась к фонарю, увидела пакет, быстро сунула его в полиэтиленовый пакет в своей сумке и пошла к соседней автобусной остановке.

Следующим шагом было начертить губной помадой тонкую красную линию на столбе у остановки. Это был сигнал Огороднику, что передача получена, но от волнения Петерсон нажала слишком сильно, помада сломалась и оставила красное пятно.

Позже, в том же 1976 году, Огородник вдруг запаниковал: ему показалось, что его подозревают. Тогда он выбросил ручку с капсулой цианида, а позже попросил новую. Петерсон доставила ему новую ручку на то же место. В нужное время Огородник пришел и забрал ветку.

В январе 1977 года Огородник просигналил, что готов в субботу 29 числа в 9 утра оставить передачу рядом с крупным валуном в лесу в месте, выбранном резидентурой для тайника. Петерсон там ранее не была, но ей показали рисунок местности. В то утро Москву накрыла снежная буря. Петерсон выехала за город, по дороге, не встретив ни души, припарковала машину и заскользила по лесу на лыжах. Валун размером с автомобиль утонул в снегу. Она надеялась увидеть следы Огородника, но снег был нетронутым. Никаких следов. Она искала передачу, но не смогла ее найти. Она перерыла и просеяла весь снег у валуна, но передачи не было.

В феврале 1977 года для Огородника оставили очередную ветку, которую он не забрал.

В апреле он заложил посылку в тайник по графику, но, открыв ее, технические специалисты резидентуры заключили, что передача подготовлена кем-то еще. Фотографии Огородника обычно были безупречны, а тут они казались сделанными небрежно.

Резидентура поняла, что начались проблемы с Огородником. В конце концов агенту было направлено радиосообщение с предписанием выставить стандартный сигнал своим автомобилем, который должен был быть припаркован в определенном месте в определенное время. Вместо традиционно быстрой реакции агента его автомобиль не появился в установленном месте.

Однако на второй запрос о дополнительном сигнале красной губной помадой на предупреждающем дорожном знаке «Осторожно, дети» агент дал ответ — красная метка была на знаке уже на следующий день. Этот сигнал означал, что агент должен забрать пакет из тайника в оговоренное время, а также указывалось место расположения тайника.

15 июля 1977 года Марта Петерсон покинула рабочее место в обычное время. В течение следующих четырех часов она шла пешком, ехала на общественном транспорте, снова шла пешком, тщательно проверяя наличие слежки. Единственной оперативной задачей для нее той ночью была закладка тайника для агента. В предыдущие 18 месяцев она провела уже более десятка подобных операций. Ранее она не сталкивалась с признаками того, что за ней велась слежка.

Тайник представлял собой щель в проеме одной из арок на пешеходной дорожке Краснолужского моста через Москву-реку. Петерсон несла в хозяйственной сумке изготовленный Оперативно-технической службой ЦРУ контейнер, напоминавший кусок асфальта. Этот плоский, размерами примерно 15*21*10 см, кусок черного камня, половинки которого скреплялись винтами, был испачкан землей так, чтобы придать ему обычный грязный вид.

Внутри находились пачка рублей мелкими купюрами, перетянутая резинкой, дополнительный запас из шести кассет для фотокамеры Т-50, несколько ювелирных изделий, авторучка-камуфляж, новые графики связи, одноразовые шифроблокноты, контактные линзы и персональные рекомендации агенту относительно фотопленки. Внутри также был лист — предостережение, напечатанное по-русски:

«ТОВАРИЩ! ВЫ ПРОНИКЛИ В ЧУЖУЮ ТАЙНУ. ВОЗЬМИТЕ ДЕНЬГИ И ЦЕННОСТИ, ОСТАЛЬНОЕ БРОСЬТЕ В РЕКУ И ЗАБУДЬТЕ ОБО ВСЕМ ЭТОМ. ВЫ БЫЛИ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ».

Если бы кто-то случайно нашел пакет и открыл контейнер, это угрожающее предостережение смогло бы подвигнуть нашедшего на то, чтобы избавиться от находки и не сообщать в КГБ.

Свой проверочный маршрут Петерсон завершила уже в сумерках. Уверенная в отсутствии слежки, в 22:30 она поместила пакет с контейнером в тайник, протолкнув его как можно глубже в щель. Затем она прошла несколько шагов к лестнице, чтобы спуститься с моста. Вдруг к ней быстро подошли трое мужчин и схватили за руки. Из-под моста тут же выехал фургон, и появилась еще дюжина офицеров КГБ. Чувствуя, что задержание женщины было неожиданностью для КГБ, Марта попыталась использовать это мгновенное замешательство в своих интересах и закричала:

«Провокация!» Если бы в это время Огородник был в этом районе, крики и шум могли бы его предупредить.

Завязалась короткая борьба, и Марта — обладательница зеленого пояса по тхэквондо — нанесла одному из сотрудников КГБ болезненный удар в пах, прежде чем ее нейтрализовали. Сотрудники КГБ забрали контейнер из тайника, затем обыскали Петерсон и обнаружили прикрепленный «липучкой» к бюстгальтеру специальный радиосканер для прослушивания частот КГБ. «Ожерелье» на шее Петерсон работало как передающая индукционная антенна для крохотного приемника-наушника, вставленного в ее ухо. Предполагая, что сканер является устройством связи, офицеры КГБ пытались говорить в него в попытке получить ответ. Во время обыска маленький приемник в ухе Петерсон так и остался необнаруженным.

Затем Петерсон отвезли на Лубянку, в штаб Второго главного управления КГБ, где начался допрос. Вскоре были сделаны телефонные звонки в американское посольство с неприятной новостью об аресте американской гражданки. Представитель Государственного департамента США, прибыв на Лубянку и увидев задержанную Петерсон, был удивлен не менее, чем офицеры КГБ на мосту в момент ее задержания.

В два часа ночи Марта была освобождена. На следующий день советское правительство объявило ее персоной нон грата, и Петерсон была выслана из страны. Она покинула Москву первым же самолетом, чтобы больше никогда не возвратиться в свою московскую квартиру. ЦРУ позже узнало о том, что по крайней мере за месяц до ареста Петерсон Огородник был уже мертв.

Точные обстоятельства смерти агента для ЦРУ остаются невыясненными, но подтверждение его гибели есть в книге «Агентурная кличка — “TRIGON”», вышедшей в 2000 году. Автор, отставной офицер КГБ Игорь Перетрухин, вел это расследование и утверждал, что Огородник, сидя за столом в своей квартире и окруженный офицерами, в два часа ночи попросил бумагу и ручку, чтобы написать заявление председателю КГБ. Он попросил свою авторучку, которая лежала на столе и которую офицер КГБ уже осмотрел. Ручку проверили еще раз, прежде чем дать агенту.

Во время работы над заявлением Огородник несколько раз прерывался и играл с авторучкой. Когда около стола никого не было,

Огородник сумел быстро вытащить из авторучки Л-таблетку и положить ее в рот. Внезапно он задрожал, откинулся на спинку стула и стал хрипеть. Офицеры КГБ бросились к нему и попробовали металлической линейкой открыть его твердо сжатые челюсти, чтобы извлечь ампулу с ядом. Из рта начала выходить пенящаяся кровь, и он уже не приходил в сознание.

Спустя пять лет после задержания Марты Петерсон ЦРУ раскрыло реальную историю Огородника — его выдала семья шпионов Кочеров, Карл и его супруга Хана. В 1973 году, когда Огородник стал шпионом, ЦРУ наняло человека по имени Карл Кочер для работы в качестве переводчика в отдел Советского Союза и стран Восточной Европы. Карл получил ученую степень в Колумбийском университете, свободно владел русским, французским и английским языками. Он был натурализованным американским гражданином, который в 1965 году иммигрировал вместе с женой Ханой в Нью-Йорк, чтобы избежать религиозного преследования в своей стране. Мать Кочера была еврейкой.

Они изображали из себя ярких антикоммунистов, заявляя, что сбежали в Америку в поисках свободы. И Карл, и Хана прошли рутинные проверки на детекторе лжи. Ни у кого не возникло ни малейшего подозрения, что эта пара была в действительности «нелегалами». К удивлению, Кочеры не пытались влиться в бюрократические круги ЦРУ, как это можно было бы предположить.

Согласно расследованию репортера Рональда Кесслера, бравшего эксклюзивные интервью у этой парочки, по меньшей мере дважды в неделю 40-летний Карл и Хана, которая была моложе его на десять лет, менялись супругами для секса с другими парами или, посещали сексуальные вечеринки в окрестностях Вашингтона. Кочеры часто посещали секс-клубы Нью-Йорка, и Хана позднее хвастала, что переспала со многими сотрудниками ЦРУ, сенатором США, журналистами нескольких ведущих газет и служащими Пентагона.

Каким образом Кочер узнал настоящее имя «Тригона», остается неясным. По одной из версий, Карл выяснил подлинное имя агента после того, как был назначен на работу в группу переводчиков и анализа отдела Советского Союза и стран Восточной Европы. Его работа заключалась в переводе полученных письменных материалов и телефонных переговоров, которые были тайно записаны на пленку

Управлением. Большая часть этих материалов была на русском и чешском языках. Некоторые — от Огородника. По другой версии, Хана услышала имя Огородника во время интимных встреч с одним из служащих ЦРУ.

Чешская разведка передавала КГБ сообщения от своих агентов. Информация Кочера о советском дипломате, работающем на ЦРУ в Колумбии, послужила поводом для начала расследования, что в конечном счете позволило вычислить Огородника.

Карл Кочер был арестован в Нью-Йорке 27 ноября 1984 года и обвинен в шпионаже. Он отсидел в тюрьме менее двух лет, после чего его обменяли на советского заключенного, диссидента Анатолия Щаранского. Выйдя на свободу, Карл и его жена вернулись в Чехословакию.

В российской печати о Кочере имеется следующая информация: Карел Кочер родился в 1934 году в Братиславе. Окончил физико-математический факультет Карлова университета в Праге. В 1965 году направлен в США в качестве разведчика-нелегала Службы государственной безопасности ЧССР. В 1969 году и окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке, получил ученую степень доктора философии. Его научным руководителем был профессор Збигнев Бжезинский (впоследствии — помощник президента США по вопросам национальной безопасности). Более десяти лет работал в аналитическом отделе ЦРУ, в ноябре 1984 года арестован по обвинению в шпионаже. В феврале 1986 года был обменен в Берлине на советского диссидента Анатолия Щаранского.

А вот что в июне 2008 года рассказал сам бывший сотрудник чехословацкой разведки Карл Кочер корреспондентам газеты «Комсомольская правда» об Огороднике, прототипе американского шпиона из фильма «ТАСС уполномочен заявить...», и о других эпизодах борьбы спецслужб в годы холодной войны.

Господин Кочер, все-таки вы были агентом КГБ или чехословацкой разведки?

Я никогда не работал с КГБ напрямую, а подчинялся Праге. Мои донесения из США получали в Чехословакии, переводили и отправляли в Москву. Это считалось сотрудничеством в рамках Варшавского договора. Вообще чехословацкая разведка, на мой взгляд, была одной из

лучших. В СССР это понимали: если был нужен шпион на Западе, то использовали чехов или немцев, а не русских. Чех, в отличие от русского, быстро адаптируется, не будет выделяться, привлекать к себе внимание.

Как вы вообще попали в разведку?

Я пришел в разведку, чтобы меня не посадили в тюрьму. Я в молодости общался с диссидентами, и за мной следили агенты Министерства внутренних дел. Меня уволили с радио, где я работал. В какой-то момент я понял: чтобы спастись от спецслужб, нужно начать работать на другую их часть — разведку. Потому что работать внутри страны — стучать на друзей, знакомых — я бы никогда не стал.

И вас так сразу туда взяли?

Да. Я прошел курс подготовки в Праге, а потом под видом эмигранта выехал в Австрию, откуда должен был перебраться в США.

Какую вам поставили цель?

Внедриться в ЦРУ. Я знал, чтобы пробиться в США, надо себя проявить. Так и получилось. Я окончил Колумбийский университет, и мой профессор — небезызвестный Збигнев Бжезинский — говорил: «Кочер — один из лучших учеников». После университета на меня вышли «кадровики» из ЦРУ. Я успешно прошел все проверки и оказался в этом ведомстве.

Квартира от Андропова

Разведка мне вообще не платила денег. В Америку я поехал с пустыми карманами, чтобы все было правдоподобно, а потом мне оплачивали только расходы — авиабилет, если, например, у меня была назначена встреча в Вене с кем-то из пражских кураторов, суточные. Я написал письмо в Прагу: попросил купить мне маленькую квартиру в Нью-Йорке, куда мы с женой могли бы приглашать нужных гостей и в общении выуживать у них информацию. В Праге возмутились, назвали меня наглым, но мое предложение все-таки передали в Москву. Оно очень понравилось шефу КГБ Юрию Андропову, и тот лично

потребовал выделить мне 40 тысяч долларов на квартиру. А Прага дала только половину, так они злились на меня.

ТАСС заявил неправду

Сейчас в Чехии в отношении меня идет настоящая травля. Я мечтаю преподавать, а мне не дают работать. Я даже задумываюсь об эмиграции, с радостью бы уехал в Россию. Основное обвинение, которое против меня выдвигают, — это то, что на моей совести гибель Александра Огородника, агента ЦРУ в Москве. Но все было по-другому.

Александр Огородник — прототип американского агента «Трианона» из фильма «ТАСС уполномочен заявить...»?

Да. Я вам расскажу, как было на самом деле. Это сильно отличается от книги Юлиана Семёнова и от фильма. Я работал в аналитическом отделе ЦРУ с досье на дипработников из соцстран, которые находились в государствах «третьего мира». Их «просеивали» на предмет вербовки. Потому что сегодня он дипломат в Африке или Латинской Америке, а завтра сделает карьеру и займет высокие посты. Большое внимание у ЦРУ было к посольству СССР в Колумбии. Особенно их заинтересовал второй секретарь посольства Александр Огородник. Меня попросили составить психологический портрет этого человека. В ЦРУ считали, что его реально завербовать. Хотя мне казалось, что Огородник был лояльный советскому режиму человек. Любящий западный образ жизни, но все-таки лояльный. Я это знал, я же прослушивал даже его разговоры с любовницей. О том, что ЦРУ хочет завербовать Огородника, я сообщил через Прагу в Москву. И на всякий случай попросил отозвать его из Колумбии. А дальше началось странное...

Мое сообщение попало в руки Олега Калугина, шефа внешней контрразведки КГБ, который, как выяснилось позже, тоже был связан с ЦРУ. Огородника из Колумбии не отозвали. Он спокойно закончил работу в Боготе и вернулся в Москву, где сразу же получил назначение на важную должность в МИДе. Что было вообще делом неслыханным, ведь было известно, что им интересовалось ЦРУ.

Как оказалось, Калугин сам завербовал Огородника в качестве агента КГБ и двигал его по служебной лестнице. Сообщил об этом

американцам, и те потом с подачи Калугина завербовали Огородника в ЦРУ. Дали ему шпионское оборудование, и он три года работал на них.

Огородника все же арестовали, и, как показано в фильме, он якобы проглотил яд, который был спрятан в авторучке. Ноу меня есть экспертиза врачей о причинах смерти Огородника. Всю жизнь он страдал от болезней сердца. Его убил стресс при аресте. Обычный инфаркт, а не яд.

«Меня сдал Калугин»

Калугин лично, несмотря на запрет Андропова, приехал в Прагу, чтобы меня скомпрометировать. На встрече со мной он задавал такие вопросы, ответы на которые я физически не мог помнить. У меня хорошая память, я запомню целиком страницу текста дословно, но буду помнить ее несколько часов, а не лет. И Калугин обвинил меня в том, что я предатель, по-настоящему работаю на ЦРУ и мне нельзя верить. Более того, попросил чехословацких коллег сделать фотографию, на которой мы вместе с ним, что было запрещено. И позже предъявил эту фотографию в ЦРУ как доказательство того, что я работаю на советскую разведку.

А как вы оказались в Праге на встрече с Калугиным?

Во время работы в США я три раза нелегально приезжал в Чехословакию. Якобы ехал к родственникам жены в Вену. Там меня незаметно, прямо на вокзале, подменял дублер, так же одетый, с таким же чемоданом, это на случай слежки, а я садился в машину, получал фальшивый паспорт и ехал в Прагу...

И Калугину удалось вас скомпрометировать?

Да, Прага ему поверила. Я вернулся в США, но работа со мной была заморожена. Однако Калугин все равно сдал меня американцам, и я был арестован сотрудниками ФБР.

Обмен на мосту

В тюрьме я сидел вместе с самым настоящим цветом американской мафии, это я не приукрашиваю. С главарем нью-йоркских банд мотоциклистов мы даже стали друзьями. А потом путем «шпионского обмена» я вернулся на родину.

Почему вас обменял СССР, а не Чехословакия?

Для Чехословакии я был птицей слишком высокого полета, они не знали, что со мной делать после моего возвращения. А Крючков, шеф советской разведки, сразу же согласился меня обменять — на видного советского диссидента Натана Щаранского. Он сказал: «Такие, как Кочер, стоят троих Щаранских». Я очень ценил и уважал Крючкова, мы даже позже переписывались.

Вы помните сам обмен?

В Берлине, на мосту. Кстати, по дороге в Германию со мной обращались откровенно. Держали все время в наручниках, в сырых камерах. А Щаранский ждал обмена в хорошей берлинской гостинице.

Милтен Бирден об Огороднике

У Александра Огородника, молодого и перспективного помощника советского посла в Колумбии, завязался роман с проживавшей в Боготе испанкой. Благодаря установленной в советском посольстве технике подслушивания ЦРУ смогло контролировать разговоры между Огородником, который был женат, и его любовницей-испанкой. Резидент ЦРУ в Боготе установил с испанкой оперативный контакт, и она согласилась помочь ЦРУ завербовать Огородника. Она даже показала ЦРУ секретный дневник, оставленный им ей на хранение, и его «завещание», в котором он выражал свою ненависть к советской системе. Испанка согласилась помочь ЦРУ в расчете на то, что если ее любовник станет шпионом ЦРУ, он останется с ней. Но у ЦРУ были другие планы.

Огородник принял предложение ЦРУ и в скором времени стал передавать американцам для фотографирования документы, приходившие с дипломатической почтой из Министерства иностранных дел в Москве. По подсказке ЦРУ Огородник, который теперь имел псевдоним «Трайгон», согласился по окончании своей командировки на перевод в Оперативный центр (Управление перспективного планирования внешнеполитических мероприятий) МИД. В Боготе он прошел специальную подготовку по использованию тайников для связи с резидентурой ЦРУ в Москве.

Перед отъездом из Боготы Огородник потребовал встречи с работником ЦРУ, который будет поддерживать с ним связь в Москве. Им оказался готовившийся выехать в Москву в качестве заместителя резидента ЦРУ Джек Даунинг, который летом 1974 года специально прилетал в Боготу, чтобы успокоить Огородника. Оба были примерно одинакового возраста, и между ними вскоре установился хороший контакт.

Огородник признался Даунингу, что хочет получить от ЦРУ капсулу с ядом на случай ареста, и даже заявил, что, если к нему не будут относиться «по-человечески» и не дадут капсулу, он в Москву не вернется. ЦРУ нехотя согласилось, и Огородник возвратился домой. По возвращении в Москву он развелся с женой, но своей любовницы-испанки уже больше никогда не увидел.

В период 1974—1977 годов Огородник был одним из самых ценных агентов ЦРУ в Москве. Он получил доступ к большей части шифропереписки МИД и стал передавать американцам совершенно секретные документы, давшие им беспрецедентную возможность заранее знать советскую позицию на переговорах по стратегическим вооружениям в 70-е годы.

Но в КГБ Огородника помнили главным образом в связи с тем, что случилось после его ареста. Конкретные подробности до сих пор остаются неясными, но известно, что он взял свою авторучку «Монблан», которую ему вручил в Боготе Даунинг, и воспользовался спрятанной в ней капсулой с ядом. Огородник ухитрился поднести авторучку ко рту и раскусить находившуюся внутри капсулу с цианистым калием. Прикрывая рот руками, он должен был сделать, как его инструктировал Даунинг, три быстрых вдоха. Прежде чем ошеломленные работники КГБ успели что-либо предпринять, «Трайгон» был мертв. Второе главное управление находилось в состоянии, близком к панике, и многим это чуть не стоило карьеры.

С тех пор был установлен новый порядок производства арестов.

От автора

«Дело Огородника» и захват с поличным при проведении тайниковой операции сотрудницы ЦРУ Марты Петерсон в 1977 году

вызвали в КГБ необычайный подъем. Предыдущая операция контрразведки в 1975 году по разоблачению инициативников Григоряна и Капояна и захвату с поличным при выбросе из автомашины контейнера для них сотрудником ЦРУ Эдмундом Келли прошла без широкого освещения в прессе, и, я бы сказал, более келейно, тогда как «Дело Огородника» получило широкую огласку. Те изменники родины не обладали такой важной информацией, как Огородник, и не нанесли серьезного ущерба своей стране, так как были своевременно обезврежены советской контрразведкой.

«Дело Огородника» стало действительно наиболее значимым мероприятием КГБ по разоблачению агентов ЦРУ после дел Попова и Пеньковского. Бенефициаром победы над американцами стал разработчик и разоблачитель Огородника — Седьмой отдел Второго главного управления КГБ СССР во главе с генерал-майором Вячеславом Эрвандовичем Кеворковым. В меньшей степени победу праздновал и Первый (американский) отдел ВГУ, которым командовал в то время полковник Евгений Михайлович Расщепов. Мероприятие курировал и принимал в нем непосредственное участие заместитель начальника ВГУ КГБ СССР генерал-майор Виталий Константинович Бояров.

Сотрудники Седьмого отдела светились гордостью и радостью, что им удалось разоблачить агента американской разведки из числа сотрудников Министерства иностранных дел. МИД был объектом их оперативного обслуживания, и отдел сумел на достаточно ранней стадии перекрыть канал утечки важной, государственного значения информации из подведомственного им учреждения, тем самым четко исполнив возложенные на него руководством КГБ СССР функциональные обязанности. Настроение омрачал лишь летальный исход Огородника, принявшего яд в процессе протоколирования его задержания.

Что касается первого отдела ВГУ, отвечавшего во Втором главном управлении КГБ за американскую линию в целом и за посольскую резидентуру ЦРУ, то, хотя отдел и принимал самое активное участие в контроле за американскими разведчиками в городе и в подготовке мероприятия по задержанию разведчика ЦРУ, нам своевременно не удалось идентифицировать Марту Петерсон как сотрудницу посольской резидентуры, отвечавшую за безличную связь с Огородником.

Дело оперативной разработки на Марту Петерсон, как я помню, вел оперуполномоченный Борис Писарев, и когда после задержания американки руководство отдела для ознакомления затребовало дело на нее, то оказалось, что вместо объемного тома с документами имелась лишь тоненькая папочка, в материалах которой и намека не было на ее принадлежность к ЦРУ.

Американцы нас обыграли вчистую, организовав тайниковые операции с Огородником с использованием сотрудника ЦРУ — женщины, что для нас в то время было полной неожиданностью. В Главке не было сведений о принадлежности Петерсон к разведке США, и она в посольстве вела такой образ жизни, который не позволил КГБ заподозрить ее в причастности к агентурной деятельности посольской резидентуры ЦРУ.

И, на мой взгляд, в интерпретации работы ЦРУ с Огородником в Колумбии, и в описании пребывания в посольстве США Марты Петерсон и ее операций с Огородником вырисовываются как раз те самые интересные детали, которых нет в моем изложении в первой книге «Записок контрразведчика».

Интересны характеристика Огородника, которую ему дают американцы, описание процесса его обучения работе с фотокамерой и рекомендации по фотографированию документов в советском посольстве в Боготе. ЦРУ подтвердило, что в посольство СССР в Колумбии была внедрена техника слухового контроля. Такие признания о техническом проникновении в здания дипломатических представительств со стороны спецслужб — явление чрезвычайно редкое. Американцами были конкретно названы оперативные сотрудники, обучавшие Огородника и работавшие с ним, в том числе и Джек Даунинг, в 1986 году ставший резидентом ЦРУ в Москве и непосредственно принимавший участие в мероприятиях ЦРУ по делу «Пролог» (наша операция «Фантом»).

По словам Олдрича Эймса, именно он по указанию шефа латиноамериканского отделения отдела Советского Союза и стран Восточной Европы Хэвилэнда Смита руководил Александром Огородником в Колумбии. Эймс, владея русским языком, вдвоем вместе с оперативным сотрудником резидентуры ЦРУ в Боготе осуществил вербовку Огородника в сауне отеля «Хилтон», организовал его оперативное обучение, отрабатывал с ним информационные задания.

По указанию Смита Рик Эймс пытался убедить Огородника в том, что ему не нужна пилюля со смертельным ядом (Л-таблетка), но это ему не удалось, и ЦРУ запрятало пилюлю для своего агента в зажигалку.

Несколько месяцев спустя уже в Москве Огородник дал знать, что ему нужна другая такая же пилюля, поскольку он якобы потерял зажигалку. Управление выслало ему еще одну, замаскировав ее в дорогой авторучке. По этому поводу Олдрич Эймс высказался следующим образом: «Мы всегда считали, что Огородник потерял первую пилюлю с ядом, скрытую в зажигалке, которую мы передали ему, но после того как он покончил жизнь самоубийством, до нас стали доходить слухи, что в действительности он использовал эту пилюлю для убийства одной женщины в Москве. Это была его любовница, от которой он хотел избавиться. Разумеется, в ЦРУ решили, что это — советская дезинформация, поскольку никому из нас не хотелось признаваться, что мы, возможно, несем ответственность за то, что снабдили его орудием убийства невинной женщины».

Операциями с Огородником в Москве руководил резидент ЦРУ Роберт Фултон. Он, так же как позднее и Гербер, был моим персональным объектом разработки.

Фултон служил в Корее в качестве офицера военной разведки, в 1955 году стал сотрудником ЦРУ, работал в Финляндии, Дании, Вьетнаме и Таиланде. Известно, что в Москве он также принимал участие в безличных контактах с Огородником, изъяв заложенный им пакет в парковой зоне на Поклонной горе в Москве.

Однажды, когда Огородник подал сигнал, что «готов передать посылку», Фултон сам направился на встречу. Он спокойно посадил в машину своего пса Голиафа и двинулся к лесистому холму с видом на город неподалеку от МГУ. Подъезжая к месту закладки, Фултон заметил, что за ним лениво следует группа наблюдения КГБ. Но он часто выгуливал собаку в этом лесу, и они не подозревали ничего необычного. Когда Фултон открыл дверь, пес внезапно выпрыгнул и умчался в березово-сосновый лес. Фултон погнался за ним. Собака помочилась на дерево именно в том месте, где Огородник оставил пакет. Фултон быстро схватил его и сунул в карман куртки, так что сотрудники КГБ не успели разглядеть, что происходит. Он отнес пакет домой, но не открывал его, подозревая, что КГБ установил в его квартире видеокамеру.

Я помню ту сводку наружного наблюдения, в которой описывается ситуация, о которой рассказывал Роберт Фултон, но в сводке ни на какие подозрительные моменты в поведении американца указано не было.

На следующее утро пакет был вскрыт в резидентуре. В нем было десять катушек пленки и записка. В своих интервью высокопоставленные ветераны ЦРУ утверждали, что автором внедрения в практику ЦРУ «глубоких прикрытий» в рамках операции «Чистая щель» был Бартон Ли Гербер и якобы только с 1991–1992 годов в посольство США в Москве стали внедряться такие офицеры ЦРУ.

Но, по-моему, Марта Петерсон — это также наглядный пример сотрудника «глубокого прикрытия», которая вела двойную жизнь не только для КГБ, но и для американских дипломатов, для которых ее принадлежность к ЦРУ явилась полной неожиданностью. Она была протеже Роберта Фултона, в то время резидента ЦРУ в Москве, и именно по его рекомендации и по его настоянию состоялась ее командировка в СССР. Так что, я думаю, Роберт Фултон мог бы вполне разделить с Бартоном Ли Гербером лавры зачинателей этой весьма успешной для ЦРУ операции «Чистая щель».

А что касается интервью Карла Кочера, то весьма примечательно его мнение о роли бывшего генерал-майора КГБ Олега Калугина в «деле Огородника» и о компрометации им этого чехословацкого разведчика-нелегала. В КГБ действительно имелись серьезные подозрения в отношении Калугина, велось служебное расследование по поводу эпизодов его участия в мероприятиях с Огородником и причастности к разоблачению американцами Кочера. Однако прямых улик и серьезных доказательств вины Калугина в провале Кочера в то время добыто не было.

В 1995 году Олег Калугин выехал из СССР в США. В 2002 году в России он был заочно осужден за государственную измену и приговорен к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. По приговору Мосгорсуда Калугин лишен воинского звания, персональной пенсии и двух государственных наград.

Глава шестая

Разоблачение агента ЦРУ Полякова

КГБ СССР об агенте ЦРУ Полякове.

Москва, 1986 год

Сотрудник военной разведки (ГРУ) генерал-майор Дмитрий Поляков двадцать пять лет, с 1961 по 1986 год, работал на американскую разведку. Он был завербован ФБР во время командировки в США. На следующий год его там же передали на связь ЦРУ. На время заграничных командировок в США (1961–1962), Бирму (1965–1969) и дважды в Индию (1973–1976 и 1979–1980) приходится основная часть шпионской работы Полякова, когда он поддерживал личные контакты с разведчиками ЦРУ. В периоды между командировками (1962–1965), (1969–1973), (1976–1979) с Поляковым в Москве сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ была организована личная связь через тайники и с помощью ближней радиосвязи. Причем как опытный разведчик Поляков активно участвовал в выработке способов и тактики конспиративных операций с резидентурой, сам изготавливал миниатюрные тайниковые магнитные контейнеры и предлагал места их закладок в районах улиц Большая Ордынка, Большая Полянка, в ЦПКиО им. Горького, у станций метро, изготавливал также тайниковые контейнеры в виде кирпичей и камней.

В системе безличной связи с Поляковым ЦРУ все же отдавало предпочтение радиосредствам — использованию новейшей разведывательной быстродействующей радиоаппаратуры в условиях Москвы. В Индии сотрудники ЦРУ обучили Полякова работе с приемопередающим устройством для обмена радиовыстрелами с посольской резидентурой в Москве. Он успешно по графику, разработанному на несколько лет вперед, проводил эти трудноконтролируемые контрразведкой операции. Делал это, проезжая на троллейбусе по улице Чайковского мимо здания посольства США или «выстреливая» на жилые дома, в которых проживали американские разведчики, — на Ленинском проспекте и в других местах города.

Поляков был разоблачен военной контрразведкой и арестован 7 июля 1986 года. Во время обыска в его квартире и на даче были

обнаружены предметы шпионской экипировки — листы тайнописной копирки, шифровальные блокноты, специальные приставки к миниатюрному швейцарскому фотоаппарату «Тессина», особым способом изготовленная фотопленка «Кодак», шариковая ручка для нанесения тайнописи и инструкции по организации связи с разведчиками ЦРУ в Москве и за границей.

За время работы на ЦРУ предатель, помимо информации военно-политического и стратегического характера в области военного строительства и международных отношений (данные о советско-китайских отношениях, сведения о новом вооружении Советской армии, более ста выпусков секретного периодического журнала «Военная мысль», издаваемого Генеральным штабом, и т. д.), выдал американцам девятнадцать советских разведчиков-нелегалов, более ста пятидесяти агентов-иностранцев, работавших на СССР, сдал всех кого знал из числа действующих кадровых сотрудников советской разведки и контрразведки (более полутора тысяч офицеров — своих коллег).

С самого начала своего сотрудничества с ФБР, а затем и с ЦРУ он стал передавать американцам особо охраняемую спецслужбами информацию об агентах-нелегалах, об американцах, завербованных советской разведкой, о способах связи с агентами в СВР и ГРУ, тем самым завоевав безграничное доверие американских специальных служб. Причем он работал на американцев, в отличие от других известных нам агентов ЦРУ, практически бескорыстно, не получая денежной компенсации за свое предательство. Его просьбы к своим кураторам из ЦРУ ограничивались охотничьими ружьями, которые он коллекционировал, и рыбацкими и охотничьими принадлежностями.

ЦРУ считало Полякова самым ценным агентом второй половины XX века, американцы особо тщательно оберегали его и не позволяли КГБ выйти на его след ни на одном из каналов связи.

Мы в первом отделении Первого отдела ВГУ в те годы были уверены в существовании особо ценного агента ЦРУ, с которым проводились дерзкие агентурные акции по связи, знали районы и время их осуществления, фиксировали их внешние признаки, но перехватить эти конспиративные операции американцев с Поляковым нам не удалось, не представилось возможным. Так же, как и в работе по Толкачёву. То, что мы так и не перехватили операции ЦРУ по контакту с Поляковым, было нашей серьезной неудачей.

ЦРУ о Полякове

Дмитрий Федорович Поляков, кадровый офицер советской военной разведки, получивший звание генерал-лейтенанта во время службы в ГРУ, начал работать на США почти в то же самое время, что и Пеньковский, — в 1961 году. Поляков продолжил работать на ЦРУ в 1970-е годы и стал пионером в переходе ЦРУ от традиционных методов к инновационному высокотехнологическому шпионажу.

Поляков был завербован ФБР в Нью-Йорке в 1961 году как источник контрразведки. Он выдал агентов-нелегалов, работавших в США на советскую разведку, а также назвал имена нескольких агентов, которые были советским проникновением в правительство США.

В 1966 году Поляков был передан ЦРУ и составлял для этого ведомства отчеты, работая в Бирме, Индии и на Филиппинах. За годы карьеры в ГРУ он получил от ЦРУ целый список псевдонимов, включая «GTBEEP», «ТОРНАТ» и «BURBON».

Поляков не требовал от своих кураторов денежных сумм, принимая лишь небольшие подарки, например инструменты для работы по дереву и несколько охотничьих ружей. Мотивируя свои действия ненавистью к Советам, он гордился Россией, а не советской системой. Один офицер-агентурист, который хорошо знал Полякова, описывал его как человека, способного «одновременно гордиться советскими вооруженными силами и презирать систему, которой они служат». Поляков был настоящим профессионалом.

Во время операций в Индии в конце 1970-х годов, когда куратор ЦРУ перед отъездом в США познакомил Полякова со своим преемником, Поляков заметил аккуратно подстриженную бородку нового оперативника. «Мы в ГРУ не носим бороды», — заметил Поляков. На следующей встрече, когда два сотрудника ЦРУ встретились в гостиничном номере, снятом для тайных встреч с агентом, старший офицер спросил молодого коллегу, почему тот не сбрил бороду.

— А почему я должен ее сбрить? — спросил молодой сотрудник.

— Потому что наш друг попросил Вас об этом, — объяснил старший офицер и добавил, что генералу ГРУ неудобно встречаться с человеком, который носит бороду. Это может вызвать подозрение.

Молодой офицер пошел в ванную и побрился. Вскоре после этого прибыл Поляков и немедленно похвалил молодого куратора за проявленную аккуратность. Оперативные контакты прошли гладко, хотя жена нового куратора очень удивилась внезапному исчезновению бороды мужа.

По оценке офицеров-кураторов, которые работали с ним, Поляков был практически совершенным шпионом. Мало того, что он занимал высокий пост в военной структуре, он обладал обширными знаниями, был дисциплинированным и опытным офицером разведки. Понимая тактику работы контрразведки КГБ, Поляков оказался чрезвычайно осторожным агентом. Методы агентурной связи часто менялись, чтобы минимизировать риски. Первоначально он делал свои сообщения с помощью тайнописных рецептов, разработанных для него, а также использовал тайники. За пределами СССР он практиковал моментальные передачи и получение сигналов через частные объявления в газете «Нью-Йорк таймс», подписанные «Дональд Ф.». Для таких методов требовалось много времени и тщательное планирование, но они существенно снижали риск. Поляков ни разу не менял время личных контактов и никогда не опаздывал на встречу с куратором в особо опасных случаях.

Один оперативник рассказывал о Полякове: «У нас был агент, обеспечивающий нас важной контрразведывательной информацией, особо ценными военно-политическими и техническими сведениями относительно советского вооружения, а также данными о проникновениях шпионов в правительство США. Это была неоценимая информация. Но независимо от объемов информации, все сведения должны были быть сжаты в короткие сообщения из нескольких сотен слов, аккуратно записанных и закодированных с помощью одноразовых шифроблокнотов. Поскольку Поляков не имел отдельной частной квартиры для своей работы, все это делалось в туалете. Ни жена, ни теща, ни дети ни о чем не подозревали. Он должен был работать с этими миниатюрными одноразовыми блокнотами, а также зашифровывать всю информацию перед отправкой ее к нам, а затем расшифровывать то, что мы ему посылали. Кроме этого, Поляков должен был выходить на прогулки, чтоб заложить тайник в общедоступном месте в надежде, что его не заметят и что куратор найдет тайник прежде, чем кто-то случайно наткнется на него».

Проблема безопасности связи с Поляковым была решена во время его командировки в Индию (1973–1976), когда ЦРУ снабдило его первой электронной коротковолновой системой агентурной связи на короткие дистанции BUSTER. Когда Поляков возвратился в Москву, он, используя BUSTER, выходил на связь с резидентурой ЦРУ в Москве из трамвая или автобуса, во время поездки на автомобиле или велосипеде, а также во время пешей прогулки. Поскольку местоположение приемника можно было многократно менять, Поляков изменял места передач, что делало его маршруты внутри большого города практически недоступными для КГБ.

Радиосигнал прибора был кратковременным и, таким образом, не позволял КГБ зафиксировать радиопередачу и точно определить ее источник. Поляков просто нажимал кнопку на устройстве в кармане в течение нескольких секунд, если он был в пределах дальности работы системы. Он мог теперь посылать электронные сообщения, выбирая время и место по своему усмотрению. Кроме того, радиосвязь была еще и двухсторонней. Как только приемная станция получала сообщение, сразу же передавался сигнал подтверждения на комплект агента. Все это происходило менее чем за 5 секунд. Поляков загружал в передатчик свое сообщение, затем выходил на прогулку или по делам. Он знал ориентировочно район приема своего сообщения, но не знал точного местоположения основной приемной станции. Попадая в этот район, он просто нажимал кнопку, его сообщение принималось на приемник, расположенный в автомобиле оперативного сотрудника. После получения информации станция автоматически отсылала свою передачу и сигнал «Подтверждение». Поляков видел на своем приборе красный сигнал, который указывал, что передача успешно прошла. Затем он возвращался домой и читал сообщение ЦРУ.

Оперативно-техническая служба ЦРУ изготовила камуфляж для устройства BUSTER в стереоприемнике Полякова, который он купил и отправил домой перед возвращением в Москву в 1977 году. Когда агент находился вне СССР, были изготовлены и другие камуфляжи вместе с запасными передатчиками. Чтобы не привлекать излишнего внимания, эти камуфляжи старались делать в том стиле, которому соответствовали окружение и личные вещи агента.

Вклад Полякова в деятельность ЦРУ оказался неоценимым. Он понимал возможности советской контрразведки и в Союзе, и за

границей, так же как последствия, с которыми он должен столкнуться, если его спецустройства или факт их использования будут обнаружены.

В 1980 году Поляков уволился, чтобы отдаться своей страсти — рыбалке, охоте и работе по дереву, но КГБ в конечном счете выявил его. Как и в деле Огородника, причиной было не обнаружение технического оборудования или раскрытие методов работы. Оба агента были выданы американцами, работавшими на советскую разведку.

Первым был специальный агент ФБР Роберт Хансен, который познакомился с делом офицера ГРУ Полякова в 1979 году во время службы в нью-йоркском подразделении контрразведки. В ГРУ известие о связи Полякова с американской разведкой было поставлено под сомнение, в то время все это казалось невероятным. Поляков был уважаемым высокопоставленным офицером. Несколько робких попыток начать полное расследование были «спущены на тормозах». В советской военной разведке считали, что, бросая тень подозрения на генерал-лейтенанта, можно погубить и собственную карьеру, если обвинения окажутся ложными, и совсем немногие в ГРУ были готовы рисковать.

Но в мае 1985 года офицер ЦРУ Олдрич Эймс сообщил о Полякове в КГБ, который уже начал разрабатывать генерала как агента ЦРУ. В конце расследования КГБ выманил Полякова подальше от его скромной дачи под Москвой и затем арестовал. Надежные источники сообщили, что во время допросов он в деталях рассказал обо всем, что он передал американцам. После допросов и суда его казнили в 1988 году.

Милтон Бирден о Полякове

В момент своего ареста Дмитрий Федорович Поляков сразу же понял, что его долгое путешествие подошло к концу. Больше не надо прятаться или беспокоиться, услышав стук в дверь.

Первоначальная проверка Полякова была начата после получения ГРУ первого сигнала в 1979 году от Роберта Хансена. Полякова отозвали из-за границы и отправили в отставку, но тут вмешался генерал из контрразведки, который считал, что генерал Советской армии не может быть шпионом. Поляков вышел в отставку и начал новую жизнь — копошился на даче, занимался внуками, столярничал.

Пять лет спустя недостающее звено этой головоломки встало на место. КГБ наконец получил компрометирующие данные на генерала прямо из источника в Лэнгли.

Когда 4 июля Поляков получил приглашение прибыть в штаб-квартиру ГРУ, где через два дня должна была состояться церемония проводов уходящих в отставку, он инстинктивно почувствовал, что настал час расплаты. Этот предлог насторожил его, и подозрения только усилились, когда его сын Пётр, также служивший в ГРУ, сказал, что заметил на узкой дороге, ведущей к даче, пост наблюдения. Поляков сказал сыну, чтобы тот держал свои наблюдения при себе. Он не хотел портить праздничное настроение родственникам, собравшимся отметить его 65-летний юбилей.

Арест в понедельник был хорошо отрепетированной демонстрацией ярости. Как только он в парадной форме с орденами на груди пошел в штаб-квартиру ГРУ, на него набросились пять человек. Один зажал его голову удушающим приемом, а другие сняли с него китель и рубашку на тот случай, если у него там была спрятана капсула с ядом.

Дмитрий Поляков не сопротивлялся. Он просто повис на руках, державших его, как в тисках, людей. Полякова раздели догола и быстро обыскали на предмет выявления скрытых на теле «специальных средств». Потом его переодели в голубой тренировочный костюм КГБ, надели наручники и объявили, в чем он обвиняется. Его единственной просьбой было избавить жену и детей от любых подозрений и унижений.

Когда начались допросы, Поляков не оправдывался. Он заявил, что у него была масса возможностей уехать из Советского Союза, но считал это для себя неприемлемым. Все, что он делал, делалось ради русского народа, а не против него. Чтобы с ним не стало, добавил он следователям, это был его крест. Ион будет нести его с честью. Это тоже будет его вклад в приближение революции в умах людей в СССР. Он сказал, что является социал-демократом европейского типа. Именно в силу этих причин он на протяжении нескольких десятилетий вел свою борьбу. Теперь смерть станет еще одним этапом его борьбы.

Поляков рассказал историю своей жизни легко и без принуждения. Рассказал все подробно, с некоторой гордостью, которая нервировала его следователей. Не отступив от своих убеждений в том, что все

делал правильно, он утверждал, что, если бы снова возникла возможность выбора, сделал бы то же самое.

Поляков родился на Украине в 1921 году. Незадолго до начала Второй мировой войны он окончил Военную академию во Фрунзе как раз вовремя, чтобы попасть офицером-артиллеристом на фронт. Опыт войны навсегда остался в его памяти и определил его самосознание как представителя поколения, остановившего Третий рейх.

После войны Поляков перешел в военную разведку, где одним из его первых зарубежных назначений в 50-х годах стала нью-йоркская резидентура ГРУ. После некоторого периода работы в Центре Поляков в 1961 году снова приехал в Нью-Йорк во вторую командировку по линии ГРУ. К этому времени он пришел к выводу, что страдания и жертвы, выпавшие на долю русского народа во время Великой Отечественной войны, оказались напрасными из-за коррупции и фундаментальной порочности советской системы. Именно в этот период он перешел черту и предложил свои услуги ФБР, начав двойную жизнь, которая будет продолжаться почти три десятилетия. Сначала в качестве восходящей звезды ГРУ, а затем человека, которого ФБР и ГРУ называли: «ТОПХЭТ», «РАУМ», «БУРБОН» и «БИП».

Агент ЦРУ Александр Огородник, псевдоним «Трайгон»

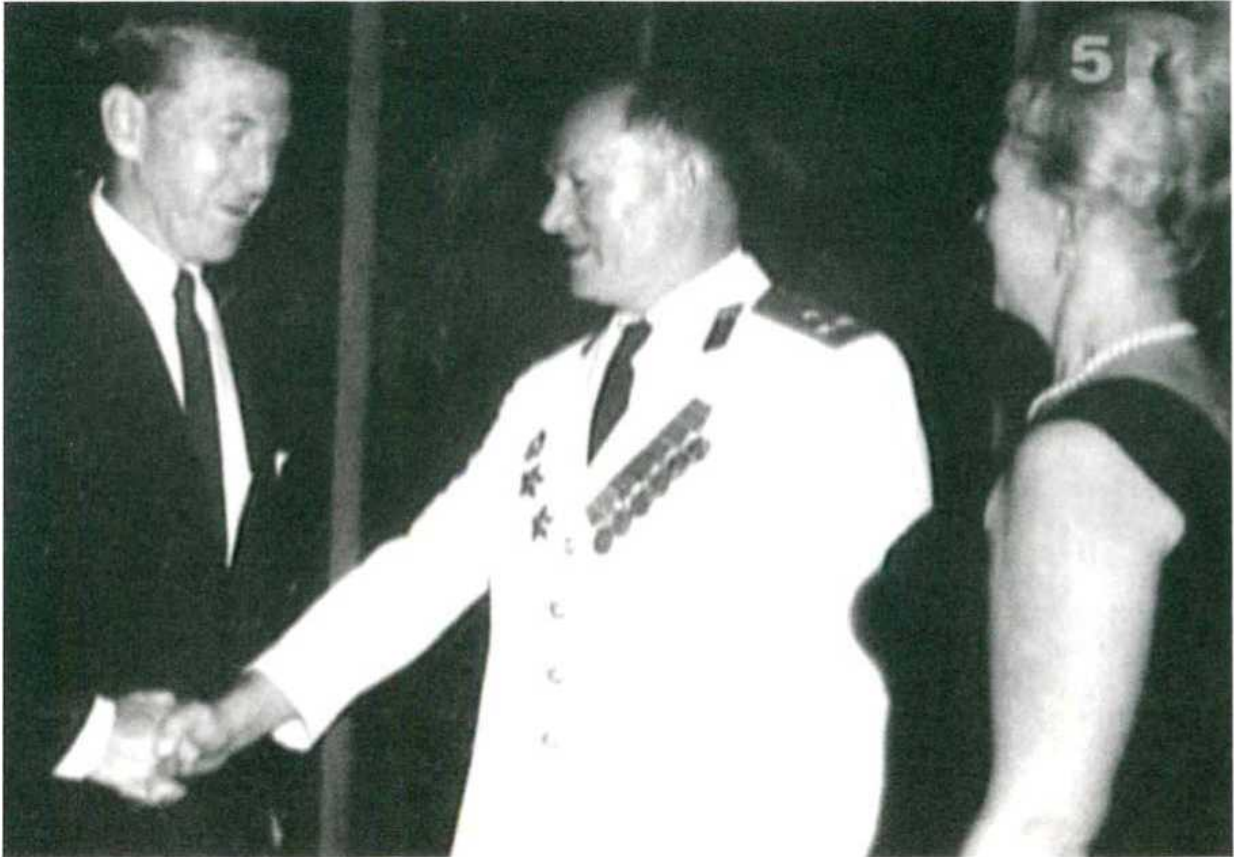
Огородник на отдыхе

Башня Краснoлужского моста, место закладки для Огородника тайника Мартой Петерсон

Агент ЦРУ, генерал ГРУ Генштаба МО СССР Дмитрий Поляков,
один из псевдонимов «Бурбон»

Поляков еще полковник. На приеме в посольстве СССР

Поляков уже генерал. На приеме в посольстве СССР в Индии

Агент ЦРУ Поляков на фоне американского флага

Арест агента ЦРУ Полякова. На переднем плане — руководитель военной контрразведки, начальник Третьего главного управления КГБ СССР Алексей Алексеевич Моляков

Агент ЦРУ Адольф Толкачѳв, псевдоним «Сфера»

Агент ЦРУ Толкачёв но отдыхе

Толкачёв даёт показания в зале Военной коллегии Верховного суда СССР

Инструкции ЦРУ для Толкачева. На переднем плане — комплект из пяти фотокамер Т-50 в виде брелков для ключей

Оглашение приговора Толкачёву

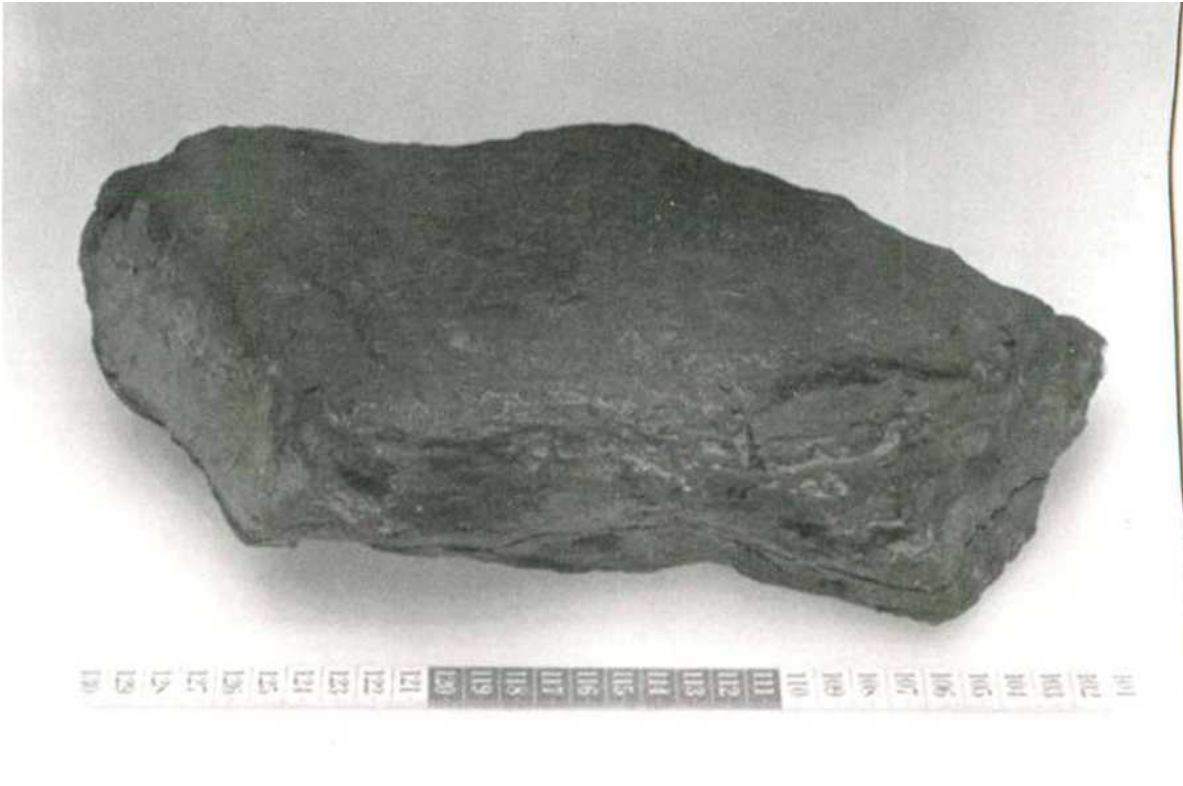
Изменник родины, сотрудник КГБ Виктор Шеймов, тайно вывезенный американцами из страны вместе с женой и дочерью. Мероприятие организовал Дэвид Рольф

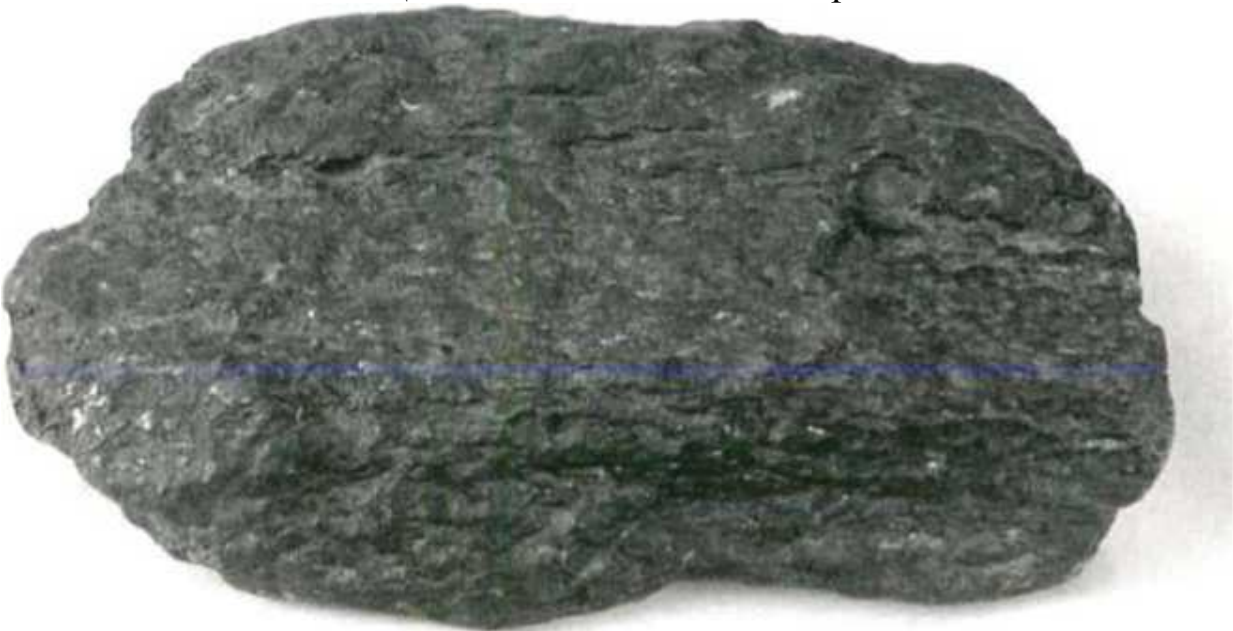
Агент ЦРУ Леонид Полещук, псевдоним «Уэй»

Полещук в зале суда

Изготовленный в ЦРУ тайниковый контейнер в виде камня

Тайниковый контейнер в виде куска асфальта

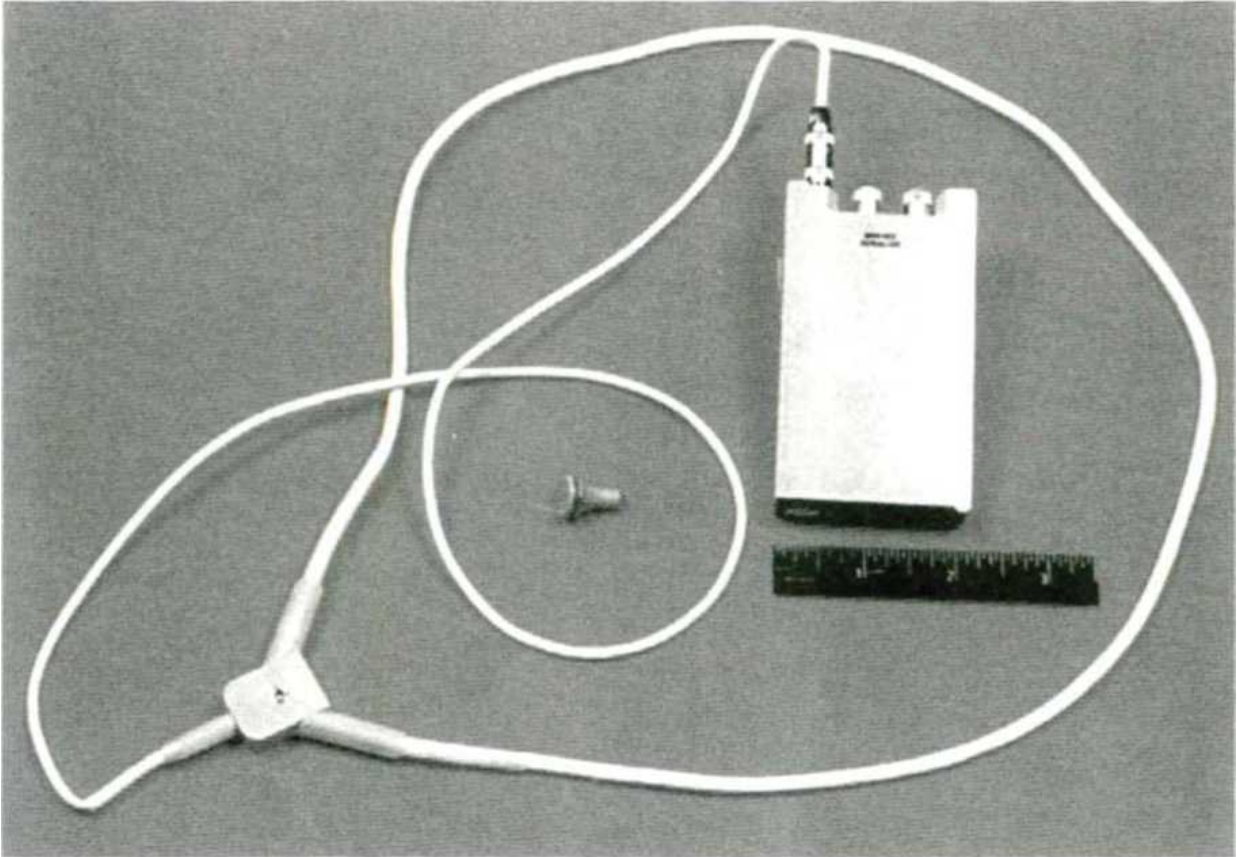
Совсем маленький контейнер

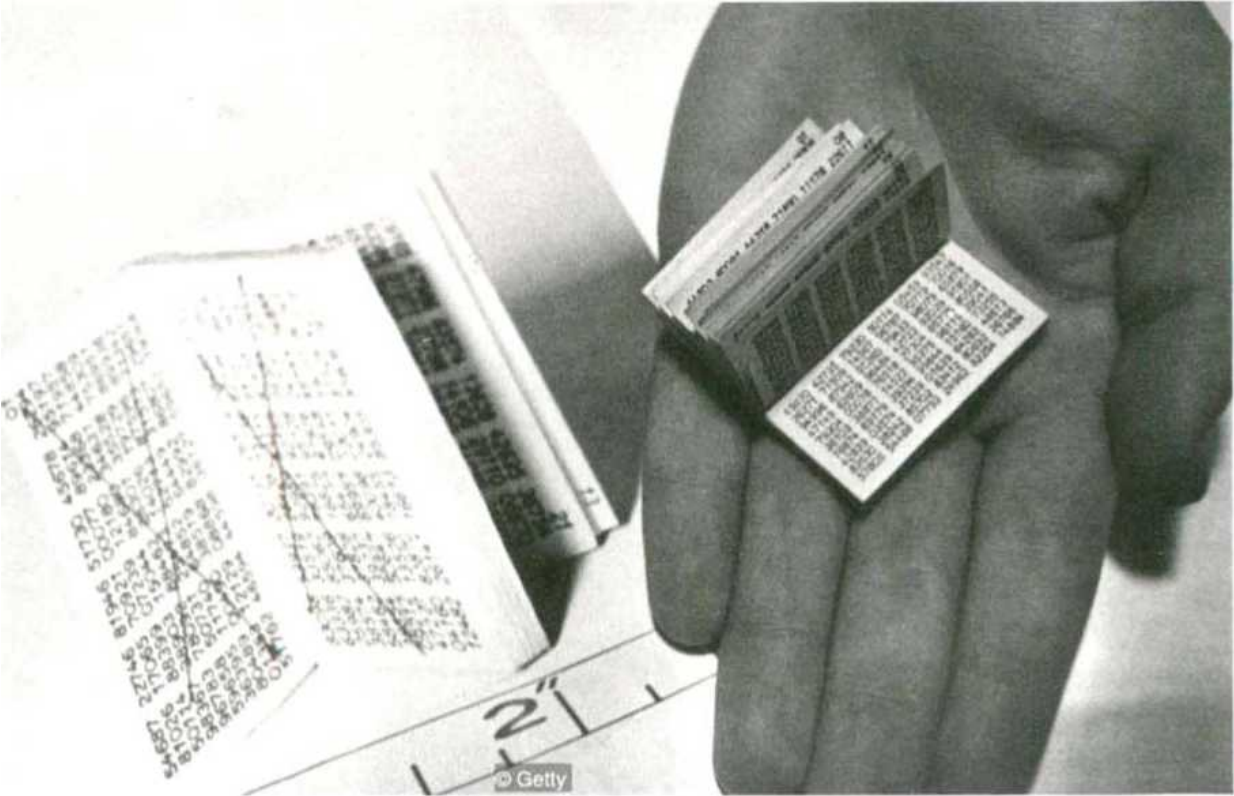
Тайниковый контейнер в раскрытом виде и его содержание: вопросник ЦРУ, инструкции по организации связи, шифроблокноты, прибор для ближней радиосвязи и элементы питания к нему, а также изготовленные в ЦРУ письма для направления их после нанесения тайнописи в США на подставные адреса

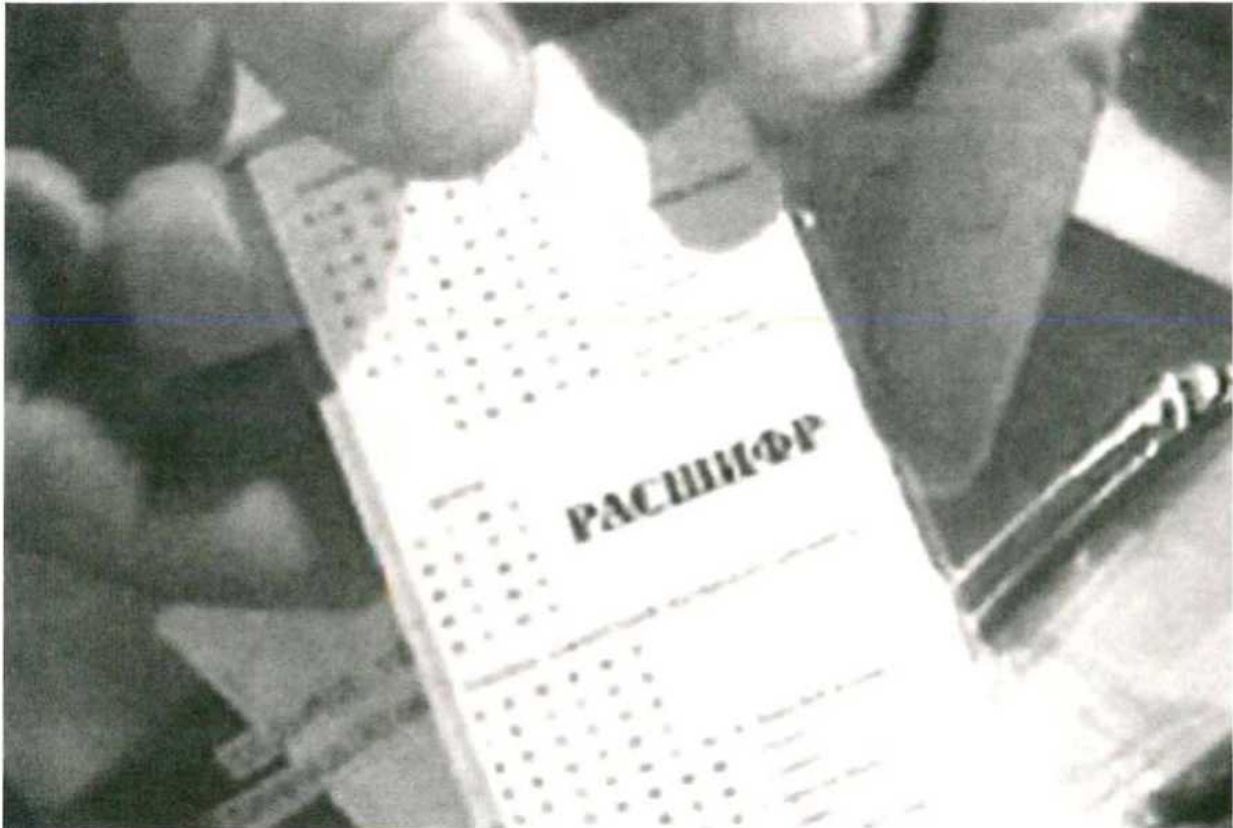
Тайниковый контейнер в виде отрезка шланга, который был завернут в промасленную тряпку. Рядом на столе созданный ЦРУ прибор SRR-100, предназначенный для контроля переговоров КГБ

Прибор ЦРУ SRR-100. Предназначен для контроля работы в эфире
наружного наблюдения КГБ

Шифрблокнот, изготовленный в ЦРУ на быстрорастворимой бумаге

Таблицы ЦРУ для зашифровки/расшифровки сообщений

Инструкция ЦРУ для Толкачёва, определяющая место очередной встречи

Сконструированная и изготовленная в ЦРУ фотокамера Т-50, вмонтированная в брелок для ключей. Толкачёву одновременно передавались сразу пять камер

Камера Т-50, вмонтированная в авторучку. Такой камерой пользовался Огородник

Демонстрация пользования авторучкой с вмонтированной в нее камерой Т-50

Специальная фотокамера, которой пользовались сотрудники московской резидентуры для конспиративного фотографирования улиц Москвы, домов, мест для постановки графических сигналов и тайниковых закладок. Такая камера в мягком кожаном чехле (с прорезью для объектива в нем) была утеряна в посольстве США одной из разведчиц ЦРУ

Очки, в дужку которых вмонтирована ампула с быстродействующим ядом. Снимок сделан в музее ЦРУ в Вашингтоне

ЦРУ стало главной службой, ведшей работу с Поляковым во время его командировки в Бирму в 1966 году. Поляков получил звание генерала в 1974 году — существенное повышение, давшее ему доступ к бесценным секретам по многим вопросам: от долгосрочного военного планирования и ядерной стратегии до исследований в области разработки и производства бактериологического и химического оружия. К моменту, когда в 1980 году он исчез из поля зрения, Дмитрий Поляков передал американской разведке самую объемную и подробную информацию по Советской армии за весь период холодной войны.

Поляков рассказывал следователям о деталях своей шпионской деятельности без признаков раскаяния, и его самообладание скоро стало источником беспокойства для некоторой части руководства КГБ.

Он не руководствовался корыстными интересами. Поляков принимал от американцев небольшие подарки — несколько ружей, инструменты для работы по дереву и небольшое количество карманных денег. Он также не был движим чувством мести. Поляков утверждал, что до конца выполнял свою роль, потому что не мог позволить СССР выиграть войну со своим народом.

ЦРУ о том, как Поляков первый раз попал в поле зрения КГБ

В 1978 году отдел Советского Союза и стран Восточной Европы переживал очередной кризис в связи с грядущей публикацией книги Эдварда Джея Эпстайна «Легенда: тайный мир Ли Харви Освальда». Сотрудники ЦРУ добыли сигнальный экземпляр книги и пришли в бешенство, прочитав, что ЦРУ завербовало в шпионы двух высокопоставленных советских чиновников. Эпстайн узнал о них, проводя расследование убийства Кеннеди. В книге было упомянуто, что вскоре после убийства Управление наводило справки об Освальде у своего ключевого советского источника, известного под кодовым именем «Федора». Эпстайн писал, что если бы ЦРУ понадобилась дополнительная проверка возможных связей Освальда с КГБ, оно воспользовалось бы выходом на другое влиятельное в Советах лицо.

С подобной проблемой Управление столкнулось впервые — Эпстайн намеревался разгласить псевдонимы двух советских агентов, которые все еще активно работали на ЦРУ. Все были вне себя от

ярости, рассказывал Эймс. Эта книга не только представляла реальную угрозу для «Федоры» и «ТОПХЭТА», но и должна была до смерти напугать других советских источников. Они стали бы гадать, когда в печати появятся и их псевдонимы. Но хуже всего было то, что мы все догадывались, кто был осведомителем Эпстайна: Джеймс Джесус Энглтон. Никто из нас не сомневался в том, что он нас предал.

Мало кто в Управлении мог бы сравниться с Энглтоном, человеко-легендой, в скандальной славе и жесткости. Костлявый и очкастый шеф контрразведки вбил себе в голову, что в Управление проник «крот» КГБ, и в 60-е — начале 70-х он возглавлял доводившую всех до иступления охоту на этого призрачного предателя. Одной из причин, заставивших высшее руководство ЦРУ поверить в причастность Энглтона к этой утечке информации, было то, что он всегда подозревал, что «Федору» и «ТОПХЭТА» на самом деле контролирует КГБ.

В 1974 году, после 20-летней службы в качестве лучшего в стране ловца шпионов, Энглтона наконец уволили. К тому времени он, естественно, был убежден, что чуть ли не каждый русский, завербованный после 1960 года, являлся двойным агентом. В 1978 году, когда в руки руководителей ЦРУ попал сигнальный экземпляр книги Эпстайна, они прекрасно знали, что Энглтон — глубоко озлобленный человек. Однако даже его злейшие критики никогда бы не подумали, что он осмелится разгласить информацию о двух активных шпионах.

Управление знало, что попытка запретить издание книги только привлечет к ней внимание, поэтому решило предупредить об этом двух агентов и предложить им политическое убежище. «Федоре», чье настоящее имя было Алексей Исидорович Кулак, офицер ПГУ КГБ СССР, грозила самая большая опасность, поскольку он жил в Москве и неоднократно упоминался на страницах книги. Другим шпионом, «ТОПХЭТОМ», был Дмитрий Фёдорович Поляков, генерал ГРУ, служивший в Нью-Дели.

Управление решило поручить резиденту ЦРУ в Москве Гессу Хэттавею связаться с «Федорой». Хэттавей принял все меры предосторожности, чтобы выйти из посольства без «хвоста». Загримировавшись под свою секретаршу, он неузнанным покинул посольство и позвонил по телефону-автомату «Федоре», что

совершенно ошеломило шпиона. Тщательно подбирая слова, Хэттавей предупредил его, что в Соединенных Штатах вот-вот произойдет событие, которое поставит его жизнь под угрозу. Он предложил тайно вывезти «Федору» и его семью из СССР и пообещал, что его «друзья» позаботятся о том, чтобы в новом доме он ни в чем не нуждался. «Федора» решил остаться. Как стало известно позже, Хэттавей сказал ему на прощание: «Больше вы не получите от нас никаких известий».

Другому офицеру Управления в Нью-Дели было дано задание предупредить Полякова и сделать то же самое предложение. Поляков также отклонил его.

Вскоре вышла в свет книга Эпстайна. Ни «Федору», ни Полякова не арестовали, но командировка Полякова была прервана, и его отозвали в Москву. Энглтона так и не наказали.

Олдрич Эймс о Полякове

В пятницу, 4 июля 1986 года, когда на улице стояла ясная погода, генералу ГРУ в отставке Дмитрию Фёдоровичу Полякову доставили на дачу приказ от начальства. Он должен был явиться в понедельник к 10 часам утра в штаб-квартиру ГРУ в связи с каким-то особо важным событием. Ему не сказали, в чем дело, сообщив лишь, что за ним приедет машина.

Первой мыслью Полякова было, что ГРУ торжественно провожает на пенсию одного из его бывших коллег и хочет, чтобы эти проводы были для всех сюрпризом. Но после того как на дачу ближе к вечеру приехал его младший сын Пётр, у Полякова зародились некоторые мрачные подозрения.

Пётр, который по стопам отца пошел работать в ГРУ, сказал ему, что неподалеку от дороги, ведущей к отцовской даче, стоят две машины «скорой помощи». Их присутствие в дачном поселке выглядело несколько странно, так как ближайший городок был не настолько велик, чтобы иметь собственную службу «скорой помощи». Поляковы знали, что КГБ и ГРУ иногда используют такие машины во время арестов в качестве прикрытия. В их кузовах могли свободно разместиться бойцы группы «Альфа». Кроме того, сам вид «скорой помощи» вызывал гораздо меньше беспокойства у местных жителей,

чем милицейские машины. Петр сказал, что ему тоже было велено явиться к 10 часам утра в понедельник на важное совещание в ГРУ.

Полякову-старшему не хотелось расстраивать жену. В воскресенье ему исполнялось 65 лет, и она пригласила на праздничное застолье сыновей и соседей по даче. Он велел Петру молчать про «неотложки» и совещание. Но на самом деле мужчины были не на шутку встревожены.

В июне 1980 года Полякова отозвали из Индии в Москву. Предполагалось, что это будет обычный отпуск на родине. Однако в Москве ему сказали, что его командировка в Индию прерывается и отныне он будет заниматься канцелярской работой в центральном аппарате ГРУ. Поляков осторожно расспросил коллег и выяснил, что его подозревают в шпионаже на Соединенные Штаты. Подозрения возникли из-за изданной в 1978 году книги «Легенда: тайный мир Ли Харви Освальда». Но не только. Один из его соперников по службе в ГРУ был уверен, что Поляков — предатель. Он постоянно ставил под сомнение его лояльность.

Обдумав ситуацию, Поляков решил, что с его уходом из ГРУ соперник остудит свой пыл, и вышел на пенсию. Последние несколько лет Поляков работал на своей даче. Он построил ее своими собственными руками. Любил отдыхать там со своими внуками и время от времени писал статьи об охотничьих ружьях в специализированные журналы. У них с женой было два взрослых сына. Третий мальчик умер в начале 1960-х, когда они жили в Нью-Йорке. Поляков попросил разрешения оперировать сына в нью-йоркском госпитале, что могло спасти ему жизнь, но ГРУ ответило отказом. Приблизительно тогда же Поляков обратился к одному кадровому военному, занимавшему высокий пост, с предложением работать на США.

Так было положено начало восемнадцати годам его шпионажа в пользу Соединенных Штатов, что уже было само по себе беспрецедентным случаем. В ЦРУ Поляков считался самым продуктивным советским шпионом. Он передал Управлению более 100 засекреченных выпусков журнала «Военная мысль», в которых излагались идеи и планы советского командования. Он добыл тысячи страниц документов, в которых описывалось оружие русских, включая техническую информацию о противотанковых ракетах. Годы спустя,

когда в 1991 году разразился кризис в Персидском заливе, выяснилось, что эти ракеты имеются и у Ирака. Благодаря информации, полученной от Полякова, Вооруженные силы США смогли с ними справиться.

Во время войны во Вьетнаме он предоставил США важную информацию о численности, структуре и возможностях северовьетнамских войск. В начале 70-х он сообщил, что Китай находится на грани прекращения тесного сотрудничества с советской империей. Эта информация помогла президенту Ричарду Никсону и Генри Киссинджеру, в то время помощнику по вопросам национальной безопасности, «прорубить окно» в Китай в 1972 году. За годы сотрудничества Поляков помог Управлению «вывести на чистую воду» по меньшей мере одного британского и шесть американских офицеров — шпионов КГБ. Несмотря на то что британское дело было закрыто в начале 60-х, в ЦРУ и двадцать лет спустя не смолкали разговоры о том, как красиво оно тогда было проведено.

Поляков передай ЦРУ снимки, произведенные им с фотографий, которые британский шпион КГБ, в свою очередь, сделал с секретных документов, описывающих системы управляемых ракет США. Изучив снимки Полякова, в ЦРУ проследили путь секретных документов и выяснили, на каком этапе они попали в руки шпиона КГБ. ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет британского Министерства авиации. Там и работал нужный им человек — Фрэнк Боссард. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

А в другой раз одно из первых донесений Полякова, направленных в 60-е годы в ФБР, привело к раскрытию и высылке нескольких советских «нелегалов»-шпионов, приехавших в США в качестве иммигрантов и проникших на работу в госучреждения.

Поляков отпраздновал свое 65-летие так, будто у него не было повода о чем-либо беспокоиться. На следующее утро он надел свой парадный генеральский мундир и аккуратно прикрепил к нему награды, полученные за долгий срок службы. На улице его ждала машина.

Сразу же по прибытии в штаб ГРУ его арестовали и предъявили обвинение в шпионаже. На лице Полякова не дрогнул ни один мускул. Он объявил, что будет разговаривать только с председателем КГБ Чебриковым. Полякова отвезли на Лубянку, где он более часа с глазу на глаз беседовал с Чебриковым. Во время этой встречи они обсудили

условия ареста. Поляков согласился подписать полное признание и в течение нескольких месяцев отвечать на вопросы КГБ и ГРУ. В свою очередь Чебриков дал слово, что больше в семье генерала арестов не будет и что его жене позволят сохранить построенную Поляковым дачу. Все остальное их имущество подлежало конфискации.

От автора

В откровениях ветеранов ЦРУ достаточно много интересных деталей о личности самого Полякова, его судьбе, об организации ЦРУ работы с ним и информации, переданной им американцам, о которых я не упомянул в «Записках контрразведчика». Исходя из оперативного опыта Полякова, ЦРУ организовало агентурную работу с ним в Москве на высоком конспиративном уровне, предпочитая всем иным способам связи именно ближнюю радиосвязь как наименее уязвимую с точки зрения ее расшифровки контрразведкой.

Как впоследствии стало известно, Поляков, используя аппаратуру BUSTER, «выстреливал» свои сообщения на посольство США в Москве и на жилые дома иностранцев (ЖДИ), в которых располагались квартиры, где проживали разведчики ЦРУ. Одновременно он на свой прибор получал ответные радиограммы от американцев. Учитывая широкий разброс по разным районам города ЖДИ, ограниченное до нескольких секунд время передачи и ничтожность расстояния между приемопередающими приборами, перехватить такие агентурные операции в то время было практически невозможно.

А что касается высокопоставленного генерала КГБ, который, по слухам, якобы заявил, что советский генерал не может быть американским шпионом, то молва гласит, что речь может идти о первом заместителе председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова генерале армии Георгии Карповиче Цинёве, который в то время возглавлял контрразведку КГБ и которому кулуарно приписывалось это высказывание.

И, конечно, безусловный интерес представляют откровения американцев об операции по контакту на телефонном канале с агентом ЦРУ «Федорой», которую лично провел резидент ЦРУ Хэттавей Гарднер, переодевшийся и загримировавшийся под свою секретаршу

для конспиративного покидания здания посольства США в Москве. Он лично на себя взял ответственность предупредить агента о грозящей ему опасности быть разоблаченным контрразведкой и предложил ему нелегально покинуть СССР. Как оказалось, уже и в те далекие 70-е годы американцы использовали «театр одного актера» — переодевались в чужую одежду, использовали маски, а мужчины иной раз принимали облик женщин.

Хэттавей тоже был моим персональным объектом разработки весь срок своего пребывания в Советском Союзе, и эпизод с покиданием посольства США в женском облике его секретарши не был зафиксирован нашими службами, что говорит о тщательности подготовки американцами подобных мероприятий, их уверенности в себе и факторе полной неожиданности для наружного наблюдения, которое вряд ли себе представляло, что разведчики ЦРУ способны «выкидывать подобные фокусы». По данным газеты «Вашингтон пост», Хэттавей ушел из жизни 20 ноября 2013 года в возрасте 88 лет.

Он родился 13 марта 1925 года в Норфолке, США. Когда ему было два года, его отец скончался, и семья переехала в Данвилл, Вашингтон. Во время Второй мировой войны он воевал в Европе, был ранен в ногу шрапнелью. После окончания войны поступил в университет в Виргинии, и в 1950 году началась его служба в ЦРУ в качестве сотрудника резидентур он работал под прикрытием во Франкфурте-на-Майне, затем в Берлине и Южной Африке.

Московскую резидентуру он возглавил в 1977 году. Весь период пребывания в СССР в зимнее время он вызывающе ходил в русской меховой шапке, на переднем клапане которой красовался боевой советский орден Красной Звезды. К 1977 году две операции ЦРУ в Москве были скомпрометированы КГБ (захваты с поличным сотрудницы ЦРУ Марты Петерсон, а затем сотрудника ЦРУ Дэвида Крокетта), и новый директор ЦРУ адмирал Стенсфилд Тёрнер дал указание приостановить все операции в Москве.

Как раз к этому времени Толкачёв, эксперт в области военной электроники, несколько раз обращался к офицерам резидентуры ЦРУ с предложением работать на американское правительство. Но руководство ЦРУ опасалось, что это комбинация КГБ, направленная на ужесточение советско-американских отношений. Однако Хэттавей, к которому лично обращался Толкачёв на улицах Москвы, был уверен,

что стоит рискнуть и организовать работу с Толкачёвым. Его настойчивость привела к тому, что его точка зрения восторжествовала, и он убедил скептиков в Лэнгли в возможности работать с Толкачёвым в Москве.

«Как результат мы получили наиболее результативную операцию, каковой у нас ранее не было. Поток информации продолжался вплоть до 1985 года, до тех пор, пока наш сотрудник Эдвард Ли Ховард не проинформировал Советы о наличии агента. Толкачёв был арестован и на следующий год казнен», — заявил Джек Даунинг (с 1986 по 1989 год резидент ЦРУ в Москве, а с 1997 по 1999 год — заместитель директора ЦРУ по операциям).

Хэттавей широко известен в ЦРУ как мастер шпионажа, отличавшийся агрессивностью и умением рисковать, а также благодаря инциденту, который произошел с ним в Москве вскоре по приезде. В 1977 году в посольстве на верхних этажах произошел пожар, и Хэттавей, небезосновательно подозревая московских пожарников в принадлежности к КГБ, лично до окончания работ по тушению огня заслонял собой как живым щитом вход в помещение резидентуры. За этот поступок он был награжден медалью ЦРУ «За большой персональный риск».

В 1985 году, по окончании службы в Бонне в качестве резидента, Хэттавей был назначен руководителем контрразведки Оперативного директората ЦРУ. После ряда провалов агентов ЦРУ из числа советских граждан в 1985 году Хэттавей заподозрил существование «крота», проникшего в ЦРУ. В 1986 году Хэттавей инициировал создание из особо доверенных коллег специальной группы по расследованию утечки из ЦРУ информации. Охота за «кротом» закончилась в 1994 году арестом Олдрича Эймса, офицера контрразведки ЦРУ, который передавал секреты Советам. Но к этому времени, в 1990 году, Хэттавей уже вышел в отставку.

Вскоре после этого Хэттавей совершил поездку в Восточный Берлин, где встретился с Маркусом Вольфом, в прошлом руководителем разведки Восточной Германии, одной из наиболее эффективных разведок в период холодной войны. Воссоединение Германии произошло после падения Берлинской стены, и Хэттавей надеялся уговорить Маркуса Вольфа переехать в США и начать сотрудничать с ЦРУ. За чашкой кофе на даче Вольф вежливо отклонил

предложение, но подарил Хэттавею копию автобиографической книги со своим автографом.

Глава седьмая

«Дело Шеймова»

Пресса о Шеймове

В нашей открытой печати достаточно много информации, основанной на материалах КГБ и иностранной прессы, об изменнике родины Викторе Шеймове и конспиративном вывозе его из Москвы в США московской резидентурой ЦРУ.

В сжатом виде эта информация выглядит следующим образом. Виктор Шеймов после окончания московской школы № 45 поступил в МВТУ имени Баумана, которое окончил по специальности «Конструктор космической техники». После МВТУ он некоторое время работал в одном из закрытых московских научно-исследовательских институтов, участвуя в работах по созданию ракетных систем наведения. С 1971 года являлся сотрудником Восьмого главного управления КГБ СССР (управление, курировавшее вопросы связи, криптографии и шифровой службы) — специалистом по обслуживанию технических систем защиты информации в советских посольствах за границей и в зарубежных резидентурах КГБ.

По имеющимся данным, в 1979 году Шеймов в Варшаве, сбежав с киносеанса, на котором находился вместе с коллегами, посетил посольство США, где он инициативно вступил в контакт с сотрудниками ЦРУ, получил псевдоним «Сапфир», после чего возвратился в кинотеатр. Уже в 1980 году американцам удалось благополучно вывезти Шеймова, его жену Ольгу и пятилетнюю дочь прямо из Москвы. Семью Шеймовых якобы тайно переправили в здание посольства США. Шеймова загримировали, переодели в форму пилота и доставили на аэродром в Шереметьево как члена экипажа спецрейса, прибывшего накануне из Вашингтона. В кабине самолета Шеймов на время занял место второго пилота. Сюда же к самолету подвезли и небольшой посольский контейнер, не подлежавший досмотру, в котором находились жена и пятилетняя дочь Шеймова, которой перед этим дали таблетку снотворного.

Секретами Шеймова американцы якобы воспользовались уже через две недели. Под Москвой было установлено устройство для

перехвата закрытой информации, которую передавали по кабелю связи. И только в 1985 году устройство было обнаружено и обезврежено. Пять лет секретная переписка с зарубежными резидентурами КГБ благодаря Шеймову шла фактически открытым текстом.

Долгое время считалось, что семья Шеймовых пропала без вести, став жертвой нераскрытого преступления — убийства на станции метро «Ждановская». Сведения о том, что они могут находиться в США, просочились в КГБ лишь в 1985 году, а достоверное подтверждение этого факта Москва получила в 1988 году благодаря информации, полученной от сотрудничавшего с КГБ офицера ФБР США.

Публикации о Шеймове в печати США стали появляться лишь после 1990 года. По данным ЦРУ, операцию по вывозу Шеймова и его семьи из СССР в 1980 году подготовил и организовал сотрудник московской резидентуры Дэвид Рольф, в дальнейшем возглавивший работу ЦРУ в посольстве США в Москве.

В 2000 году Шеймов обратился с беспрецедентным судебным иском к ЦРУ в связи с тем, что сумма его вознаграждения, обещанная ему во время вербовки в размере одного миллиона американских долларов, так и не была ему никогда выплачена. По его словам, вознаграждение выплачивалось ему частями и суммарно не превысило 200 тысяч долларов США. В то же время он в течение долгого времени получал бесплатный дом для проживания, автомашину и оплачиваемое обучение для себя и своей семьи.

Шеймов выиграл судебный процесс, сумма полученного им в результате вознаграждения не была разглашена. В течение последовавших после побега пятнадцати лет Шеймов сотрудничал с Агентством национальной безопасности США. В 1999 году совместно с бывшим директором ЦРУ Джеймсом Вулси и бывшим резидентом ЦРУ в Москве Дэвидом Ролфом они организовали совместную компанию Invicta Networks, специализирующуюся на технических вопросах безопасности передачи информации.

ЦРУ о Шеймове

Тридцатитрехлетний Шеймов был одним из самых молодых майоров КГБ. У него была чрезвычайно деликатная работа в Восьмом главном управлении КГБ, ответственном за шифровальную связь

комитета с резидентурами по всему миру. Трудно сказать, когда именно Шеймов начал разочаровываться в своей работе. Его продвигали по службе так стремительно, что он не успел заразиться равнодушной покорностью, которую демонстрировало старшее поколение.

Еще в начале службы в КГБ его назначили в секретное подразделение, готовившее справки и аналитические записки для Политбюро. Справки затем корректировались в соответствии с указаниями сверху и содержали много вранья и фальсификаций. Он был шокирован. Шеймов видел пропасть между докладами начальству и реальностью вокруг себя. Среди молодых людей в то время были модны циничное отношение к системе, увлечение западной одеждой и культурой, язвительные шутки в адрес Брежнева и дряхлеющего, неработоспособного партийного руководства. Но большинство лишь говорило об этом между собой, ничего не предпринимая.

А Шеймов в 1979 году решил действовать и начал планировать побег. Его жена Ольга поддержала мужа. Шеймов подготовил записку — обращение к американцам, назвавшись сотрудником КГБ, назначая встречу у табачного киоска рядом со станцией метрополитена, но никак не мог встретить в городе автомашину с номером посольства США Б-04 и передать свое обращение.

В октябре 1979 года он поехал в командировку в Варшаву, и у него созрел другой план. Однажды ближе к вечеру Шеймов пошел в кино с коллегами из КГБ. Как только фильм начался, он извинился, вышел и поймал такси до американского посольства. В посольстве с ним побеседовали сотрудники ЦРУ, и он убедил их, что является сотрудником КГБ. Более того, американцы были ошеломлены, когда узнали, что он отвечает за шифрованную связь КГБ, и предложили немедленно вывезти его в США, но, к их удивлению, он отказался, сказав, что хочет иммигрировать вместе с женой Ольгой и дочерью Еленой.

Шеймов попросил организовать ему встречу с разведчиком ЦРУ в Москве в начале 1980 года и передал американцам московский адрес, по которому сам не проживал. Ему велели ждать по этому адресу письма обычной почтой якобы от старого друга, которое необходимо было опустить в воду, чтобы проявился невидимый текст, исполненный тайнописью. В письме будет указано, когда и как подать посольству в

Москве сигнал о том, что Шеймов готов к встрече с ЦРУ. Американцы на своей автомашине отвезли Шеймова к кинотеатру, и он успел до окончания сеанса возвратиться в зал.

Лэнгли присвоило Шеймову кодовое имя «Утопия» («СК UTOPIA») и дало указание готовить операцию по вывозу Шеймова по имевшемуся в резидентуре на такой случай документу «Вперед» («СКГО»). Но, во-первых, опыта проведения такой операции из Советского Союза у ЦРУ не было, и, во-вторых, необходимо было убедиться, что Шеймов действительно обладает интересовавшими ЦРУ секретами.

Резидент ЦРУ Хэттавей, служба которого в Москве заканчивалась, поручил проведение мероприятия по Шеймову недавно прибывшему в резидентуру Дэвиду Рольфу, хорошо владевшему русским языком, так как другие сотрудники были заняты своими операциями. Рольф предложил Хэттавей выдать Шеймову пару новых фотоаппаратов «Тропел» («TROPEL») и попросить его сфотографировать самые секретные документы, к которым он имеет доступ, а затем возвратит камеры. Хэттавей поддержал предложение Рольфа, но Лэнгли определенное время не соглашалось передавать секретные приборы непроверенному агенту из-за боязни, что аппараты могут попасть в руки КГБ. Но в конце концов Центр согласился с предложением резидентуры, и аппараты были доставлены в Москву.

В январе 1980 года Бартон Ли Гербер заменил в Москве Гарднера (Геса) Хэттавей, и Шеймову было направлено письмо, написанное бесцветными чернилами. Сигнал, говорилось в письме, следовало подать в воскресенье в месте, которое ЦРУ условно обозначило как «Булочная». Каждое воскресенье Рольф ездил на церковную службу мимо этого места. Всякий раз он внимательно вглядывался в бетонную опору на углу многоквартирного дома. В одно воскресенье в конце февраля он заметил черную букву V, нарисованную от руки. Прохожие шли мимо, не обращая внимания, как будто это ничего не значило. Но это был сигнал от Шеймова.

Перед каждой операцией куратор разрабатывал маршрут для сбрасывания возможного хвоста. Рольф должен был быть абсолютно уверенным, что КГБ за ним не следит. С помощью других оперативников и технических специалистов резидентуры он составил

план, аналогичный тому, который однажды безуспешно попытался реализовать Джон Гуллиер.

Рольф купил билет «Аэрофлота» из Москвы во Франкфурт и обратно. Улететь он должен был в пятницу, а вернуться в следующий четверг. Он, как полагалось, сообщил в советский орган, обслуживающий дипломатов, что вернется в четверг, и был уверен, что те доложат в КГБ. Рольф вылетел в пятницу из Москвы, а в субботу он сел на поезд из Франкфурта в Вену.

В понедельник он поехал в аэропорт и за наличные купил билет в одну сторону до Москвы на следующий рейс «Австрийских авиалиний». КГБ ожидал, что американец вернется в Москву «Аэрофлотом» в четверг, а Рольф уже днем в понедельник приземлился в Москве и прошел пограничный контроль. Он не сомневался, что из аэропорта сообщат в КГБ о его прибытии, но у него все же был зазор в несколько часов без наружного наблюдения, и он стал «невидимкой».

В тот момент, когда Рольф приземлился в Москве, жена другого оперативника принесла его жене, учительнице в англо-американской школе, на работу небольшую спортивную сумку. Супруга Рольфа после конца уроков взяла сумку и села в машину, чтобы проделать свой обязательный маршрут для ухода от слежки. В сумке были грим для Рольфа, а для Шеймова — оперативная записка и вопросы ЦРУ.

В аэропорту Рольф сел в такси и поехал в центр города. Примерно на половине пути, у станции метро «Динамо», он неожиданно попросил остановиться. С беспечным видом американец прошел вокруг троллейбусных и автобусных остановок, а потом двинулся к зданию с вывеской «Аэрофлот», все время поглядывая вокруг в поисках «наблюдателей». У здания «Аэрофлота» его подхватила жена. Они снова отправились по длинному маршруту, чтобы сбросить слежку. Наконец, убедившись, что хвоста за ними нет, и загримировавшись, Рольф выбрался из машины, а жена умчалась на запланированный ужин с друзьями.

В 8 вечера у памятника Грибоедову рядом со станцией метро «Кировская» на Чистых прудах произошла с использованием паролей первая встреча Рольфа с Шеймовым. Во время прогулки по бульвару в темноте они задавали друг другу вопросы, стараясь понять, нет ли поводов для недоверия и тревоги. Рольф подтвердил, что выезд из СССР возможен, но операцию надо готовить от полугода до года, но

Шеймов, со своей стороны, утверждал, что и за неделю можно все решить, и упорно настаивал только на личных встречах между ними, предложив полностью отказаться от тайниковых операций. После встречи Рольф проехал на метро пару станций, затем жена подобрала его на машине, и они направились домой.

На одной из следующих встреч, организованных московской резидентурой с применением различных ухищрений, Рольф передал Шеймову миниатюрные фотокамеры «Тропел», и Шеймов, как и обещал, вернул затем камеры с отснятой пленкой, содержание которой убедило Лэнгли в искренности Шеймова, его ценности для ЦРУ и необходимости действительно в сжатые сроки, а не через год или полгода, организовать его выезд вместе с семьей из СССР.

Информация от Шеймова была настолько «горячей», что в АНБ и ЦРУ сразу поняли: ее колоссальная ценность будет актуальной до тех пор, пока Советы не узнают, что она похищена, ибо как только это обнаружится, советские власти поменяют коды сообщений между штаб-квартирой КГБ и его резидентурами по всему миру. Самая дерзкая операция за предшествующую историю работы ЦРУ в Москве под кодовым наименованием «Вперед» вступила в завершающую стадию.

На третью встречу Шеймов принес фотографии своей семьи, которые ЦРУ могло использовать для их эвакуации, и передал прочую информацию, о которой ранее спрашивал Рольф. Главную проблему в ходе эвакуации представляла маленькая дочь Шеймова. Двое взрослых могут сидеть тихо в течение примерно сорока минут, пока их будут провозить в фургоне, но как быть с четырехлетней девочкой, как сделать так, чтобы она молчала?

Рольф добыл в ЦРУ пять образцов снотворного, подходящего для маленького ребенка. Рольф не был уверен, что Шеймов возьмет образцы снотворного, но, к его удивлению, Шеймов согласился и на следующей встрече передал в ЦРУ составленный им от руки график дыхания и пульса дочери, когда ей давали разные таблетки. Так ЦРУ выбрало одно средство для дочери Шеймова на день эвакуации.

Примерно за десять недель московская резидентура провела пять встреч с Шеймовым. Это был беспрецедентный темп. Операции ЦРУ по связи с Шеймовым остались незамеченными КГБ.

Эвакуацию назначили на субботу 17 мая 1980 года. По плану Шеймовым следовало добраться на поезде до глухого лесистого местечка, находящегося на полпути между Ленинградом и финской границей, откуда ЦРУ могло вывезти их, спрятав в автомобиле. Рольф хотел просидеть в резидентуре всю субботу, чтобы знать, как все прошло, но Гербер сказал, что в этом нет смысла. Он не хотел, чтобы КГБ обратил внимание на их хоть сколько-то повышенную активность. Гербер сказал дежурному связисту ЦРУ в тот день, что ждет сообщения об операции. Если она пройдет успешно, связист должен повесить лист бумаги с написанной от руки цифрой единицей на внутреннюю дверь резидентуры, если провал — нужно написать ноль.

Вечером в субботу Гербер поехал в здание посольства якобы за фильмом, который собирался посмотреть дома. Он открыл внешнюю дверь в резидентуру и посмотрел на внутреннюю дверь. К ней была приклеена единица.

Побег агента «Утопия» завершился.

Иностранная пресса о Шеймове

По сообщению Reuters, бывший эксперт КГБ Виктор Шеймов и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси объявили о создании новейшей системы защиты интернет-коммуникаций. В 2000 году в центральных американских и английских газетах появились довольно необычные статьи с заголовками примерно такого рода: «Бывший старший офицер КГБ, сбежавший в Америку, может стать спасителем компьютерной индустрии США».

Кто же такой Виктор Шеймов? Когда-то майор Восьмого главного управления КГБ СССР, обеспечивавший исправную работу советской шифровальной аппаратуры в разных точках планеты, бесследно исчезнувший из Москвы вместе с женой и дочкой в 1980 году. Семью Шеймовых даже считали одно время погибшими, пока наконец не стало известно, что их тайно вывезли из СССР сотрудники ЦРУ.

Вскоре после этого Шеймов начал работать в Агентстве национальной безопасности США, помогая американской спецслужбе отыскать пути для вскрытия советских систем засекреченной связи, в укреплении которых он сам когда-то участвовал. Он стал основателем и главой американской компании компьютерной

безопасности *Invicta Networks*, и ради успеха предприятия Шеймову даже удалось заманить в совет директоров своей компании классического «свадебного генерала» — бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси. Дэвид Рольф стал вице-президентом компании по международным продажам.

Но служба на нового хозяина, похоже, не принесла Шеймову ни удовлетворения, ни больших денег. В интервью газете *New York Times* он посетовал, что ЦРУ, «по сути дела, его надуло», пообещав за предательство один миллион долларов и позабыв о своих словах сразу же после вывоза перебежчика из СССР. По этой причине Шеймов решил попробовать реализовать свою розовую мечту о миллионе на литературном поприще. В 1993 году в США вышла книга его мемуаров о годах работы в Восьмом ГУ КГБ.

Название книги «Башня секретов» до безобразия напоминало о бестселлере Джеймса Бэмфорда «Дворец загадок», появившемся лет на десять ранее и по сию пору остающимся наиболее информативной книгой об АНБ. Однако снискать такой же славы Шеймову явно не удалось. Правда, в одной из рецензий на «Башню секретов» было сделано неожиданное открытие, что, возможно, именно благодаря автору этой книги и рухнул в СССР кошмарный коммунистический режим... а вся Россия живет себе и знать не знает о своем главном герое невидимого фронта.

Короче, Стивена Кинга из Шеймова не получилось, но в 1998 году он вновь всплывает, на этот раз в качестве гостя Объединенного комитета по экономике Конгресса США, где стращает конгрессменов электромагнитным импульсным оружием российского производства. Вход идут леденящие душу истории о том, как советский КГБ с помощью таких приспособлений поджигал в 1970-е годы британское и американское посольства в Москве, а затем проникал туда под видом пожарных, чтобы повсюду расставить подслушивающие устройства «жучки».

Мотивы Шеймова были довольно просты. К тому времени он уже был президентом некой корпорации *ComShield* под эгидой АНБ, создающей «защиту нового поколения» от электромагнитного оружия, да только вот покупателей на защиту непонятно от чего все как-то не находилось. Не нашлось их, видимо, и после слушаний в Конгрессе, поскольку наш профессионал широкого профиля решил

переквалифицироваться в очередной раз и спасти, наконец, Америку от хакерской напасти.

Как сообщила британская The Daily Telegraph, Виктор Шеймов разработал свой собственный «алгоритм», который «любую машину сделает неприступной для хакеров». На этом газетные подробности о новейшем суперсредстве заканчиваются, а инициативный журналистский поиск информации в Интернете вывел лишь на небольшую фирму ComShield Technologies (www.comshield.com), торгующую собственными программами ComShield VPN для построения виртуальных частных сетей. Полнейшее отсутствие на веб-сайте каких-либо данных о владельцах и администрации фирмы придает компании пикантный шпионский аромат, и остается лишь подивиться, как связи в высших эшелонах разведслужб даже для самых заурядных продуктов открывают каналы шумной и бесплатной рекламы в наиболее престижных печатных изданиях, таких как New York Times и Daily Telegraph.

От автора

«Дело Шеймова» включено мной во вторую книгу «Записок» только потому, что необъяснимое в свое время исчезновение из Москвы сотрудника КГБ Виктора Шеймова послужило толчком для указания председателя КГБ В.М. Чебрикова Второму главному управлению КГБ — во что бы то ни стало достоверно установить, каким образом ЦРУ эвакуирует из СССР в США своих агентов, представляющих для американской разведки наибольшую ценность.

В результате реализации указания председателя КГБ эта задача была решена первым отделением 1-го отдела Второго главного управления КГБ СССР в рамках оперативной игры «Фантом» (у американцев «Пролог»), о которой я достаточно подробно рассказал в первой книге «Записок контрразведчика». По этой причине я не буду пересказывать содержание целой главы из первой книги об операции «Фантом», скажу лишь о главном — мы достоверно установили и документально подтвердили наличие у ЦРУ одного из таких каналов вывоза, что не исключает наличия и других каналов эвакуации американских агентов из России.

Как семья Шеймова была вывезена из СССР, достоверно не известно. По его собственным словам, он с семьей якобы по железной дороге с использованием изготовленных для них в ЦРУ поддельных документов пересек западную границу СССР, откуда затем они были переправлены авиатранспортом в США. По другой версии, его с семьей, так же как и Гордиевского, американцы на автомобилях с дипломатическими номерами переправили через советско-финляндскую границу. Третья версия об использовании для побега Шеймовыми из Москвы здания американского посольства и правительственных спецрейсов авиации США была изложена выше. Но что бы сотрудники ЦРУ ни рассказали о том, как они вывезли Шеймова, все это будет легендой, чтобы прикрыть подлинные, действительные обстоятельства и детали той своей дерзкой операции.

Шеймов (так же, как и английский агент Гордиевский) был удачно эвакуирован из СССР, другим агентам ЦРУ — Кулаку, Полякову и Толкачёву также предлагалось организовать для них бегство из страны, но они отказались. Полагаю, что и для этих агентов наверняка были подготовлены индивидуальные схемы побега, исходя из их возраста, состояния здоровья, семейного положения и других особенностей... но мы об этом вряд ли когда-нибудь узнаем. Но со стопроцентной уверенностью мы можем говорить о наличии канала, который был организован ЦРУ для эвакуации из СССР главного действующего лица операции «Фантом» — «Эдвина», нашего оперативного сотрудника, который играл очень сложную роль подставы.

Итог мероприятия таков. ЦРУ из своего кадрового состава подобрало офицера, внешне очень похожего на нашего оперативного сотрудника «Эдвина», и с дипломатическим паспортом, но под чужими установочными данными направило его в краткосрочную командировку в посольство США в Москве. Для этого сотрудника Лэнгли, по согласованию с Госдепартаментом США, был задействован административный ресурс, что позволило изготовить подложный дипломатический паспорт на имя реально не существующего гражданина Соединенных Штатов Америки. В подложный паспорт была вклеена фотография советского гражданина «Эдвина», в нем были произведены все необходимые визовые и иные служебные отметки. Некоторые средства экипировки и аксессуары, используемые иностранцами, и этот паспорт для эвакуации из СССР были через

резидентуру переданы «Эдвину». Ему было предложено под видом иностранца приехать в Таллин и в конкретную дату на пароме проследовать в Хельсинки, где его будут ожидать представители Лэнгли. Американец же, прибывший в СССР не по своим документам, а по паспорту, изготовленному для «Эдвина», по своим реальным документам покинул Москву.

ЦРУ задействовало подобный канал в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда выезд из СССР для граждан был еще весьма ограничен, а срочное бегство из страны могло быть весьма актуальным для некоторых из тех агентов ЦРУ, которые считали, что попали под контроль контрразведки. В XXI веке оперативная обстановка в стране коренным образом преобразилась. Ограничений на выезд из России для граждан практически нет, за исключением некоторых категорий военнослужащих, но и это временная мера.

Уверен, что и сейчас, несмотря на изменения в нашей стране, в московской посольской резидентуре ЦРУ имеется план, аналогичный плану «Вперед», который был актуален в то время, когда из СССР был тайно в срочном порядке вывезен изменник родины Виктор Шеймов. Занимаемое в нашем обществе положение человека, по каким-либо причинам ставшего на путь сотрудничества с ЦРУ, эксклюзивное обладание им очень важной для разведки информацией, угроза разоблачения и фактор времени могут стать и в современных условиях причиной для немедленного принятия ЦРУ решения о задействовании плана эвакуации своего агента из России.

Глава восьмая

Арест Толкачёва. Захват с поличным Пола Стомбауха

КГБ СССР об агенте ЦРУ Толкачёве и задержании Стомбауха Москва, 1985 год

«Как уже сообщалось, Комитетом государственной безопасности СССР был разоблачен и привлечен к уголовной ответственности агент американской разведки — сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов Толкачёв А.Г. В ходе следствия установлено, что Толкачёв, преследуя корыстные цели и в силу враждебного отношения к Советскому государству, поддерживал шпионские отношения с сотрудниками американской разведки, находящимися в Москве под прикрытием работников посольства США. Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев уголовное дело в отношении Толкачёва, признала его виновным в измене Родине в форме шпионажа и, учитывая тяжесть совершенного им преступления, приговорила к исключительной мере наказания — смертной казни. Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство Толкачёва о помиловании. Приговор приведен в исполнение».

Это сообщение в СМИ подвело черту под делом предателя Родины, многие годы снабжавшего ЦРУ исключительно ценной, по оценке самих американцев, информацией военно-оборонного характера в области электроники и авиастроения.

Адольф Толкачёв, инженер-конструктор НИИ «Фазотрон», занимавшегося оборонными проблемами, в конце 1970-х годов инициативно предложил свои шпионские услуги американцам. Он пять раз подбрасывал в автомашины американских дипломатов у автозаправки на улице Красина и в переулках у здания посольства США в Москве записки с предложением передавать им стратегически важную для СССР информацию в области самолетостроения. Причем трижды Толкачёв даже кратко общался с резидентом ЦРУ в Москве Робертом Фултоном. Но американцы первоначально ему не поверили, опасались, что он является подставой КГБ. К тому же в тот период

руководство ЦРУ наложило запрет на проведение агентурных операций в СССР.

Наконец московской резидентурой после получения от Толкачёва копий секретных документов, подробных сведений относительно его и его семьи (со всеми личными данными, номером телефона и другой информации) было получено разрешение на контакт с этим инициативником. Заместитель резидента ЦРУ в Москве Джон Гуилшер, первый секретарь политического отдела американского диппредставительства, незаметно для КГБ ушел из-под наблюдения в антракте спектакля из Большого театра и установил телефонную связь с Толкачёвым. Спустя пять месяцев после телефонного контакта этим же американским разведчиком для Толкачёва вблизи его дома за телефонной будкой был заложен первый тайниковый контейнер в виде грязной рабочей рукавицы, содержащей условия агентурной связи. Затем в январе 1979 года состоялась и первая личная встреча Джона Гуилшера с Толкачёвым, которому в ЦРУ присвоили псевдоним «Сфера».

Дальнейшая связь с Толкачёвым, с самым ценным, по словам американцев, агентом ЦРУ после Пеньковского, была организована американцами исключительно путем личных встреч с соблюдением строжайших мер конспирации. В течение ряда лет с ним проводили в Москве кратковременные встречи кадровые сотрудники резидентуры ЦРУ Джон Гуилшер (первый секретарь политического отдела), Уильям Планкерт (второй секретарь политического отдела), Дэвид Рольф (гражданский помощник атташе по вопросам обороны), Роберт Моррис (строительная секция посольства США) и Джон Якли (бухгалтер). Американцам длительное время удавалось, используя переодевания, маски и другие ухищрения, мастерски отрываться от слежки и тайно встречаться с Толкачёвым вне поля зрения контрразведки.

В системе связи с Толкачёвым ЦРУ использовало личные встречи, ближнюю и дальнюю агентурную радиосвязь, ему была передана специальная радио- и мощная миниатюрная фотоаппаратура. Для вызова Толкачёва на встречу (по переданному ему и рассчитанному на многие месяцы графику) разведчики московской резидентуры ЦРУ использовали телефонный канал. Во время телефонных «ошибочных» звонков упоминались имена Нина, Петр или Анна, обозначающие место очередного контакта. Для экстренной встречи американцы в посольстве

на ночь оставляли свет, освещавший одно из окон, и Толкачёв, в свою очередь, оставлял свет в своей квартире или же открывал настежь форточку.

За предоставление правительству США ценной информации об электронном оборудовании военных самолетов и других электронных технологий американцы передали Толкачёву сотни тысяч рублей. На случай угрозы провала Толкачёва снабдили ампулой с сильным быстродействующим ядом. Для него и его семьи ЦРУ разработало план нелегального выезда из СССР.

8 июня 1985 года Адольф Толкачёв все же был арестован контрразведкой, и произошло это при возвращении агента ЦРУ на автомобиле с подмосковной дачи домой в Москву. Заполучив Толкачёва и имея на руках условия связи с ним, 13 июня 1985 года контрразведка вызвала американцев на очередной конспиративный контакт, оставив в условное время открытой форточку в квартире предателя в доме на площади Восстания. Вечером того же дня после длительной езды по городу, чтобы убедиться в отсутствии слежки, на место встречи на Кастанаевскую улицу прибыл сотрудник ЦРУ Пол Стомбах, работавший в посольстве США под прикрытием должности второго секретаря внешнеполитической секции политического отдела и ранее не имевший контактов с Толкачёвым. Чтобы у ЦРУ преждевременно не возникло подозрений в провале Толкачёва, нами был подготовлен и выведен на место встречи оперработник, загримированный под Толкачёва. В момент контакта для создания видимости, что якобы американец сам привел за собой наружное наблюдение, они оба были задержаны разными группами захвата.

При задержании и на всем пути от Кастанаевской улицы до улицы Малая Лубянка Стомбах был растерян, подавлен и находился как бы в оцепенении. Во время разбирательства в приемной КГБ СССР с участием приглашенного для опознания Пола Стомбаха дежурного американского дипломата и официального представителя МИД СССР Стомбах все-таки усилием воли взял себя в руки. Он был исключительно вежлив и корректен, держался с достоинством, но до конца официальной процедуры разбирательства упорно продолжал отрицать очевидное. Не признавал своей отобранную у него сумку с материалами ЦРУ для Толкачёва (деньги, инструкции по связи,

фотоаппараты в виде брелоков для ключей, книги для личного пользования) и свою принадлежность к американским спецслужбам.

За процедурой в приемной КГБ СССР последовало краткое официальное сообщение в прессе: «В Комитете государственной безопасности СССР. 13 июня 1985 года в г. Москве задержан с поличным при проведении шпионской акции второй секретарь посольства США Пол Стомбаух. Пресечена крупная шпионская акция спецслужб США против Советского Союза. В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные действия П. Стомбаух объявлен персоной нон грата и выдворяется из Советского Союза».

После объявления Пола Стомбауха персоной нон грата в аэропорту «Шереметьево-2» мы провели демонстративную видеосъемку американца. Стомбаух проявил исключительную выдержку и самообладание и держался так, будто с ним ничего не произошло и его отъезд не связан ни с каким очередным политическим скандалом. За участие в шпионской деятельности Стомбауху, так же, как и другим, захваченным с поличным сотрудникам ЦРУ, въезд в СССР был закрыт.

А что касается Толкачёва, то в советской, российской и зарубежной прессе появилось достаточно много публикаций о нем и его значении для ЦРУ. Одна из публикаций была в «Уоллстрит джорнэл»: «... Согласно материалам, полученным от высокопоставленных лиц в разведке США, Толкачёв был одним из наиболее успешных агентов ЦРУ в Советском Союзе... В течение нескольких лет он передавал американцам бесценную информацию о новейших советских исследованиях в области авиационной технологии, особенно авионики — аппаратуры электронного слежения и противодействия, включая современные радары и так называемые “невидимки”, или технику, с помощью которой самолет нельзя обнаружить радаром. Такие исследования являются крупным достижением в области военной авиации... Он был одним из наиболее прибыльных источников и сэкономил нам миллиарды долларов, передав информацию о том, в каком направлении будет развиваться советская авиация... В результате его ареста США потеряли одного из самых ценных агентов в СССР».

ЦРУ о Толкачёве

На заснеженной московской улице в январе 1977 года Толкачёв ждал кого-то около бензоколонки. На эту заправку часто приезжали иностранцы, и, когда остановилась иномарка, Толкачёв спросил водителя по-английски, не из Штатов ли он. Когда водитель ответил, что так и есть, Толкачёв спокойно бросил свернутый лист бумаги через открытое окно на автомобильное сиденье.

Сейчас трудно предположить, кто из них, американец или русский, был бы более потрясен, если бы они узнали правду друг о друге. Первый, Толкачёв, неприметный советский обыватель средних лет, ведущий советский инженер оборонной промышленности, решил работать в качестве шпиона. Другой, молодой, небрежно одетый американец в автомобиле, был руководителем резидентуры ЦРУ. Оба владели собственными секретами, и оба опасались слежки КГБ.

Толкачёв считал себя диссидентом в душе и работал инженером в научно-исследовательском институте. Вдохновленный произведениями Солженицына и статьями Сахарова, он постоянно испытывал внутренние мучения. В одном письме он так описал свое решение стать шпионом: «Меня начал мучить какой-то червь внутри; я должен был что-то сделать. И я начал писать короткие послания, которые собирался отослать. Но позже, поразмыслив, я понял, что это бесполезное дело. Идея установить контакт с диссидентскими кругами, которые общаются с иностранными журналистами, показалась мне бессмысленной из-за характера моей работы. У меня имелся допуск к сверхсекретным материалам. И потому малейшее подозрение в мой адрес — и я буду полностью изолирован или уничтожен. Таким образом родился план, по которому я стал действовать».

Шокированный той короткой встречей, резидент ЦРУ прочитал послание, в котором была просьба к соответствующему американскому должностному лицу о конфиденциальном разговоре. Также предлагалось несколько удобных мест для встречи, возможно, в автомобиле американца или при входе на станцию метро. Толкачёв просил подтвердить встречу сигналом, припарковав в определенном месте автомобиль. В конверте были точные эскизы мест для встреч, а также диаграмма, показывающая, каким образом следует припарковать автомобиль, чтобы дать правильный ответный сигнал.

Толкачёв выбрал наихудшее время для контакта. Несмотря на агентурные мероприятия, подобные операциям с агентом «TRIGON», которые проводились в пределах Москвы, в отношении любого советского добровольца у ЦРУ возникали большие подозрения, особенно в Москве. Неожиданная встреча резидента лицом к лицу с Толкачёвым только усилила недоверие к нему. Можно ли было представить, чтобы настоящий доброволец передал свои предложения американскому офицеру разведки высшего ранга в Москве?

И тот факт, что контакт с Толкачёвым должен был произойти как раз перед намеченным дипломатическим визитом госсекретаря Сайруса Вэнса, прибывающего в Москву в качестве представителя недавно избранного президента Джимми Картера, лишь усиливал подозрения. Однако многие из наиболее важных агентов ЦРУ, включая Пеньковского, предложили свои услуги именно в подобной манере. Пеньковский, например, послал несколько сообщений в 1960 году двум американским студентам, затем британскому и канадскому бизнесменам, чтобы установить канал связи, который затем сделали для него британцы.

Если Толкачёв был подставным агентом КГБ, сотрудничество с ним помогло бы контрразведке точно определить состав московской резидентуры ЦРУ и методы агентурной работы. Это помогло бы пресечь текущие оперативные мероприятия американской разведки и бросить тень на недавно избранного президента США. К этому надо добавить и тот факт, что в послании Толкачёва не было достаточно информации о нем лично, чтобы установить его, понять его как человека, оценить его возможности доступа к информации и, в конечном счете, оценить риски личного контакта с ним.

Из Лэнгли поступило предписание офицерам московской резидентуры — не отвечать Толкачёву. Месяц спустя Толкачёв появился снова. На этот раз он проскользнул в припаркованный автомобиль резидента. Произошла короткая беседа, и Толкачёв оставил новое послание. Из Вашингтона снова поступило указание не давать никакого ответа.

Две недели спустя Толкачёв появился уже в третий раз, оставив сообщение, которое содержало дополнительную личную и профессиональную информацию. В Лэнгли рассмотрели его

предложение снова, но решили, что из-за активности контрразведки организовывать такую встречу слишком опасно.

В мае Толкачёв сделал четвертый подход, встав на пути американского автомобиля, чтобы обратить на себя внимание водителя. Но и эта попытка была проигнорирована, а летом резидент ЦРУ покинул Москву. Прошло шесть месяцев, и в декабре 1977 года в гастрономе к итальянцу, который работал на американцев, подошел неизвестный ему советский гражданин и вручил пакет. В этом сообщении Толкачёв предлагал себя в качестве агента и приложил две страницы технических параметров электронной системы советского самолета, чтобы подтвердить наличие у себя доступа к важной информации. В Лэнгли вновь запретили контакт, и тому были важные причины.

Несколькими месяцами ранее, в августе 1977 года, спустя всего месяц после ареста Марты Петерсон и потери Огородника, в посольстве США случился большой пожар, причины которого вызвали массу подозрений. Пожар разрушил три верхних этажа здания и крышу. Той осенью были и другие оперативные мероприятия с негативным результатом. Пожар оставил после себя огромное число проблем, связанных с безопасностью. Поврежденные документы и фотографии нельзя было отправить в общий мусор, который, вероятнее всего, будет осмотрен КГБ. По этим же причинам поврежденная мебель и офисное оборудование нельзя было вывозить на московскую свалку. По соображениям безопасности стулья, столы, пишущие машинки и другое оборудование нероссийского производства должны были быть возвращены в Соединенные Штаты. Даже такая простая вещь, как число поломанных стульев, могла дать контрразведке КГБ представление о составе резидентуры ЦРУ. Более полугода в посольстве велись восстановительные работы, ежедневно и без выходных.

А в это время Толкачёв, не представляя кризисную ситуацию в посольстве из-за пожара, продолжал свои попытки встретиться с кем-нибудь из ЦРУ. И только в феврале 1978 года в Лэнгли наконец-то одобрили контакт с решительно настроенным добровольцем. Информация относительно советского самолета, которую он ранее передал, была высоко оценена аналитиками ЦРУ и стоила того, чтобы рискнуть.

В своем предыдущем письме Толкачëв сообщил часть своего телефонного номера, скрыв две цифры. Он предупредил американских разведчиков, что будет стоять на автобусной остановке в определенное время, держа в руках два куска картона, на каждом из которых будут недостающие цифры его телефона. Кто-нибудь из офицеров ЦРУ должен был проехать мимо этой автобусной остановки и записать цифры. Но и этот план не сработал. Попытка набрать теперь уже известный телефонный номер оказалась неудачной. Однако резидентура напрасно думала, что Толкачëв в конце концов бросит свои попытки. Этот потенциальный агент был на редкость упрямым.

Как-то в марте резидент ЦРУ шел с женой, и тут Толкачëв неожиданно приблизился к нему и быстро передал пакет, в котором оказалось И рукописных страниц описания самолетного оборудования. В пакете также были подробные сведения относительно самого Толкачëва, его семейства, адрес, телефонный номер и другая личная информация. После этого оперативный сотрудник ЦРУ смог связаться с ним по телефону, и контакт состоялся. Если Толкачëв не был подставным, то он брал на себя огромный риск, сообщая сведения о себе и своей семье вместе с секретной информацией военного назначения. И если бы пакет попал в руки КГБ, то последствия были бы трагическими.

Спустя пять месяцев после первого контакта по телефону сообщили о тайнике, заложенном в одном из районов Москвы недалеко от его дома. Оперативно-технический сотрудник московской резидентуры ЦРУ изготовил контейнер из обычной советской строительной рукавицы. И без того грязную и затасканную рукавицу изорвали и испачкали так, что она стала неотличима от мусора. Сам тайник размещался около телефона-автомата, недалеко от квартиры будущего шпиона. В складках рукавицы были материалы для начала тайного сотрудничества с ЦРУ. В этом контейнере-рукавице находились специальная копирка для тайнописи, три письма с адресом «до востребования» с уже написанным текстом для последующего нанесения тайнописи, одноразовый шифроблокнот, а также инструкции к нему, перечень вопросов разведывательного характера и описание предстоящих операций по связи.

Месяц спустя три письма благополучно достигли своих зарубежных адресатов. Тщательный визуальный и химический анализ показали, что все три письма вскрывались. При этом не было никаких следов обнаружения тайнописи. В тайнописных сообщениях Толкачёв, чтобы заинтересовать ЦРУ, сообщил о том, что уже подготовил рукопись на 91-м листе с описанием нового советского бортового радара и системы разведки, а также сведения о вооружении нового советского самолета. В Лэнгли специалисты по СССР сразу отметили большую важность этой информации и, несмотря на провал Огородника, санкционировали продолжение работы с Толкачёвым.

Первая встреча и беседа с новым шпионом была запланирована на новогодние праздники 1979 года. В СССР это был самый популярный праздник, во время которого ЦРУ фиксировало снижение активности наружного наблюдения КГБ. Перед встречей оперативный сотрудник московской резидентуры, проверив, что за ним сегодня не следят, сделал звонок Толкачёву, означавший готовность к встрече по заранее известному плану. Встретившись, они проишлись по морозной Москве, беседуя почти час. За это время Толкачёв передал около сотни листов авиационных проектов, включая диаграммы, перечни электронных компонентов и копии официальных документов. Взамен оперативник передал ему список вопросов, интересующих разведку, и «честно заработанные деньги».

В отчете о встрече куратор отметил спокойствие Толкачёва и неторопливый характер его ответов, а также что Толкачёв был одним из немногих русских, кому удалось в главный праздничный день года сохранить трезвость. В Вашингтоне аналитики Пентагона и ЦРУ были приятно удивлены информацией, полученной на первой встрече. Сообщения Толкачёва дополнялись другой, уже проверенной информацией о советской авиационной технике и существенно расширяли представление о проектах советских систем вооружения. Рукописные сообщения Толкачёва были изучены специалистом-графологом, который не имел никакой предварительной информации о нем.

Графолог подготовил отчет, в котором говорилось следующее: «Автор — интеллигентный, целеустремленный и в целом самоуверенный человек. Он дисциплинирован, но не излишне жесток к себе. Его интеллектуальный уровень значительно выше среднего, он

обладает хорошими организаторскими способностями. Наблюдательный, аккуратный, уделяет много внимания деталям. Он достаточно самоуверенный и может совершить действия, которые окажутся неблагоприятными или непродуманными. Он интеллектуально и психологически высокоразвитая личность, и представляется, что он может стать полезным и разносторонним источником».

Год спустя Толкачёв так описывал свои чувства: «Я избрал путь, который не позволяет мне вернуться назад, и я не намерен сворачивать с этого пути. Мои действия в будущем зависят от моего здоровья и изменений в характере моей работы. Касаясь вознаграждения, то я не стал бы устанавливать контакт ни за какие деньги, к примеру, с китайским посольством. Но что же касается Америки... Может быть, она околдовала меня, и я, сума сошедши, люблю ее? Я не видел вашу страну своими собственными глазами и не полюбил ее заочно. У меня нет достаточной фантазии или романтизма. Как бы там ни было, основываясь на некоторых фактах, у меня сложилось впечатление, что я предпочел жить бы в Америке. Эта одна из главных причин, почему я предложил вам свое сотрудничество. Но я не альтруист-одиночка. Вознаграждение для меня есть не только деньги. Это, что даже значительно больше, оценка значения и важности моей работы».

После первой встречи в январе 1979 года в ЦРУ начали понимать, что Толкачёв, в отличие от Полякова и Пеньковского, ничего не знал о методах разведывательной работы, таких как, например, тайники или контрнаблюдение. Его работа и положение не давали возможности провести какой-либо безопасный курс обучения, подобный тому, который прошел Огородник. С учетом этих обстоятельств было решено продолжить личные встречи с ним в Москве.

В течение последующих 18 месяцев Толкачёв благополучно встречался с куратором каждые два-три месяца. Он передавал информацию, а сотрудник резидентуры старался приспособить сложную систему связи, чтобы агент мог ее использовать дома или на работе. Дополнительно каждые три месяца Толкачёву предоставлялась возможность передавать материалы своему куратору через тайники. Когда они были готовы, получатель должен был «считать» сигнал, оставленный в запланированном месте в одном

из обычных районов города. Сигналом служила метка, сделанная помадой на телефонной будке, или цветная кнопка на деревянном указателе. Сигнал ставился так, чтобы случайный прохожий не мог его увидеть. На следующий день после получения пакета от агента куратор ставил сигнал, подтверждающий, что тайник изъят. Толкачёв мог сам закладывать тайник каждый понедельник и сообщать об этом сигналом, установленным в определенном месте. Куратор сообщал, что готов «очистить» тайник в среду, с помощью сигнала «припаркованный автомобиль». В свою очередь Толкачёв в ночь этого же дня недели «считывал» сигнал и закладывал тайник. Хотя тайниковые операции были наиболее безопасны, Толкачёв, тем не менее, предпочитал личные встречи, полагая, что они для него комфортнее, чем изъятие тайников, поскольку куратор должен быть в любом случае уверен в отсутствии слежки, как направляясь на встречу, так и закладывая тайник.

Толкачёв имел доступ к огромному числу технических документов, но испытывал трудности в их копировании — ему нужна была специальная фотокамера, которую он мог бы скрытно использовать во время работы, например за столом, как это делал Огородник. Но ЦРУ на начальном этапе не хотело рисковать специальной фототехникой, передавая ее непроверенному и необученному агенту.

В феврале 1979 года ему через тайник была передана фотокамера, но он неудачно с ней работал, и большая часть сделанных им снимков, кассеты с которыми он передал кураторам в апреле и июне 1979 года, не читалась. Он попросил другую камеру со штативом, и уже в октябре и декабре 1979 года он передал в ЦРУ 150 кассет высококачественных снимков. Через год работы с Толкачёвым ЦРУ решило, что ему можно доверить более современную спецтехнику — миниатюрные однокассетные фотокамеры на 50 снимков, закамуфлированные под бытовые предметы. Толкачёв фотографировал документы в туалете на работе, а также дома, куда он одно время имел возможность их приносить до тех пор, пока в институте не были ужесточены меры безопасности, введены ограничения в выдаче секретных документов, усилен пропускной режим. Толкачёв обратился с просьбой к американцам изготовить точную копию его пропуска для беспрепятственного выноса

документов из спецбиблиотеки, но долгое время образцы дубликатов не совпадали с цветом оригинала.

Осенью 1980 года для Толкачёва была изготовлена новая система радиосвязи SRAC, которую до него использовал Поляков. Это спецустройство второго поколения могло передавать полную машинописную страницу текста, снижая, таким образом, количество личных встреч и повышая безопасность работы с агентом. Система агентурной связи Толкачёва, названная DISCUS, состояла из двух одинаковых комплектов, один находился у куратора и другой у агента. Толкачёв получил DISCUS в 1981 году, однако из-за поломки прибора не смог им воспользоваться. Новый аппарат ему был передан лишь через несколько месяцев.

Весной 1982 года личные встречи с Толкачёвым были временно прекращены из-за возросшей активности наружного наблюдения, но после появления «Черта из табакерки» удалось восстановить прямой контакт с ним. (Сделал это сотрудник резидентуры Уильям Планкерт.) В марте и апреле 1983 года Толкачёв отснял и передал в ЦРУ более двух десятков кассет. Летом 1983 года отдел безопасности института ввел новые ограничения пользования секретными документами, и Толкачёв посчитал, что над ним нависла угроза разоблачения, связанная с утечкой информации. Толкачёв уничтожил часть имевшихся у него денежных средств, а устройство безличной радиосвязи SRAC, фотокамеру PENTAX и остатки сожженных документов были им выброшены из автомобиля на обочину дороги во время возвращения с дачи.

Осенью 1983 года были отменены пять личных встреч из-за высокой активности наружного наблюдения, но в ноябре встреча все же состоялась и агенту были переданы две новые камеры и новый график встреч. Спустя четыре месяца после первой встречи Толкачёв обратился с просьбой к куратору о таблетке с ядом. Он заявил: «Я бы не хотел беседовать с КГБ». В Лэнгли отказали, но он упорствовал и в конце концов написал личное письмо директору ЦРУ. При этом Толкачёв ссылаясь на задания ЦРУ, которые требовали от него копирования весьма важных документов, а это большой риск. Поэтому ЦРУ должно предоставить ему таблетку с ядом, тем более что только так он может гарантированно обеспечить свое молчание на допросах.

С первых шагов сотрудничества с Толкачёвым ЦРУ начало планировать варианты его побега с семьей из Москвы. План предусматривал переезд всей семьи в Ленинград, чтобы оттуда конспиративно вывезти их из СССР в специально оборудованном тайнике внутри автомобиля. Резервный план предусматривал укрытие семьи в Подмосковье, где они будут находиться до момента вывоза из страны другими средствами. План был предложен Толкачёву в апреле, но он не согласился с ним «из-за ситуации в семье». Толкачёв дал понять ЦРУ, что не думает о побеге, что он семью оставить не сможет.

В январе 1985 года Толкачёв вернул три микрокамеры с отснятыми пленками и передал 16 листов рукописей. Взамен ему передали пять новых фотокамер, новые разведывательные задания и 100 000 рублей. Переданные Толкачёвым в январе сведения о проекте нового советского фронтового истребителя, который в 1990-х годах должен был поступить на вооружение, были оценены как чрезвычайно важные, и в этой связи ЦРУ стало готовить внеплановую встречу в марте. Куратор дал сигнал об экстренной встрече, но ответа от Толкачёва не поступило. Резидентура решила отложить встречу до июня.

В первую неделю июня Толкачёв дал сигнал о готовности встретиться, открыв в определенное время нужную форточку в окне своей квартиры. Но офицер-куратор был вынужден прекратить операцию, поскольку обнаружил плотное наружное наблюдение. 13 июня сигнал «готов встретиться» был снова замечен в окне Толкачёва. На этот раз куратор (Пол Стомбаух) не обнаружил слежки, но на месте контакта он был задержан сотрудниками КГБ. Стомбаух был объявлен персоной номер один и покинул СССР, Толкачёв осенью 1986 года был казнен.

Разоблачение Толкачёва было вызвано не расшифровкой методов агентурной работы, а изменой двух офицеров ЦРУ, Эдварда Ли Ховарда, а затем Олдрича Эймса. Ховард, не довольный своей карьерой в ЦРУ, был уволен в апреле 1983 года, но в начале 1983 года он уже знал о Толкачёве. Вероятнее всего, Ховард предал бесценного агента, сообщив о нем КГБ в сентябре 1984 года на встрече в Австрии. Эймс подтвердил информацию Ховарда, когда передал в мае и июне 1985 года имена других активных агентов ЦРУ, включая Полякова.

В течение пяти лет оперативные офицеры ЦРУ провели более 20 встреч с Толкачёвым. Ранее никогда не удавалось проводить столько встреч с агентурой в Советском Союзе. В марте 1979 года в отчете, представленном директору ЦРУ, особо подчеркивалось значение разведывательных сведений, которые начали поступать от Толкачёва, поскольку они были по-настоящему бесценными. Сообщение Толкачёва о советском самолете было исключительно качественным и детальным. Особенно важным для ЦРУ был сделанный Толкачёвым прогноз о перспективах советских вооружений в будущее десятилетие. Одна эта информация сэкономила миллиарды долларов американской государственной программе военных исследований и разработок.

Вот что пишет о Толкачёве Милтон Бирден: «Его производительность просто ошеломила работников ЦРУ и сделала его тайной суперзвездой в аппарате национальной безопасности США. В Лэнгли любили говорить, что Толкачёв оплачивает счета ЦРУ за аренду служебных помещений и почти единолично оправдывает бюджет ЦРУ. Поступавшая от него информация позволяла ВВС США заранее узнать, что будет представлять собой следующее поколение советских истребителей, а это означало, что американские самолеты могли конструироваться так, чтобы они превосходили все, что может появиться у Советов. Среди многих секретов, которые Толкачёв передал за шесть лет, была информация об электронном оборудовании самолетов, о радарх, ракетах и других системах оружия для истребителя МиГ-23; о радарх и ракетном вооружении самолета МиГ-25; о появлении новых истребителей Су-27 и МиГ-29 и их радарных установках. Информация Толкачёва также нередко показывала Пентагону, что американские исследования, имевшие своей целью выработку средств противодействия советским системам, или в неверном направлении. В результате несколько американских оборонных программ были прекращены как бесперспективные. В декабре 1979 года ВВС полностью изменили концепцию электронного оборудования самолета E-15, стоившую 70 миллионов долларов.

В 1979 году в письме директору ЦРУ Стэнсфилду Тернеру начальник штаба ВВС генерал Лью Аллен отметил, что полученная от Толкачёва разведывательная информация была просто «бесценной». В мае 1979 года ЦРУ провело трехдневный семинар для представителей разведывательного управления Министерства обороны, ВВС и других

ведомств с целью анализа работы Толкачёва. Участники пришли к выводу, что Толкачёв позволил США сэкономить миллиарды долларов и примерно пять лет исследований».

Информация, полученная от Толкачёва, была настолько важной, что использовалась специальной группой планирования заданий разведки вплоть до 1990 года. С 1977 года Толкачёву было выплачено за предоставленную информацию более двух миллионов долларов, ничтожная сумма по сравнению с той, что могла быть затрачена на соответствующие исследования. Таким образом, Толкачёв сэкономил американским налогоплательщикам миллиарды долларов. Сотрудники Управления любили говорить, что Толкачёв окупил все бюджетные затраты ЦРУ. Он буквально преподнес на блюде советскую радиоэлектронику. Если бы в Европе началась война, то в воздухе мы бы точно обладали явными преимуществами.

От автора

Дело Толкачёва в очередной раз со всей очевидностью продемонстрировало тот ущерб, который может нанести безопасности страны агент, завербованный иностранной спецслужбой, если он обладает действительно чувствительной секретной информацией.

В те годы десятки инициативников были обезврежены советской контрразведкой на самой начальной стадии установления преступных контактов с ЦРУ, но с Толкачёвым так не произошло. Это можно объяснить и прорехами в нашей системе организации контроля вокруг посольства США в Москве и на близлежащих улицах, и профессиональным мастерством американских разведчиков, и отсутствием у нас средств технического визуального контроля в то время в городе, и недостатком людских ресурсов, и стечением негативных обстоятельств.

Но факт остается фактом: несмотря на внутреннее противодействие со стороны ЦРУ идти на контакт с Толкачёвым, вызванное внутренними проблемами, и благодаря маниакальной настойчивости со стороны Толкачёва непременно установить преступные агентурные отношения с ЦРУ и таким образом нанести ущерб своей родине ЦРУ и Толкачёв нашли друг друга. Сделав для себя

с первых же контактов с Толкачёвым уверенный вывод о его серьезной информационной значимости для обороноспособности США, Лэнгли предприняло исключительные меры по сохранению в тайне от окружающих и, само собой разумеется, от контрразведки самого факта работы с ним. Для него были отработаны способы связи с учетом его личных качеств, условий работы и проживания, что создало благоприятную атмосферу для их обоюдного взаимодействия.

Но главное, на что были направлены усилия американцев, — это на обеспечение безопасности Толкачёва путем использования только таких собственных оперативных мероприятий, которые гарантировали бы со стопроцентной уверенностью отсутствие за разведчиками слежки при их выходе на очередную встречу с Толкачёвым. Для этого в операциях с Толкачёвым на ее различных этапах принимали участие или только разведчики под глубоким прикрытием, или использовалась подмена внешности, или «Джек из коробочки». При малейшем подозрении разведчиком ЦРУ о наличии за ними слежки со стороны КГБ операция на любом из ее этапов прекращалась. Тем самым исключалось даже случайное попадание Толкачёва в поле зрения КГБ.

Первым, кто из состава резидентуры ЦРУ в Москве установил телефонный, а затем и личный контакт с Толкачёвым, был заместитель руководителя московской резидентуры Джон Гуилшер, находившийся в посольстве под прикрытием должности конференс-атташе политического отдела американского дип-представительства.

20 апреля 2008 года в газете «Вашингтон пост» была опубликована статья Мэтта Шадела «Шпионская история времен холодной войны ожила на улицах Москвы» о Джоне Гуилшере и Толкачёве. Ниже привожу мой собственный дословный перевод этой статьи:

«С января 1977 по февраль 1978 года некий Русский пять раз подходил к автомашинам с американскими дипломатическими номерами в Москве, пытаясь поговорить с американцами. В силу стечения обстоятельств первый встретившийся ему на автозаправочной станции автомобиль принадлежал резиденту Центрального разведывательного управления в Москве. Опасаясь, что Русский был агентом КГБ, направленным с тем, чтобы заманить в ловушку американцев, ЦРУ проигнорировало просьбу Русского о встрече. Но настойчивый Русский продолжал возвращаться, однажды вновь постучавшись в машину резидента.»

Каждый раз он все больше и больше рассказывал о себе, включая сведения о советских системах вооружения. Каждый раз его предложения отвергались. В конце концов он сделал отчаянную попытку убедить американцев. Если он в очередной раз будет отвергнут, написал он в одиннадцатистраничном письме, он прекратит свои попытки.

ЦРУ назначило говорящего по-русски офицера Джона И. Гулишера установить контакт с этим человеком, инженером по имени Адольф Толкачёв. После нескольких телефонных разговоров Толкачёв и Гулишер встретились лично 1 января 1979 года. Толкачёв передал 91 страницу своих рабочих записей о советской авиации и радарных системах. Он также поразил Гулишера тем, что после новогодней ночи был трезвым. Так начался один из самых выдающихся эпизодов шпионажа в истории холодной войны.

«В течение почти десятилетия, — писал эксперт в области разведки Дэвид Вайз, — Толкачёв был наиболее ценным источником ЦРУ в Советском Союзе, и его существование было особо охраняемым секретом». Роль Гулишера в этой шпионской истории выдающаяся, и никогда ранее вплоть до прошлого года не придавалась гласности до тех пор, пока вышедший в отставку офицер ЦРУ Барри Дж. Райден не опубликовал официальный отчет об этой разведывательной операции.

«История Джона Гулишера была экстраординарной, — заявил представитель ЦРУ Марк Мэнсфилд. — Он был легендарным сотрудником резидентуры, который подвергал себя большому персональному риску, имея дело с наиболее ценным и работоспособным агентом в истории ЦРУ».

Джон Иван Гулишер родился 10 февраля 1930 года в Нью-Йорке и говорил по-русски дома со своими родителями, которые были выходцами из российской знати, потерявшими свое имущество, дома, карьеру и образ жизни во время Большевицской революции 1917 года. Гулишер окончил университет в штате Коннектикут и проходил службу в качестве армейского офицера разведки во время Корейской войны.

Он начал службу в ЦРУ в 1955 году и имел назначения по службе во всех уголках мира, перед тем как занять пост в Москве в 1977 году. Его усилия по получению информации от Толкачёва пролили свет на темные методы работы ЦРУ. Он и другие офицеры ЦРУ использовали

закодированную информацию, наличные денежные средства и фотокамеры величиной со спичечный коробок, передававшиеся в грязных рукавицах, казалось бы, брошенных на улице. Свет в окне или автомобиль, припаркованный особым способом, могли назначить или отменить личную встречу.

Находясь под постоянным наблюдением со стороны КГБ, Гулишер стал мастером маскировки. Он приезжал в посольство США, будучи приглашенным на обед, затем покидал посольство через другую боковую дверь и уезжал на другом автомобиле. Как писал в своем докладе в ЦРУ Райден, находясь в автомобиле, Гулишер снимал с себя западную одежду и делал все для того, чтобы выглядеть, как типичный русский — представитель рабочего класса. Он надевал шапку и одежду рабочего, съедал значительное количество чеснока и выплескивал на себя водку. Затем Гулишер или шел пешком, или использовал автобус или метро по пути к месту секретной встречи. Затем он возвращался в посольство и появлялся из главного входа в своем вечернем дипломатическом костюме и галстуке.

Они встречались больше десяти раз, в процессе которых Толкачёв передал более ста отснятых кассет с фотопленкой и письменные материалы о советской авиации, ракетных системах и электронике. Взамен он просил лекарства, книги, западные бритвенные лезвия и записи рок-н-ролла для своего сына. Он затребовал таблетку с ядом на случай, если его поймают КГБ, но ЦРУ отказало. Толкачёв также просил у Гулишера уникальные драгоценности и деньги, заявляя, что «несколько миллионов долларов это уж не такие фантастические деньги». В конце концов ЦРУ согласилось выплатить ему стипендию, эквивалентную зарплате президента США, при условии, что большая часть ее останется на депозите до тех пор, пока он не переедет в США.

В середине 1980-х годов Гулишер покинул Москву, получив другое назначение. Его шпионская роль никогда не была обнаружена КГБ. Как следует из отчета ЦРУ, они оба чувствовали себя комфортно друг с другом в опасных ситуациях, в которые они были вовлечены.

Толкачёв периодически продолжал встречаться с другими оперативниками ЦРУ до начала 1985 года, когда негодяй из числа офицеров ЦРУ Эдвард Ли Ховард, уволенный за воровство и употребление наркотиков, идентифицировал Толкачёва и других

секретных агентов перед советскими властями. Толкачёв был арестован в июне 1985 года и казнен в сентябре 1986 года. «Мой муж был восхищен Толкачёвым, — сказала Катерина Гуилшер. — Он воспринял это очень тяжело».

Ховард исчез в Советском Союзе и умер при загадочных обстоятельствах в 2002 году в возрасте 50-ти лет.

Гуилшер работал в ЦРУ до 1990 года, затем он продолжал консультировать ЦРУ по российским делам вплоть до прошлого года. Ему было 77 лет, когда он скончался 4 апреля 2007 года от панкреатита в своем доме в Арлингтоне. Он был женат в течение 50-ти лет, у него остались трое детей, Майкл Гуилшер, проживает в Бирмингеме, штат Алабама, Анна Гуилшер, проживает в Арлингтоне, и Александра Гуилшер, проживает в Новом Марлборо, штат Массачусетс; у него еще есть сестра и двое внуков».

Джон Гуилшер был моим объектом разработки. В посольстве все знали о трагической судьбе его семьи и сопереживали ему. За его безупречный русский язык, отсутствие высокомерия, внимательность к собеседнику, вежливость, предусмотрительность и отзывчивость отношение к нему со стороны российского персонала посольства было лояльным и доброжелательным, его уважительно называли Джон Иванович. Со своей супругой Катериной, также сотрудницей ЦРУ, которую все ласково называли Киса, они внешне жили дружно. Киса Гуилшер активно помогала мужу в разведдеятельности, обеспечивала его безопасность на маршрутах передвижения, осуществляя контранаблюдение и создавая условия для отрыва от слежки, чему я лично был свидетелем, сопровождая семью Гуилшер в одной из их поездок по СССР.

Следующим офицером резидентуры, которому было поручено работать с Толкачёвым, был Дэвид Рольф, который аналогично Гуилшеру за основу тактики проведения агентурных операций взял подмену личности. Это и ему обеспечило «неуловимость» пребывания в городе для проведения встреч с Толкачёвым.

Я вместе с коллегами присутствовал на судебных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Толкачёва. Напомню читателям, что в последней «передаче» Толкачёву от ЦРУ, доставленной ему на место встречи Полом Стомбаухом, среди книг была привезенная из США по его просьбе книга Адольфа Гитлера «Майн кампф», которая

в интересах конспирации была сброшюрована в нейтральную книжную обложку, скрывавшую от посторонних истинное содержание книги.

Стремление Толкачёва освоить идеологию фашизма, его безапелляционный антисоветизм, его осознанные, целенаправленные и многолетние усилия по умышленному нанесению максимального ущерба обороноспособности СССР никак не соотносились с показной искренностью его раскаяния в содеянном в судебных заседаниях.

Грустное зрелище.

Глава девятая

Арест Воронцова. Захват с поличным Майкла Селлерса

КГБ СССР об агенте ЦРУ Воронцове и задержании Майкла Селлерса

Москва, 1986 год

Летом 1984 года старший оперуполномоченный Московского управления КГБ (Управление КГБ СССР по городу Москве и Московской области) майор Сергей Воронцов вечером связался по телефону со вторым секретарем посольства США Джоном Фини и под благовидным предлогом договорился с ним о встрече рядом с домом, где жил дипломат. Через него Воронцов передал в резидентуру ЦРУ предложение о сотрудничестве с американской разведкой. Воронцов, не имевший прямого отношения к работе по американцам, раздобыл телефонный номер американского дипломата Фини, используя служебное положение. Джон Фини, как и другие американские дипломаты, от Госдепартамента США имел указание оказывать помощь ЦРУ в подобных ситуациях. Поэтому послание Воронцова на следующий день было доставлено по назначению.

Воронцов, преследуя исключительно корыстные цели, в подтверждение серьезности своих намерений передал через Фини в ЦРУ подлинник одного из реальных документов КГБ и, чтобы придать себе значимость, назвал американцам сотрудником Второго главного управления КГБ СССР, имеющим отношение к работе контрразведки против посольства США, а не сотрудником Московского управления КГБ, каковым он являлся в действительности. В интересах собственной безопасности инициативник не сообщил американцам свои имя и фамилию, назвал Стасом и обусловил достаточно сложную систему контакта с собой. Предложил американцам в случае их согласия выйти с ним на контакт и выплатить за его информацию деньги, поставить в оговоренном месте в назначенное им время автомашину посольства США с дипломатическим номером И 004...

Американцы его условия выполнили. После этого Воронцов на стене одного из московских зданий написал семь цифр, легко

считываемых из движущегося автомобиля. Эти цифры были коэффициентом, который необходимо было прибавить к набору цифр, переданному Воронцовым в записке американцам, чтобы получился его действительный номер телефона для установления контакта с ним. В целях дополнительной конспирации этот телефонный аппарат находился не в кабинете предателя, а в соседнем служебном кабинете в здании УКГБ на улице Большая Лубянка, ключ от которого был у Воронцова.

Первую личную встречу с Воронцовым и его разведывательный опрос провел сотрудник резидентуры ЦРУ Алекс Гришук, работавший в посольстве под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны. Он вызвал инициативника на контакт по телефону. Вторую встречу с Воронцовым и его подробный дополнительный опрос осуществил сотрудник ЦРУ, второй секретарь политического отдела посольства США Майкл Селлерс.

В 1986 году Вторым главным управлением КГБ СССР Воронцов был разоблачен и арестован. Пользуясь полученными в результате обыска инструкциями ЦРУ по организации связи с Воронцовым, мы от его имени вызвали американцев на очередную встречу.

10 марта 1986 года на повторный контакт с Воронцовым резидентурой был вновь направлен сотрудник ЦРУ Майкл Селлерс, который в целях маскировки при выезде из дома воспользовался одеждой и автомашиной другого американского дипломата — проживавшего с ним в одном подъезде сотрудника военного атташата Рональда Паттерсона. Изменив внешность, надев очки, парик и приклеив усы, Селлерс после многочасовой проверки по Москве, используя автомашину и городской транспорт, за сорок минут до начала встречи пешком добрался на место контакта. Американец оставшееся до контакта время активно проверялся и изучал обстановку на близлежащих улицах и в проходных дворах. К назначенному времени к телефонной будке на улице Кржижановского, где должна была произойти личная встреча, из Следственного изолятора КГБ был доставлен давший согласие на следственный эксперимент арестованный Воронцов.

В момент контакта и разведчик, и агент были захвачены группами захвата. Я обыскал Селлерса, как ранее делал с другими разведчиками, изъял у него звукозаписывающую аппаратуру и средства маскировки

(головные уборы, парик), отклеил усы. В пути следования до приемной я, обернувшись с переднего сиденья микроавтобуса, пытался разговорить Селлерса, но разведчик на мои попытки не реагировал и, надо отдать ему должное, в той стрессовой для него ситуации внешне держался уверенно и спокойно. В приемной КГБ Селлерс пытался протестовать, первоначально был агрессивен, вел себя развязно. Затем, после приезда представителя посольства США в Москве, к концу официального разбирательства стал угрюм, выглядел обиженным и сердитым.

Американца постигла та же участь, что и всех разведчиков, о чем сообщили СМИ: «В Комитете государственной безопасности СССР. 10 марта в г. Москве задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином второй секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против Советского Союза. В ходе расследования собраны доказательства, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные шпионские действия М. Селлерс объявлен персоной нон грата. По делу арестованного агента американской разведки ведется следствие».

ЦРУ о Воронцове

18 апреля 1985 года Майкл Селлерс установил контакт с работником КГБ, который несколько месяцев назад предложил ЦРУ свои услуги, бросив пачку документов в окно автомашины работника политической секции посольства США. Американцы не знали подлинного имени «добровольца», но из его информации было видно, что он является работником КГБ, возможно, контрразведывательного управления, хотя у американцев были разногласия в отношении того, был ли он работником Второго главного управления или Московского управления КГБ.

ЦРУ присвоило ему оперативный псевдоним «Коул» и приступило к организации работы с ним в Москве. Селлерс был вторым работником ЦРУ, кто встречался с «Коулом». Первая встреча прошла неудачно, поскольку вышедший на нее разведчик (сотрудник резидентуры Алекс Грищук. — Прим, авт.) не понимал примитивного

языка, на котором говорил русский. В ходе встречи с Селлерсом «Коул» подтвердил, что КГБ использует химический препарат для облегчения слежки за американскими разведчиками. «Коул» побрызгал аэрозолем этого препарата в пластиковый пакет.

Селлерс, который владел русским языком в совершенстве, гораздо лучше понимал «Коула», чем его предшественник, но даже ему было трудно разбирать гортанные звуки русского языка, на котором говорил «Коул». «Доброволец» оказался «крутым» оперативным работником Московского управления КГБ, ион с раздражением относился к американцу, который не понимал его разговорных выражений.

Во время первой встречи с Селлерсом — двухчасовой прогулки по московским тихим улицам — работник КГБ так и не раскрыл своего имени. Он сказал, что знает, как плотно КГБ ведет слежку за работниками ЦРУ в Москве, и поэтому не хочет рисковать своей безопасностью. Селлерс знал его только по имени «Стас», которым они договорились пользоваться. «Коул» был груб, и даже отлично владевший русским языком Селлерс с трудом понимал его. У Селлерса сложилось впечатление, что «доброволец» работает в московском контрразведывательном подразделении. Это был московский вариант «крутого» нью-йоркского полицейского.

Он четко обозначил свои требования. Его интересовали только деньги, и он не боялся показаться циничным. Он нервничал, когда снабженный диктофоном Селлерс просил его повторить или уточнить что-то. Но он много знал о том, как КГБ вел слежку за операциями ЦРУ в Москве.

Пока два шпиона бродили по Москве, «Коул» предупредил Селлерса, что он не будет передавать документы, которые можно идентифицировать как исходящие от него. Он также требовал, чтобы передаваемые ему деньги были «чистыми», то есть брались из источника за пределами СССР и упаковывались в пакеты, которые не вскрывались сотрудниками ЦРУ в Москве. Селлерс и «Коул» тщательно отработали систему связи на будущее. «Коул» дал Селлерсу номер телефона, по которому тот мог звонить в «безопасные» окна продолжительностью 10 минут.

Позже ЦРУ пришло к выводу, что это был номер дежурной службы КГБ, который нельзя было привязать к какому-то

конкретному лицу. «Коул» собирался сделать так, чтобы в согласованное время он был единственным человеком у этого телефона и ЦРУ могло обменяться с ним заранее согласованными и безобидно звучащими фразами.

После встречи «Коул» пропал из виду на несколько месяцев. На один звонок он не ответил, но следующий звонок в марте позволил восстановить контакт, и Селлерсу поручили встретиться с ним. Вечером 10 марта Селлерс решил, что ушел от наружного наблюдения, «позаимствовав» личность другого работника посольства. Позже, оказавшись «чистым» на улицах Москвы, он быстро переоделся в русскую одежду и слился с потоком москвичей, спешивших домой.

Встреча была назначена в жилом квартале сталинской застройки недалеко от Ленинских гор. Селлерс прибыл на место встречи в 10.30, и, когда до места контакта с «Коулом» оставалось метров шесть, он вдруг почувствовал что-то неладное. «Коул» выглядел похудевшим и потерял свой прежний вид «крутого». Стал тенью самого себя. И в тот же момент Селлерс изготовился к тому, что — он знал это — должно было произойти. Внезапно яркие прожекторы осветили улицу, и со всех сторон к нему побежали какие-то люди. Селлерс успел подумать, что арест был поставлен, как в кино. Работники КГБ затолкали его в автофургон, а «Коул» просто «растворился».

В фургоне работники КГБ, видимо, не подозревая, что Селлерс понимает по-русски, свободно говорили между собой. Они, казалось, были смущены тем, кого арестовали. Наконец, когда один из них протянул руку и сорвал с Селлерса его фальшивые усы, по его лицу стало ясно, что он узнал Селлерса. «А, Миша», — воскликнул мужчина, используя уменьшительную форму от «Майкл». Маскировка ЦРУ была лучше, чем они это себе представляли. Заметив грязь на подошвах Селлерса, они стали обсуждать между собой, как он смог незамеченным выйти из посольства, переодеться под русского рабочего и никто на посту этого не заметил.

Автофургон доставил Селлерса и его спутников в пристройку к дому № 2 на площади Дзержинского, используемую для допросов. Допрос продолжался всего несколько часов. В половине третьего утра прибыл консульский работник Стюарт Паркер, чтобы забрать его с

собой. Но все эти два часа Селлерс вел поединок с Красильниковым, пытаясь парировать каждый его вопрос.

Обычно работники ЦРУ после ареста отказывались говорить, ссылаясь на дипломатический иммунитет и требуя встречи с консулом. Селлерс знал правила этой игры, но он не мог удержаться, чтобы не вставить русским пару шпилек, пользуясь своим знанием русского языка. Когда Красильников заявил, что арест повредит карьере Селлерса, тот ответил, что это несколько не повредит его карьере в ЦРУ. Видимо, для того чтобы «разговорить» Селлерса, Красильников попытался перевести разговор на нейтральную тему, упомянув некоторые подробности из личной жизни Селлерса, известные КГБ. Селлерс был вратарем брумбольной команды американского посольства, Красильников стал спрашивать его, что он думает об американском и русском хоккее. Но, пытаясь развязать язык Селлерсу, Красильников сам рассказал кое-что интересное. Стало ясно, что КГБ не знал, как Селлерс в этот вечер вышел из своей квартиры.

У КГБ еще не было четкого представления о применяемой американцами технике «подмены личности», и, обнаружив его на месте встречи, советские контрразведчики были немало озадачены. Пост наблюдения считал, что он находится дома.

От автора

Среди личного состава КГБ разоблачение Воронцова произвело эффект разорвавшейся бомбы. Агент ЦРУ в наших рядах — такого для каждого из тех, кто знал о разработке контрразведкой Воронцова, как говорится, и в страшном сне не могло присниться. А знал о мероприятиях по разоблачению Воронцова чрезвычайно ограниченный круг лиц, так как малейшая утечка информации, даже просто об интересе к Воронцову со стороны Второго главного управления, неминуемо могла привести к тому, что американцы незамедлительно свернули бы операции по связи с ним, а сам Воронцов уничтожил бы все уликовые материалы. Все это практически ликвидировало бы доказательную базу следствия в случае задержания и ареста Воронцова, но этого не произошло. Кроме того, американцы смогли бы

предпринять экстренные меры по тайному вывозу Воронцова из страны, и агент ЦРУ, таким образом, вообще мог бы уйти от ответственности за свое предательство...

Воронцов был с соблюдением мер предосторожности задержан, арестован и помещен в Следственный изолятор КГБ, где он во всем сознался и согласился на сотрудничество со следствием. Контрразведкой были предприняты меры по легендированию временного отсутствия Воронцова по месту службы и проживания, с тем чтобы предотвратить утечку информации о его задержании и распространение слухов об этом.

Организация контакта с ЦРУ от имени Воронцова и задержание разведчика резидентуры Майкла Селлера прошли штатно. Помимо непосредственного задержания Майкла Селлера на месте его контакта с Воронцовым, доставки его в микроавтобусе в здание КГБ и участия вместе с генералом Красильниковым в процедуре официального разбирательства с Селлерсом в помещении Приемной КГБ с привлечением представителя МИД СССР, Следственным управлением я был включен в группу офицеров, проводившую обыск в одной из квартир родственников Воронцова.

В квартире никаких уликовых материалов, представлявших интерес для следствия, обнаружено не было. Но само мероприятие оставило тяжелые воспоминания о ситуации, в которой, помимо своей собственной воли, оказываются родственники, втянутые преступниками в орбиту следственных действий. Шок, растерянность, беспомощность, отсутствие возможностей повлиять на ситуацию, неверие в то, что это действительно происходит с ними, у них на квартире, безысходность — такие, очевидно, чувства испытывали ни в чем не повинные люди. Никто из нас не был знаком с Воронцовым, даже никогда в глаза его не видел, но все равно было стыдно, что он был один из нас, из контрразведки, хотя и не из центрального аппарата, а из Московского управления. Но он был сотрудник КГБ СССР..

Открытое судебное заседание проходило в большом зале для совещаний и торжественных собраний в здании Московского управления КГБ СССР. На заседание были приглашены сотрудники Второго главного управления КГБ и Следственного управления, принимавшие участие в разоблачении Воронцова, его задержании, аресте, следственных действиях и захвате с поличным Майкла

Селлерса. Зал был заполнен до отказа работниками Московского управления.

В процессе всего заседания в зале стояла напряженная гнетущая тишина. Воронцов был приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу.

Мы, сотрудники Второго главного управления, испытывали удовлетворение от чувства выполненного долга, с одной стороны, а с другой — какое-то опустошение от происходящего, от того, что Воронцов был все-таки одним из нас...

Глава десятая

Интервью с сотрудником ЦРУ Майклом Селлерсом

О КГБ и ЦРУ

В 1980-х годах ЦРУ обладало очень подробными сведениями о структуре КГБ, тогда как у КГБ были очень хорошие знания о детальной структуре ЦРУ. Я думаю, что обе стороны хорошо знали друг о друге в организационном плане. Тем не менее люди, которые ездили в Москву, люди, служившие за рубежом в Москве, — у нас были функциональные знания о структуре КГБ. Но не обязательно самые глубокие знания, которыми мог обладать аналитик в Вашингтоне.

Мы знали, например, что Второе главное управление было ответственно за контрразведку. Мы знали, что Седьмое управление осуществляло наблюдение. Мы знали, что Американский отдел Второго главного управления несет ответственность за слежку и мониторинг наших действий — у нас была вот только такая информация. Но в Вашингтоне были аналитики, которые действительно имели об этом больше информации.

Когда я приехал в Москву в 1984 году, Рэм Красильников был единственным, чье имя я знал. Он был уже хорошо известен, общепризнан и уважаем. Что касается других имен, то я узнал их позже, когда у меня была возможность стать гостем КГБ. Когда мы работали на ЦРУ в середине 1980-х годов, у нас было понимание и убеждение, что мы и КГБ были, по существу, два главных противника в мире. И мы считали КГБ наилучшим противником, с которым мы могли бы столкнуться. Мы очень высоко оценивали и испытывали уважение к уровню их профессиональных способностей.

О правилах Гербера

У нас даже было понятие «Московские правила», которое употреблялось в отношении работы с максимально возможным уровнем безопасности и разведывательной деятельности. Мы считали, что самым большим вызовом была работа в Москве, работа против КГБ на его территории.

Я знаю, что это так забавно. Хорошо, я постараюсь ответить на этот вопрос. Если вы сегодня зайдете в Интернет и забьете в поисковик «Московские правила», вы увидите конкретный список предполагаемых «московских правил», но это все будет не так, как я это помню. Я помню все несколько иначе.

Главным образом под «Московскими правилами» мы понимали то, что мы должны были осознавать, что все время находимся под наблюдением противника и должны были действовать соответствующим образом. К этому существовал целый ряд более мелких дополнений. Некоторые вещи, о которых вы можете прочитать сегодня онлайн, звучат довольно драматично, но это не так, как я понимал их в то время. Мы использовали это понятие, как правило, чтобы просто сослаться на самый высокий уровень разведывательной деятельности.

О работе ЦРУ в Москве

Для того чтобы попытаться понять, какая задача стояла перед ЦРУ в Москве в 70-е и 80-е годы, в первую очередь необходимо осознать, что в целом по всему миру мы имеем широкий спектр задач, которые мы выполняем. Мы вербуем, мы разрабатываем, мы устанавливаем связи.

В Москве у нас была гораздо более ограниченная задача из-за вездесущего КГБ и того, что мы называли «враждебным окружением». У нас было две вещи, которые мы пытались делать. Одна из них заключалась в организации встреч с нашими агентами с целью обмена информацией между людьми на местах в Москве. А вторая — в проведении технических операций для получения информации с помощью технических средств. Вот что на самом деле в той или иной степени мы пытались делать в Москве в 1980-х годах.

Я думаю, что история показала, что в течение 70-х и 80-х годов наиболее успешной операцией была операция Толкачёва. Он работал на нас с 1977 по 1985 год. Он был авиационным инженером. Я знаю, что этот случай очень хорошо известен в России. Но я думаю, что с американской точки зрения это был чрезвычайно успешный пример, который сегодня, возможно, является величайшим событием той эпохи.

В 1970-е годы было также дело Огородника, которое было очень успешным в плане предоставления Соединенным Штатам

разведывательных данных о внутренней и внешней политике (СССР). Огородник работал дипломатом и имел доступ к конфиденциальной информации во время переговоров об ОСВ (ограничении стратегических вооружений). Таким образом, это была очень секретная и важная операция в 70-е годы. Конечно же, до этого был случай Пеньковского. Таким образом, это, вероятно, самые громкие дела.

Когда я приехал в Москву в 1984 году, в КГБ знали, кто я. Я служил в других местах за границей, у меня были с ними общие контакты. Я знал, что они имели информацию обо мне, в частности из-за событий, которые произошли в Африке, где я служил в одной из стран, в которой было большое советское присутствие. Во время моей работы в Африке стало очевидно, что они знали, кто я. Так что все было понятно.

Поэтому, когда я отправился в Москву, было ясно, что я был на их «радаре», что они будут знать, кем я был, с момента моего въезда в страну. И это означало, что я, вероятно, буду в той или иной степени находиться под наблюдением с момента выхода из самолета и до моего отъезда. И в самом деле, когда я служил в Москве, с самого первого дня я был под контролем, под наблюдением. Я ожидал этого. Все это было частью предполагаемого плана моей работы. И поэтому я должен был принять соответствующие меры, чтобы быть в состоянии делать работу, которую мне нужно было выполнять.

В личном плане находиться под наблюдением все время было... Я бы сказал, что это сравнимо с пребыванием на сцене. Я имею в виду, что, по существу, мне надо было играть свою роль с первой минуты своего пребывания и до момента отъезда. Я не играл только тогда, когда я был внутри корпуса ЦРУ, где мы чувствовали себя в безопасности. Но везде я должен был работать с мыслью, что за мной наблюдают. Таким образом, я выдумывал историю о том, кто я и что я делаю, для того чтобы попытаться сделать наблюдение за мной максимально комфортным. Так, чтобы они не были очень бдительными, когда я пытался сделать переход от нерабочего состояния к рабочему.

Через несколько лет после того как я побывал в Москве, я прочитал книгу Рэма Красильникова. И для меня была в какой-то степени большая честь узнать, что он считал меня, о чем он пишет в своей книге, самым артистичным оперативником ЦРУ. И я думаю, что он имел в виду некоторые методы, которые я использовал, и это очень

важно, потому что я на самом деле считаю, что то, что я делал, было своего рода театральным представлением. Не только тогда, когда я выполнял какое-то задание, но все время, потому что я всегда был под наблюдением.

И когда вы находитесь под внешним наблюдением, вы играете для них спектакль, вы пытаетесь донести историю, которую вы хотите рассказать. История, которую я хотел рассказать, была о том, что я был очень счастлив в Москве. Они знали, что я из ЦРУ, я не мог скрыть этого. Но я хотел показать свое уважение к слежке. Я хотел показать свой интерес и уважение к русской культуре, которые были искренними. Я ходил в театр, я ходил на музыкальные мероприятия, мне очень нравилось быть там. В теории было лучше показать подлинное уважение к культуре и подлинное уважение к своему противнику, а не казаться враждебным, потому что это может увести в другом направлении. Таким образом, я был постоянно в курсе, что я под наблюдением. Я принял это как часть своей жизни и действовал соответствующим образом во время своего пребывания там.

Снова упомяну Рэма Красильникова. В своих книгах он указывает на то, что разведка всегда идет впереди контрразведки, выбирает время и место, когда шпионы могли бы что-то сделать. А что касается контршпионажа или контрразведки, то они должны сохранять бдительность 24 часа, 7 дней в неделю, 365 дней в году. Поэтому процесс, который мы пытались осуществить, заключался в том, что я прилагал усилия, чтобы усыпить бдительность противника, убедив его, что я занимаюсь своей нормальной повседневной деятельностью. А потом, в тот момент, когда я хотел осуществить операцию, я пытался убедить их, что я не собирался ничего предпринимать, что это просто еще один очередной день. Потому что, в конце концов, они должны были постоянно следить за мной каждый день, изо дня в день. Так что это был вопрос психологической подготовки противника к этому моменту.

Нужно было не сделать ничего, что могло бы его насторожить, а это трудно осуществить, когда вы собираетесь сделать что-то. Это привлекает много внимания, есть много вещей, которые вы можете сделать: вы можете ускорить шаг, вы можете посмотреть вокруг, вы можете совершить другие подобные поступки. А когда наступает подходящий момент, нужно действовать.

В моей ситуации и на моем опыте, были ли мы на операции или нет, мы всегда были при исполнении, мы всегда должны были что-то осуществлять. Я имею в виду, что это было утомительно. Нам время от времени был необходим отдых. Отдохнуть можно было внутри здания ЦРУ, в течение дня можно было пойти туда и расслабиться, чтобы не делать свою работу постоянно и не думать об этих вещах. Но в остальное время нужно было работать: в вашей квартире, на улице.

Независимо оттого, что вы делаете, вы постоянно в курсе, что люди наблюдают за вами, и вы все время осознаете, что ваше поведение не является чем-то частным, за ним следят, о нем распространяются, и вы должны жить таким образом.

О средствах маскировки разведчиков ЦРУ

Когда мы должны были использовать маскировку... (Позвольте мне вернуться к этому через секунду. Я расскажу об этом. Я сделаю небольшое вступление по этому вопросу.)

В последние годы ЦРУ решило, что нам можно говорить о некоторых методах и вопросах маскировки. И я думаю, что я скажу следующее. Есть много различных слоев или уровней маскировки. Там есть все: от всего лишь легкой маскировки, которую вы могли бы просто использовать для того, чтобы вас не смогли бы непреднамеренно узнать в неподходящий момент. Скажем, например, что я мог бы проводить операцию и я выполнил все необходимые условия, чтобы убедиться, что я не нахожусь под наблюдением. А потом в самый ответственный момент, когда я иду во двор какого-то московского жилого дома, просто случайно получается, что водитель из посольства живет там или что-то в этом роде. Если случайный человек видит меня, важно, чтобы он, даже если он мог каким-то образом видеть меня раньше, не мог узнать меня. Таким образом, это только один уровень — это была лишь простая маскировка, чтобы убедиться, что я не был бы случайно кем-то опознан.

Одна из вещей, которая у меня была и которую мой друг Сергей Терехов часто показывает в Москве в документальных фильмах, — это моя шапка, на задней части которой прикреплены волосы, которые производили эффект, что у меня длинная шевелюра. И если просто надеть шапку с такими волосами на ее задней части, очки и усы, — это довольно сильно изменяло мою внешность. Поэтому, если какой-то

случайный человек, который где-то видел меня раньше, посмотрел бы на меня, он не признал бы во мне сразу же Майкла Селлера. Это пример легкой маскировки.

Наши операции или мои операции часто были построены на более сложной и хитроумной маскировке.

Обмен идентичностями

Это то, что мы называем «передача идентичности». Передача идентичности представляла собой ситуацию, в которой один человек, похожий на меня, за которым установлено наблюдение, работает в паре с человеком, который не был интересен КГБ. И затем мы обменивались идентичностями. Таким образом, это требовало сложных вещей. В моем случае это включало использование протезных масок и обширного гардероба.

Так что вы можете себе представить двух человек одного роста, одного веса: за одним следят, за другим нет. Создавался сценарий, который позволял им временно обмениваться идентичностями. Это было основным компонентом нашей оперативной методики, которую ЦРУ теперь разрешило обсуждать.

Когда я пошел на встречу с Сергеем Воронцовым (мы не знали его имени в то время, я знал его как Стаса), я использовал несколько уровней маскировки. Я применял метод обмена идентичностями, чтобы уйти от наблюдения. Таким образом, я оказался кем-то другим, кто не представлял интереса для КГБ. После того как я убедился, что за мной нет слежки, я избавился от всего этого материала, включая маски и тому подобные вещи, и стал выглядеть, как обычный москвич. И к этому моменту я был в легкой маскировке, убедившись, что за мной нет наблюдения, я собрался на встречу. На самой встрече, когда я встретил его в первый раз, у меня тоже была легкая маскировка: только усы, шляпа и тому подобное. Ничего слишком сложного, того, что могло осложнить мою идентификацию.

В моей обычной работе я в большой степени полагался на маскировку, которая состояла из трех этапов. Первым шагом был обмен идентичностями, который включал использование маски и хайтека, чего-то технически сложного. И это использовалось для того, чтобы уйти от наблюдения. Без наблюдения я не мог ступить и шагу.

После того как я сделал это, после того как я убедился, что я не вижу наблюдения, что они перестали следить за мной, то я переходил на другой уровень маскировки, при котором я выглядел бы, как обычный москвич, и так далее.

Затем на заключительном этапе, прежде чем осуществлять оперативное задание (например, встретиться с агентом или заложить тайник), я изменял еще раз свою маскировку, просто чтобы попытаться стать абсолютно уверенным, что не было никакой слежки. Я заходил в какой-то жилой дом как один человек, а выходил через другую дверь как другой человек или что-то в этом роде. Таким образом, в целом маскировка включала три этапа.

О закладке тайников и личных встречах

Мы, как правило, имели два типа операций. Один был тем, что мы называли «безличная коммуникация». Как, например, тайник, где вы бы могли оставить пакет и уйти своей дорогой, а агент мог бы прийти и забрать пакет. А другой тип представлял собой личную встречу, которую можно было осуществить, зная, что за вами нет никакого наблюдения.

Я всегда находил, что личная встреча была более сложной, потому что при личной встрече вы не только должны были сосредоточиться, чтобы добраться до места и положить пакет или забрать пакет, но вы должны были быть готовы к встрече с агентом, у вас должны были быть приготовлены вопросы, которые вы должны были задавать агенту, вы должны были отвечать на вопросы, т. е. взаимодействовать с агентом, в то же время обращать внимание на окружение, на то, чтобы не сделать чего-либо, что могло бы привлечь внимание и так далее. Так что, я думаю, что встреча с агентом была более сложной операцией, для которой требовался не то чтобы более высокий уровень подготовки, но все же больше шагов и элементов подготовки.

При подготовке к встрече с агентом время тренировок может занять до одного месяца. Она будет включать два компонента. Большая часть этого заключается в том, как вы собираетесь уйти от наблюдения и безопасно добраться до нужного места. И это было то, над чем все мы работали в группе: планирование, выявление каких-либо недостатков в плане, подготовка письменного плана, его одобрение руководством и

так далее. Таким образом, это было то, над чем все мы трудились вместе.

А потом отдельно от всего этого, есть вопрос, что делать, как только началась встреча. Я должен был запомнить в случае с Воронцовым шестьдесят или семьдесят вопросов, а затем быть готовым задать другие возникающие вопросы. Вы знаете, при этом беседа с агентом может длиться до двух часов во время прогулки по улицам Москвы. Эта подготовка осуществлялась отдельно от подготовки к тому, как добраться и провести встречу.

Таким образом, это два момента, которые требуют довольно много времени. И я говорю «месяц», но это означает, что мы активно работали над этим более месяца, при этом занимались и другими делами в то же самое время. Нов целом я думаю, что подготовка занимала около месяца.

Во время встречи с Воронцовым у меня было с собой записывающее устройство, которое потом с гордостью демонстрировалось в КГБ во время моего ареста. Это был магнитофон, который мог сделать до трех часов записи. Я должен был запомнить все вопросы, и я должен был быть достаточно внимательным, чтобы задать другие соответствующие вопросы, а запись должна была быть осуществлена для подстраховки, чтобы ее затем проанализировали аналитики.

О встрече с Воронцовым и задержании КГБ

Стас был настоящим персонажем. Он был очень интересным, немного агрессивным, осмотрительным человеком. И на встрече в апреле 1985 года был момент, когда он вдруг вытащил баллончик и пластиковый пакет и начал распылять материал в прозрачный пакетик. И в конце концов, когда я увидел желтый цвет, я понял, что это было. Это была «шпионская пыль». Потому что мы видели ее раньше, мы знали, что она существует и ее используют. Мы время от времени видели, что она выглядит как пыльца на ручке двери нашего автомобиля или что-то типа этого. Так что как только я увидел цвет, я понял, что это было.

На самом деле он предоставил нам образец, который дал нам возможность в первый раз заполучить настоящий концентрированный порошок, а не маленькие крошечные его кусочки. Мы пытались

собирать образцы и раньше, но Стас был первым, кто дал нам возможность проанализировать ее («шпионскую пыль») с научной точки зрения.

Когда мы готовились к моей попытке встретиться с Воронцовым 10 марта 1986 года, дела у нас некоторое время шли плохо. Мы потеряли Толкачёва, там были и другие случаи, которые шли неважно. Был, с одной стороны, большой интерес к встрече с Воронцовым, потому что мы думали, что у него для нас могут быть некоторые ответы. Но было также большое беспокойство, что он тоже как-то уже был скомпрометирован.

Накануне встречи было много споров о том, следует или нет назначать встречу. Мы понимали, что существует возможность и даже, может быть, вероятность того, что дело могло быть скомпрометировано. Но у нас также было обязательство предупредить агента, если мы могли это сделать. Итак, я пошел на эту встречу, зная, что там, по крайней мере, был шанс, что она не закончится арестом.

Вот что происходило до встречи. В ночь встречи я предпринял столько шагов, сколько мог, чтобы посмотреть, смогу ли я определить до начала встречи какие-либо признаки слежки. Я был там на месте встречи задолго до ее начала, за час до назначенного времени. Я прошел через этот район, я заходил в многоквартирные дома, я изменил свою внешность, я оставался в многоквартирных домах и наблюдал оттуда. Я сделал все эти вещи, чтобы попробовать определить, смогу ли я обнаружить какие-либо признаки засады. И к их (КГБ) чести, я ничего не видел.

Я поднимался в здания, изменял свою внешность, но в этом конкретном случае я также пытался увидеть некоторые признаки подготовки к засаде. Но я ничего не видел. Наконец, в последний момент я расположился довольно далеко от места, которое было в арке, ведущей во двор. И у меня был прямой обзор за несколько сотен ярдов от него. И я ждал, пока я не увидел там Стаса. А потом я приблизился.

Когда я подходил к Стасу... Как только я подошел достаточно близко, чтобы увидеть его, я понял, почему я должен был осознать некий символизм. Когда я подошел к нему и начал говорить с ним, я заметил, что он, очевидно, потерял много веса, он плохо стоял на ногах, дрожал и опирался на стену. Как только я увидел это, я понял, что сейчас должно произойти...

А спустя секунды они накинулись на меня и арестовали. Таким образом, это было то, что, как я и ожидал, могло случиться.

Я знал, что, если это случится, я не буду предпринимать попытку побега. Я видел интервью Владимира Зайцева, в котором он заявил, что он был каким-то образом обеспокоен тем, что, возможно, я мог бы попытаться сбежать. И он был рад, что я не устроил состязание по бегу.

Я продумал все до конца, и я чувствовал, что они могли бы привлечь большие силы для ареста и что у меня не было какой-либо реальной возможности убежать. Я думал, что было более важно просто сохранять самообладание и делать свою работу, которая должна была быть выполнена после того, как начались аресты.

И я вам расскажу, что эта была за работа. Хорошо. У меня была ситуация, произошедшая на нашей тренировочной базе в Вашингтоне до отправки в Москву. (И снова это то, что ЦРУ рассекретило.) Она заключалась в том, что нас арестовали настоящие агенты ФБР. И они должны были задать нам множество вопросов и сделать так, чтобы нам казалось, что это арест настоящий.

Когда я учился в Вашингтоне, у ЦРУ было такое упражнение: нас без предварительного оповещения должны были арестовать во время нашей операции, которую мы осуществляли так, если бы мы были в Москве. Появились сотрудники ФБР: 20 или 30 агентов ФБР арестовали нас, очень грубо с нами обращались и допрашивали нас. Я думал, что с этим упражнением я справился хорошо. Я оставался спокойным, но когда все было закончено, то пришел наш дебрифер (производящий опрос) и начал задавать мне миллион вопросов. Сколько людей было в группе? Они были мужчинами или женщинами? Сколько было автомобилей? Что они взяли? и т. д. И я понял, что уровень адреналина был столь высокий, что я не получил всю информацию, которую я должен был получить.

В Москве 10 марта 1986 года, когда все начало происходить, я был уже готов, пройдя соответствующую подготовку. Итак, как только все начало происходить, я как будто включил видеокамеру в моем сознании, чтобы начать запись всех деталей, потому что они были очень важны. Я бы сказал так. Когда вы — офицер разведки и происходит такое, вы мгновенно становитесь офицером контрразведки, и ваша работа заключается в анализе того, что происходит вокруг вас во время ареста, попытке определить, насколько вы можете понять,

сколько они знают, что они знают, что они не знают и какие другие подробности вы можете получить, которые помогли бы аналитикам позже. Таким образом, я был очень занят во время моего ареста исполнением своих обязанностей, которые стали частью последующего расследования.

Да, я скажу что-то еще об этом тоже. Я пошел на встречу в ночное время, и я ожидал, что, вполне возможно, меня арестуют. *И у меня* было свое дело: во время моего ареста проанализировать, насколько это возможно, что происходит, что они знали, что они не знали.

Когда вас арестовывает КГБ и Вы — офицер ЦРУ, сотрудники КГБ, ваши коллеги, будут вспоминать о вас или хорошо, или плохо. И я чувствовал желание сделать все таким образом, чтобы принести пользу моей стране и себе и не продемонстрировать такое поведение, которое было бы... которое могло бы после возвращения заставить меня чувствовать, что у меня было много ошибок.

Все это время я делал свою работу, и КГБ следил за мной. И я знал об этом, но мы никогда не сталкивались лицом к лицу. Теперь я оказался в одной комнате лицом к лицу с Рэмом Красильниковым и другими (Владимиром Зайцевым и Сергеем Тереховым — я знаю их имена сейчас, но не знал их в то время). И это было важно для меня на личностном уровне — вести себя таким образом, чтобы принести пользу ЦРУ, своей стране, себе. И в то же время также (не скажу насладиться таким моментом, потому что это ужасный момент) пережить это. И пережить время, будучи лицом к лицу со своими противниками, с которыми до сих пор мы танцевали танцы теней. А теперь вдруг мы проводили время вместе в одном помещении. И этот аспект также крутился у меня на уме.

Рэм Красильников не был столь известен в 1985 году, каким он впоследствии стал, но он был уже хорошо известен нам. Таким образом, я был отчасти странным образом немного польщен. Он присутствовал на месте ареста, и он подошел ко мне и произвел формальный арест. И я подумал: «Ну, это довольно большое событие, я предполагаю, что оно имеет смысл». *И* в ходе допроса он обращался со мной очень прилично. И были моменты, когда камеры вели запись, а он играл свою роль и описывал все мои незаконные действия, которые я совершил. А в другие моменты мы общались, у нас был даже разговор, я полагаю, о советском хоккее против американского хоккея. Конечно, я

знал, что разговор был, вы знаете, направлен на то, чтобы посмотреть, был ли я готов поговорить. Но он был очень... он предстал передо мной очень умным, вдумчивым, без какой-либо грандиозной театральности, тем, кто уважал меня, а я уважал его.

На месте моего задержания, казалось, было 10 или 12 человек, которые все на меня навалились и затолкали в фургон. И когда меня посадили в машину где-то в середине задней части салона, я думаю, что в фургоне находились 8 или 10 сотрудников. И там был человек, который сидел на переднем сиденье. Я не знал, кем он был, но он, казалось, знал обо мне многое.

И он... Пока мы ехали в здание КГБ, он большую часть времени задавал мне вопросы, а также рассказывал людям в фургоне обо мне, о подробностях моей личной жизни. Он давал мне представление о том, как хорошо он знал, кто я. Я думаю, что знаю, кто был этот человек теперь, но в то время я этого не знал. Но, в конце концов, он...

(Ой, вы знаете, я забыл про первую часть. Поэтому позвольте мне вернуться, и я начну сначала. Да, я забыл, есть другая часть этого истории. Позвольте мне попробовать еще раз.)

Таким образом, когда я был арестован, они предприняли попытку обездвижить меня. Несколько человек подняли меня и затолкали меня в фургон. Меня посадили в середине задней части фургона, и там было около 8 или 10 человек. А на переднем правом пассажирском месте сидел человек, который, казалось, был руководителем этой группы. И сначала они, кажется, не были уверены, кто я такой. А потом в какой-то момент человек, сидящий на переднем сиденье, посмотрел на меня и сказал по-английски: «Калифорния — не мой дом». Это название песни, которую он слышал, как я играл на гитаре. А потом он протянул руку ко мне (а у меня были наклеены усы), оторвал усы и сказал по-русски: «А Миша, это Вы!»

Конечно, мне стало в тот момент немного смешно, но казалось, что это был тот момент, когда подтвердилось, что они не знали наверняка, кем я являлся. Это также было для меня интересно. Это означало, что они не были уверены на 100 % до того момента, чему, возможно, способствовала моя маскировка, они не знали наверняка, что это был я, поскольку, я полагаю, они не ждали, что это буду я.

Когда мы уже подъезжали к месту назначения, человек, которого, как я полагал, звали Сергеем Тереховым... (Здесь Селлерс ошибается,

этим человеком «с первого сиденья» был автор, В.Г. Клименко. — *Прим, авт.)*

Но мне было бы интересно узнать, действительно ли это был он, потому что в последнее время я читал интервью с Сергеем, и я знаю, что он был один из старших офицеров разведки по делу Воронцова. Я также видел его фотографии последних лет, и мне показалось, что это был он. Он был очень хорошо осведомлен обо мне. Он знал, что я играл в брумбол, что я бегал трусцой каждый день и что я ходил в театр, — и то, и другое, и третье. И он подробно рассказывал все это остальным сотрудникам в фургоне. В каком-то смысле казалось, что он просто немного веселится (для этого был подходящий момент, ведь они произвели арест). Но он также давал мне понять, насколько хорошо они были обо мне осведомлены. И я думаю, что это было подготовкой к тому, что происходило позже во время допроса.

Я был очень заядлым гитаристом, я писал песни, даже записал альбом. И я играл на своей гитаре все время в моей квартире. Я играл на ней в клубах. Вы знаете, что существовал Клуб при канадском посольстве и другие подобные места. И поэтому я думаю, что неудивительно, что он знал, что я играю на гитаре. Дело в том, что он знал одну из моих песен — и это была песня, которую я написал сам. Это было свидетельством того, что, возможно, они прослушивали мою квартиру, потому что я не играл эту песню в других местах.

Мы разговаривали о 10 марта. Есть еще что-нибудь об этом?

О, я знаю, у вас был вопрос: «Действительно ли они пытались завербовать меня?» Позвольте мне рассказать об этом. У нас все в порядке? Хорошо.

Во время моего задержания Рэм Сергеевич на самом деле сделал легкую попытку завербовать меня. Я видел интервью, в котором он заявил, что они «предложили мне место под солнцем». Я никогда не чувствовал, что это было очень серьезная попытка, но это была их работа, вы понимаете. И я сказал: «Большое спасибо, но я предпочитаю солнце в Калифорнии солнцу в Москве». И это все, что действительно произошло в этом отношении. Но я думаю, что во время задержания Красильников и его команда пытались прощупать, чтобы узнать, есть ли у меня какие-либо слабые места. А я пытался узнать, могу ли я получить от них больше информации, чтобы пролить некоторый свет на то, почему операция провалилась. Таким образом, с одной стороны, я

думаю, что все это происходило на нескольких уровнях. На одном уровне — то, что было сказано, на другом уровне — то, что было под наблюдением, и то, о чем думали с обеих сторон.

Когда произошел арест, не было точных... Нам не говорили, как я должен был себя вести. Но общим моментом, которому нас учили, было то, что мы не должны говорить по-русски, потому что, может быть, если вы не говорите на русском языке, а они говорят что-то и вы понимаете это, ну вы догадываетесь... Но в моем случае они знали, что я в то время говорил по-русски очень хорошо. Итак, я решил говорить с ними по-русски, так чтобы я мог...

Моя теория заключалась в том, что если бы мне удалось заставить их расслабиться, то, возможно, они бы рассказали о каких-то новых деталях. И они это сделали. Я имею в виду, что я узнал немного о том, что они знали и что они не знали. И этого было достаточно, чтобы помочь нам впоследствии в нашем анализе. Таким образом, в такой ситуации, вы понимаете, все работает на нескольких уровнях.

Я очень уважительно относился к их способностям. Я имею в виду, что они... Я не думаю, что наблюдалось какое-либо отсутствие уважения между двумя сторонами в те дни. Мы все были профессионалами, и мы все, я считаю, были патриотами своих стран. Да, у нас были разногласия, но у нас также были правила.

И мы, я считаю, играли по этим правилам и считали друг друга противниками, но не врагами.

И мы были в состоянии, я считаю, выполнять свои обязанности, вы понимаете, в хорошем смысле. Мы могли реализовывать поставленные задачи и выполнить свои дела в хорошем смысле с обеих сторон.

О КГБ и ЦРУ

Вопрос «Кто лучше?» или «Кто выиграл?»...

Рэм Красильников сказал, что контрразведка должна быть бдительной 365 дней в году, а шпионаж должен только нанести удар в нужное время. Мы ударили в определенное время, и нам сопутствовал успех. У меня было много операций, которые, как я думал, были успешными. И в то же время, в конце концов, я получил красную карточку и был отправлен обратно в Соединенные Штаты.

В целом в то время, в 1985 году, я бы сказал, что КГБ выигрывал, потому что они были в состоянии «тянуть» большинство наших

операций. Я хотел бы также отметить, что они сделали это с помощью Олдрича Эймса и Эдварда Ховарда, наших предателей, но и не потому, что они были не в состоянии скомпрометировать наши действия на улице. Таким образом, с точки зрения нашей борьбы на улицах, я бы назвал это ничьей.

Я считаю, что обе стороны делали свою работу хорошо, обе профессионально выполняли свои обязанности. КГБ сдерживал нас, поскольку он в действительности был хорош. Мы были в состоянии справиться только с определенным количеством дел. Мы не могли сделать столько, сколько мы хотели бы сделать, но мы добились успеха в организации наших встреч. Они были успешными в сдерживании нас, а мы добились успеха в работе с нашими агентами.

А потом из-за появления предателей все поменялось, где-то с конца 1985 года. Я думаю, что, если вы посмотрите на тот период времени, вы знаете, совсем другие... (Позвольте попробовать сначала. Я попытаюсь снова.)

Когда я впервые приехал в Москву, мы были на пике своей производительности. У нас был ряд агентов, ряд технических операций. Виктор Черкашин в своей книге признает, что ЦРУ в то время было действительно на подъеме. Мы находились на «выигрышной волне». Все изменилось. Сначала был разоблачен Толкачев, а затем последовали другие эпизоды. Конечно же, мы узнали, что это были Эдвард Ховард и Олдрич Эймс, которые имели к этому отношение. Таким образом, достигли ли мы поставленных целей? Мы достигли определенного уровня. У нас было много успешных операций, и в то же время мы столкнулись с катастрофическим поражением в конце по милости наших предателей в Вашингтоне, и поэтому я должен бы отдать им должное за это.

И, кстати, когда я упомянул Олдрича Эймса и Эдварда Ховарда, я не хотел умалять значение работы людей в Москве. Они должны были воспользоваться этими ориентировками, которые пришли от предателей. И потом они должны были изучить эти ориентировки, не афишируя их участие, иначе против них завели бы уголовные дела. Я отдаю им должное за все это. Но я также отдаю должное нашей стороне за то, что не было промахов на улицах, которые привели бы к компрометации нашей агентуры.

Провалы на улице были нашим самым большим страхом, потому что каждый раз, когда мы выходили и проводили операцию, конечно, мы чувствовали всю тяжесть ответственности, если бы что-то случилось. И для нас имело значение, откуда появились эти компрометирующие утечки. Они произошли по вине предателей.

О наружном наблюдении

Вы знаете, наблюдение КГБ в обычный день состояло из двух различных транспортных средств, шести или семи человек. Они не представляли собой большую проблему. Наблюдение можно обнаружить, если поехать на какое-то расстояние и заметить один и тот же автомобиль или одного и того же человека несколько раз в разных местах.

Настоящая проблема, с которой мы столкнулись, заключалась в том, что мы знали, что они имели возможность использовать до 20 или 30 автомобилей и привлекать до 40, 50 или 100 человек. А что бы вы сделали тогда? Поскольку это было бы очень, очень трудно обнаружить. Даже если они не делали этого, существовала угроза, что они могут сделать это, потому что мы знали, что они располагали такими ресурсами, мы знали, что у них была техническая возможность сделать это.

Таким образом, это на самом деле представляло собой сочетание ежедневного наблюдения, которое по нашим ощущениям мы могли распознать и которым мы могли манипулировать, но было и осознание того, что они всегда могли привлечь больше людей на улице и существенно затруднить нашу работу. Это был самый большой вызов.

О встречах с агентами в Москве

Один из самых [частых вопросов]: «Какие чувства Вы испытывали, когда вы собирались встретиться с агентом?» Мы уже немного говорили о чувствах. Момент выхода на встречу с агентом в Москве представлял собой своеобразный аналог премьеры для актера или, возможно, нечто большее. Вы ощущали большое бремя, сильное волнение, нервозность. Но во время переживания подобного опыта возникало ощущение, что ты был подготовлен. По крайней мере, у меня возникало чувство, что я изучил, что мне нужно было выяснить. И я...

В день операции адреналин лился через край. Приготовления были завершены, но нужно было подумать о большом количестве вещей. Кроме того, чтобы решить, как провести операцию, нужно было поразмышлять о том, что может пойти не так. Одним из самых важных моментов при подготовке является план возможных действий, если возникнут непредвиденные обстоятельства. И у вас есть представление о том, что вы собираетесь делать... И тем не менее очень важно, крайне важно не показывать никаких признаков нервозности или что-нибудь, что выглядело бы из ряда вон выходящим. Постоянно определять и запоминать все возможные точки (как, например, если вы едете из посольства, а милиционер сделал что-то), размышлять над целым рядом вещей.

Путь на встречу и заключительные моменты перед ней... они, я бы сказал, очень похожи на ощущения актера, который вот-вот выйдет на сцену с премьерой.

В моем случае я всегда должен был изучить все эти вопросы, но не только выучить их наизусть, но и ту информацию, которую они в себе несли, а также узнать достаточно много, чтобы иметь возможность задать новые вопросы. А потом наступало время «игры», время «выхода на сцену».

Теперь вы знаете, это здесь. Там всегда возникало ощущение, что что-то может пойти не так. Там всегда появлялось чувство, что вы могли бы всегда... вы бы увидели «тени», вы бы увидели «призраков» (мы их так называли) — вот что вы видите, когда вас почти «перекосило». Вы становитесь подозрительным, считая, что, возможно, за вами следят, а вы этого не видите, и вы должны преодолеть это чувство и довериться тренировкам. И, наконец, вы должны добраться до места встречи, сосредоточиться, быть здравомыслящим, задать все вопросы, сделать все, что нужно сделать, в то же время осознавая, что происходит вокруг вас, быть отзывчивым к агенту, быть чутким к его личным потребностям, потому что это действительно очень напряженное для него событие. А когда встреча завершена, то для вас она еще не закончена, потому что вы все еще должны успешно вернуться назад и сделать все, чтобы КГБ не узнало, что что-то произошло.

Так что это была очень интересная и важная работа. Я бы просто описал это как нечто очень интенсивное, очень сложное, очень похожее

на актерскую игру, также очень приятное в конце, когда вы добились успеха и пережили все это в полном порядке и без потерь.

Рэм Красильников, рассуждая о методах нашей работы, говорит немного о «бреши», и это правда. Это момент, когда ваш маршрут, будь то пешком или на автомобиле, побуждает вас «выпасть» на мгновение из поля зрения наружного наблюдения. Мы использовали его в методиках различных типов.

Один из методов, о котором мы говорили, называется «Джек в коробочке». Он заключается в том, что сотрудник выходит из машины в момент «бреши», а вместо него устанавливается манекен. **Я** бы не сказал, что мы использовали этот метод часто, потому что он не так хорошо работает. Он хорошо работает, чтобы уйти из-под наблюдения, но важно, чтобы слежка не заподозрила неладное позже. Крайне сложно поддерживать выдумку с манекеном долгое время. Так что, если я выйду из машины и уйду, а через 15 минут наблюдение выяснит, что в машине сидит манекен, а не я, они могут запросить подкрепление и попытаться вновь меня обнаружить.

Поэтому мы использовали это не очень часто. Но были и другие методы, о которых мы еще не можем говорить. Мы и их использовали в «бреши»...

От автора

О Майкле Селлере из открытой печати известно, что он с отличием окончил университет штата Дэлауэр, а затем отправился учиться в киношколу Нью-Йоркского университета, после чего начал карьеру в Голливуде. Там он и был завербован ЦРУ и служил в качестве тайного сотрудника ЦРУ в течение десяти лет, выполняя задания в Восточной Европе, Африке, Москве и на Филиппинах.

На Филиппинах он помог тогдашнему президенту Корасон Акино выжить во время попытки государственного переворота в декабре 1989 года, за что был удостоен Благодарственной медали ЦРУ. В 1990 году он покинул ЦРУ и вернулся к карьере кинопродюсера и режиссера фильмов. Он выступил продюсером 20 независимых фильмов, пять снял как режиссер. Его режиссерская работа была высоко оценена, Майкл выиграл несколько престижных премий.

В 2012 году он начал писать книги. Это стало его творческой реализацией, его научно-популярная книга «Джон Картер и боги Голливуда» занимала первые строчки рейтинга в разделе «Кино/История/Критика» на Amazon в течение месяца.

Майкл Селлерс является автором книги «Год шпионов» («Year of the Spy»). Это документальный очерк о громких шпионских событиях, которые проходили на улицах Москвы в 1985 году, в самый бурный период в истории холодной войны и шпионажа.

В релизе к ней имеется следующая информация: «Книга написана бывшим сотрудником ЦРУ, который работал в Москве, и его личный опыт взаимодействия с КГБ является частью большой истории, которая рассказывается в книге. В начале 1985 года ЦРУ успешно “ведет” десяток высококлассных советских агентов в Москве. Однако в ЦРУ не знают об Олдриче Эймсе, Эдварде Ли Ховарде и Клейтоне Лоунтри — американцах, которые работают на КГБ и “сдают” им информацию об операциях ЦРУ. Встряска, последовавшая за этим, была беспрецедентной. Когда правда открылась, более десяти советских агентов ЦРУ были арестованы, осуждены и казнены. Автор книги Майкл Селлерс прибыл в Москву в 1984 году и был членом небольшой группы специально обученных сотрудников ЦРУ, которых обвинили в проведении операций против КГБ на советской территории. Он оказался в самом центре событий, которые первоначально являлись тайной, затем развернулись напряженной драмой и в конце концов вылились в ошеломляющую трагедию».

Интервью с Майклом Селлерсом весьма примечательно, но обо всем по порядку. Я думаю, читатель согласится, что в своем интервью Селлерс проявил себя и как писатель, и как сценарист, и как хороший рассказчик. На мой взгляд, это самое откровенное интервью, которое когда-либо давалось сотрудником ЦРУ, работавшим ранее в Москве, где так подробно излагались бы вопросы профессиональной подготовки разведчика, тактики проведения операций по связи с агентами, организации личных встречам и задач, решаемых в ходе этих встреч, способов ухода от наружного наблюдения, использования средств маскировки, подмены личности и «Джека из коробочки».

Его рассуждения о КГБ и ЦРУ соответствуют позиции большинства сотрудников ЦРУ, которые высказывались по этому вопросу, — уважительное профессиональное отношение друг к другу

при понимании того, что мы в мире главные противники. О «Московских правилах» Бартон Ли Гербера Селлерс из всех интервьюированных сотрудников ЦРУ высказался кратко, но, пожалуй, наиболее емко: «Работа в Москве против КГБ — это самый большой вызов... В Москве вы все время находитесь под наблюдением... В Москве для вас самый высокий уровень опасности».

Задачи, стоявшие перед ЦРУ в Москве, Селлерс определяет очень четко — это, во-первых, организация встреч с агентами ЦРУ и, во-вторых, проведение мероприятий в области технической разведки. Я хотел бы подчеркнуть, что его высказывание на эту тему полностью совпадает с нашим знанием о том, чем занималась посольская резидентура ЦРУ в Москве.

Очень интересно и красочно Селлерс рассказывает о своем пребывании в Москве. Ему, безусловно, пригодились его актерское и режиссерское образования. Для него вся жизнь в Москве — игра. И днем и ночью ни минуты покоя, постоянное напряжение, проверка от слежки, маскировка своих действий, отвлечение внимания, введение в заблуждение, игра различных ролей — вот это и есть жизнь разведчика в понимании Майкла Селлерса.

Особо я хотел бы выделить откровения Селлерса о средствах маскировки, этапах маскировки и обмене идентичностями с дипломатами, не имевшими никакого отношения к американской разведке. Все это в совокупности многие годы работало безотказно, позволяя разведчикам исчезать из поля зрения КГБ, становиться «невидимками» и затем появляться из ниоткуда. Здесь надо отдать должное мастерству исполнителей «театра одного актера», смекалке организаторов переодевания и маскировки, техническим специалистам, изготовителям масок и камуфляжей — целая киношная индустрия, в которой Майкл Селлерс чувствовал себя как рыба в воде.

Селлерс откровенно рассказывает о процессе подготовки резидентуры к очередной личной встрече разведчика с агентом, что дает профессионалам представление о том, как в целом работает резидентура в ежедневном режиме, как идет процесс создания условий для проведения операций по личному контакту с источником или по закладке тайника.

На моей памяти впервые бывший сотрудник ЦРУ так подробно рассказывает о том, как он готовился к личной встрече с агентом

(Воронцовым), и обо всех этапах проверки перед контактом с Воронцовым (обмен идентичностями, несколько смен маскировки и масок, заход в многоквартирные дома и т. д.).

Процесс задержания он описывает достаточно объективно. Я руководил его задержанием на месте встречи с Воронцовым, его доставкой в микроавтобусе в здание КГБ, отобрал головной убор с париком, портативный магнитофон, в автобусе отклеил и снял с него искусственные усы и пытался разговаривать с ним. Селлерс внимательно наблюдал за тем, что происходит вокруг него, и, как мне показалось, достаточно снисходительно и даже доброжелательно изучал окружающую обстановку.

Заключительная часть интервью Селлерса посвящена, очевидно, тому, что ему самому очень нравилось, — личным встречам с агентами в Москве. По-моему, он был увлечен самим процессом организации таких операций и участием в их реализации. Он до мозга костей был актером Голливуда, наслаждаясь своей собственной игрой и зрителями, которые соответствующим образом оценивали его мастерство и аплодировали, аплодировали... Насколько я помню, у него был веселый нрав, его манера поведения располагала к общению, и он был просто симпатичным парнем, хотя и из команды главного противника.

Прощаясь с Москвой и будучи уверенным в том, что на Красной площади он находится под наружным наблюдением, Майкл Селлерс демонстративно оставил на Лобном месте как бы в подарок для КГБ на память о себе диск «Калифорния — не мой дом» с записями собственных песен в авторском исполнении.

Он до последнего оставался актером, хорошим актером, безусловно отыгравшим роль, сценарий для которой ЦРУ и он сами для себя и написали.

Глава одиннадцатая

Задержание и разоблачение агента ЦРУ Леонида Полещука

КГБ СССР об аресте агента ЦРУ Леонида Полещука Москва, 1986 год

В практике первого отделения Первого отдела В ГУ КГБ СССР в 1985 году была памятная многим ситуация, когда с поличным задержали не американского разведчика, а советского гражданина, в отношении которого контрразведка до задержания не имела никаких уликовых материалов. Мы вышли на него исключительно благодаря созданной первым отделением совместно с Седьмым управлением КГБ СССР системе контроля сотрудников московской резидентуры ЦРУ.

В один из дней июля 1985 года в ходе высококонспиративной работы за посольской резидентурой ЦРУ, создававшей для американцев видимость, что за ними не ведется наружное наблюдение, в поведении разведчика-агентуриста Пола Залуцки были выявлены признаки его подготовки к проведению операции по связи с агентом.

Нам удалось скрытно, без сопровождающего наружного наблюдения, определить его местонахождение в северо-восточном районе Москвы. Затем, после его выезда из этого района, там был организован поиск тайниковых закладок в заблаговременно выделенных и поставленных нами на учет местах.

В результате поиска, проводившегося силами Седьмого управления КГБ совместно с первым отделением Первого отдела В ГУ, недалеко от железнодорожной платформы «Северянин» в проезде Серебрякова мы обнаружили спрятанный под одной из опор линии электропередач шпионский тайниковый контейнер в виде большого искусственного булыжника, по всем известным в КГБ признакам изготовленного в ЦРУ. Контейнер мы конспиративно изъяли и аккуратно вскрыли. В нем оказалась инструкция ЦРУ для неизвестного нам агента и деньги в сумме двадцати тысяч рублей. Сам тайниковый контейнер и его содержимое процессуально задокументировали в рамках срочно возбужденного уголовного дела, после чего булыжнику придали первоначальный вид и возвратили на прежнее место. По

содержимому контейнера, так как в нем кроме денег ничего не было, определить конкретно, кому он предназначен, и идентифицировать агента ЦРУ из числа советских граждан не представлялось возможным. Для задержания неизвестного контрразведке агента ЦРУ в сжатые сроки были подготовлены мероприятия по конспиративному контролю района, где обнаружили тайник. Круглосуточно дежурила группа захвата.

2 августа 1985 года, через две недели засады, в контролируемый нами район на автомашине «Волга» приехал коренастый мужчина средних лет. Он подошел к месту закладки с хозяйственной сумкой, поднял булыжник, отошел на некоторое расстояние в сторону и перепрятал камень в кустах, проверяя, не обратит ли кто-то внимание на его действия. Мужчину задержали.

В процессе разбирательства выяснилось, что это сотрудник КГБ СССР, подполковник Первого главного управления Леонид Полещук, приехавший недавно в Москву в отпуск из загранкомандировки, где работал в посольстве СССР в Нигерии. При задержании и на первых допросах, несмотря на захват с поличным при изъятии контейнера, Полещук нелепо защищался, рассказывая, что к платформе «Северянин» он приехал для встречи с некой девушкой, чье имя и адрес он просто запомнил. А что касается камня, то он якобы понадобился ему, чтобы подложить под колесо автомобиля, чтобы «Волга» не откатывалась назад, хотя в багажнике его машины для этого имелись специальные деревянные клинья.

Длительное время, находясь под следствием в Лефортовском Следственном изоляторе КГБ, Полещук категорически отрицал свою преступную связь с американцами, но все же под влиянием неопровержимых вещественных доказательств был вынужден сознаться в своей шпионской деятельности в пользу США. При задержании у него обнаружили два рукописных листка бумаги, на одном из которых была изображена сделанная его рукой схема Москвы в районе железнодорожной платформы «Северянин», где крестиком им было отмечено место заложенного американцами тайника у опоры ЛЭП, а на другом — место предстоящей постановки условного графического сигнала об успешном изъятии тайника — Полещук на следствии не смог вразумительно объяснить их предназначение.

Но главной его и ЦРУ ошибкой стало то, что рукописная схема района закладки тайника была скопирована Полещуком не с советской карты, а с изданной несколько лет назад (еще до 1985 года) в Соединенных Штатах на английском языке, сброшюрованной в буклет карты Москвы, составленной ЦРУ с привлечением опытных американских картографов и с помощью космической фотосъемки, исключительно для внутреннего использования посольством США и резидентурой. На американской карте, так же, как и на схеме, сделанной собственноручно Полещуком, улица, где Пол Залуцки оставил тайник, значилась не как проезд Серебрякова, а под ее прежним названием — Бескудниковская ветка, на что американцы, очевидно, не обратили внимания, а Полещук о переименовании улицы просто-напросто не подозревал.

Когда арестованному Полещуку на следствии предъявили имевшуюся в нашем распоряжении карту Москвы на английском языке, которой пользовались американские дипломаты, с названием улицы Бескудниковская ветка, затем карту современной Москвы советского издания, где та же улица фигурировала как проезд Серебрякова, он начал давать признательные показания и сообщил, что деньги предназначались ему и переданы через тайник американцами — представителями ЦРУ. У него впоследствии обнаружили: кожаный футляр для очков с вшитым в него планом конспиративной связи ЦРУ с ним в Москве и таблетки для проявления тайнописи, замаскированные под лекарство от малярии.

В ходе следствия мы установили, что в 1974 году Леонид Полещук, направленный в свою первую заграничную командировку в посольство СССР в Катманду (королевство Непал), в клубе для иностранцев познакомился с американским дипломатом Беллингхэмом, который в то время являлся резидентом ЦРУ в Непале. Будучи по натуре игроком и любителем острых ощущений, Полещук пристрастился к игре в казино, растратив не принадлежавшие ему деньги (он взял их из кассы резидентуры ПГУ КГБ). Не сумев своевременно возратить деньги в кассу, он не нашел ничего лучшего, чем обратиться в посольство США к сотруднику ЦРУ Беллингхэму за помощью в возмещении этого долга. Американцы охотно помогли ему и, разумеется, не безвозмездно. Его завербовали в качестве агента и организовали успешную работу с ним в Катманду.

Перед возвращением Полещука в СССР в 1975 году ЦРУ снабдило его инструкциями по связи в Москве, заданиями, средствами тайнописи и шифровальными таблицами. Однако, возвратившись в Москву и боясь разоблачения, Полещук отказался от контактов с ЦРУ на территории СССР, не изъял предназначенный для него тайниковый контейнер и уничтожил все переданное ему американцами шпионское снаряжение.

В очередную загранкомандировку Полещук выехал через десять лет, в феврале 1985 года, в Нигерию, где через некоторое время по своей инициативе посетил посольство США в столице Лагосе и успешно восстановил контакт с американской разведкой. С сотрудниками ЦРУ Паундом и Шо он регулярно проводил встречи на виллах и в автомашинах американцев. В связи с предстоящим отъездом в отпуск в Москву Полещук обратился с настойчивой просьбой к ЦРУ снабдить его деньгами для приобретения во время отпуска новой квартиры. Американцы согласились с его просьбой, но с условием, что он не повезет деньги через границу, а получит их через тайник в Москве. Этим они преследовали цель, с учетом десятилетнего перерыва агентурных контактов с ним на территории СССР, приучить агента к работе с тайниками в Москве, гарантировав ему безопасность после его возвращения из командировки.

Именно этот тайниковый контейнер, заложенный сотрудником ЦРУ Полом Залуцки для Полещука, и был обнаружен нами в проезде Серебрякова. Таким образом был разоблачен очередной агент ЦРУ из числа сотрудников советской разведки, согласившийся работать на американцев из меркантильных соображений.

ЦРУ о деле Полещука

В Лэнгли 14 сентября 1985 года стало известно о том, что в Москве задержали какого-то офицера КГБ при попытке забрать пакет, оставленный для него ЦРУ. Вскоре выяснили, что этим офицером КГБ был Леонид Полещук, имевший в ЦРУ псевдоним «Вейн». Его куратором в Лэнгли была Сэнди Граймс.

Граймс — привлекательная блондинка попала в Лэнгли в 1967 году сразу же по окончании колледжа и достаточно уверенно пробилась в высшие слои преимущественно мужской бюрократической структуры ЦРУ благодаря трудолюбию и смекалке, качествам, которыми

зачастую на могли похвастаться коллеги-мужчины. Ее первый контакт с Полещукром произошел в начале 70-х, когда он проходил службу офицером политической разведки КГБ в Непале.

Полещук, хитрец, красавец и повеса, поставлял Управлению незначительную, но весьма полезную информацию в обмен на карманные расходы. В то время Граймс выполняла офисную работу в Лэнгли, отвечая за то, чтобы резидентуре ЦРУ в Катманду было достаточно наличных на оплату услуг Полещука, и по окончании командировки ему выдали комплект шпионского оборудования. Полещук обещал, что будет держать связь с ЦРУ, но, вернувшись в Москву, немедленно избавился от «шпионского комплекта».

Более десяти лет Управление не имело от него вестей. Однако в начале 1985 года он «всплыл» в советском посольстве в Лагосе, Нигерия, в новой должности руководителя контрразведки. Как ни в чем не бывало он пришел в посольство США и предложил возобновить шпионаж. Граймс, которая к тому времени уже вела дела по операциям Советского Союза и стран Восточной Европы, была в восторге от того, что Полещук вернулся. В Катманду он практически не имел доступа к большому объему секретной информации, теперь же, благодаря своей работе в контрразведке, стал для ЦРУ весьма желательным источником. ЦРУ не могло похвастаться обилием агентов в советской контрразведке, к тому же Граймс знала, что Полещук — перспективный сотрудник. По окончании службы в Африке он, несомненно, займет пост в московской контрразведке ПГУ и сможет предоставлять Управлению важнейшие сведения.

В мае 1985 года Полещук объявил, что должен уехать в Москву в отпуск. Ежегодно КГБ разрешал своим офицерам кратковременный отдых в СССР. Полещук не терпелось получить от ЦРУ деньги, но он не решался ввозить их в страну контрабандой. Именно тогда Граймс предложила оставить для него двадцать тысяч долларов в рублях в тайнике в Москве. Она была уверена, что рано или поздно Полещука отзовут и он будет очень полезен для ЦРУ, если только опять не выбросит все оборудование и не исчезнет на десять лет. Эти деньги, по ее мнению, были шансом для Лэнгли доказать, что Управление может беспрепятственно работать у стен Кремля, не подвергая риску своего агента.

Рик Эймс не согласился с Граймс, утверждая, что давать Полещуку деньги через тайник в Москве слишком рискованно. Но начальник в то время отдела по Советскому Союзу и странам Восточной Европы Бартон Гербер и его заместитель Милтон Бирден поддержали Граймс, и она передала офицеру ЦРУ в Москве указание приступить к выполнению операции с тайником.

В Измайловском парке для Полещука была оставлена закладка в виде камня, набитого деньгами (место закладки указано ошибочно. — Прим. авт.). В качестве дополнительной меры предосторожности Граймс предупредила московских сотрудников, что в закладке не должно быть записки. На тот случай, если Полещука задержат, он мог бы притвориться, что нашел камень случайно, или заявить, что это плата за какую-то незаконную деятельность, не имеющую, однако, отношение к шпионажу. Кроме того, она запретила сотрудникам резидентуры проверять, забрал ли агент камень. Это вдвое увеличивало бы опасность ареста офицера ЦРУ. Если Полещук не придет за «камнем», то 20 тысяч долларов останутся лежать на земле.

2 октября Граймс получила телеграмму из Москвы, подтверждающую ее худшие опасения. Сотрудники КГБ арестовали Полещука, когда он подбирал камень. Когда ЦРУ получило подтверждение ареста Полещука, от источников в Москве поступило по крайней мере три различных объяснения его провала.

Согласно первой версии Полещук отправился изымать закладку (камень) в состоянии алкогольного опьянения. По второй — он попался на глаза КГБ, потому что в тот день в парке проходила молодежная конференция и количество патрулировавших его офицеров госбезопасности было удвоено. Наконец, Управлению сообщили, что КГБ выследил офицера ЦРУ, спрятавшего в парке камень с деньгами. Возле тайника была устроена засада, в которую попал Полещук. Какая из версий соответствовала истине, никто не знал.

Бирден о Полещуке

Полещук был подполковником контрразведывательной службы ПГУ КГБ, приехавшим в отпуск из Лагоса, где он находился в служебной командировке. Когда его задержали, он театрально, но не очень убедительно разыграл невинность. Он заявил, что приехал на

платформу «Северянин» для встречи с женщиной, но отошел в сторону помочиться, и его ошибочно арестовали. Оправляясь на камни у стальной опоры линии электропередачи, он внезапно вспомнил, что забыл подложить крупный камень под заднее колесо автомобиля, на котором он приехал. У него якобы барахлил ручной тормоз, объяснил он, надеясь разрешить на месте это «маленькое недоразумение».

Полещук, однако, не мог вспомнить имя женщины, с которой собирался встретиться. К тому же в багажнике его автомобиля были обнаружены специальные деревянные клинья для подкладки под колеса. По словам Полещука, он просто забыл об этих клиньях, так как только что возвратился из длительной командировки и давно не заглядывал в багажник.

Окончательно его судьба была решена несколько позже, уже во время следствия, когда было обнаружено, что исполненный им от руки план места тайника был срисован с американской карты, используемой только гражданами США и работниками посольства США в Москве. Улица, где был заложен тайник, на плане Полещука имела старое название, как на американской карте, тогда как она была давно переименована. Кроме того, у него при обыске обнаружили и другую карту, на которой было отмечено место, где надо было поставить сигнал об изъятии тайника.

Первый допрос Полещука провел председатель КГБ Чебриков. Шпионская карьера подполковника Леонида Полещука в ЦРУ началась в 1974 году, в первые годы разрядки, когда правила поведения советских разведчиков за рубежом были несколько смягчены и им были разрешены более широкие контакты с американскими дипломатами и даже с работниками ЦРУ. Пользуясь новыми возможностями, Полещук стал посещать бары Катманду, столицы Непала, где он находился в первой командировке. Он быстро обратил на себя внимание местного резидента ЦРУ Беллингэма, который постарался использовать его склонность к спиртному и азартным играм в казино.

Вскоре Полещук оказался в классической западне. Пытаясь отыграть в казино, он запустил руку в кассу резидентуры, чтобы покрыть растрату, прежде чем ее заметит начальство. Полещук согласился взять деньги взаймы у американцев и стал шпионом, погасив тем самым свой долг. Когда срок командировки Полещука в Катманду стал подходить к концу, он согласился на подготовку к

«внутренним операциям в Москве», и его снабдили средствами тайнописи. Перед отъездом ему было сказано: в течение года не предпринимать попыток восстановления связи и постараться получить назначение с хорошим доступом к секретным сведениям. Через год Полещук должен был дать о себе знать, появившись в определенное время на конкретном перекрестке в меховой шапке, приобретенной им в Катманду, и с кожаной сумкой через плечо. Для проезжающего мимо работника ЦРУ это будет сигналом того, что он жив. После этого начнутся операции по связи. Были предусмотрены запасные даты этого сигнала, а также несколько почтовых открыток, которые Полещук мог отправить ЦРУ в качестве сигнала готовности к приему предназначенных для него односторонних радиопередач. ЦРУ знало, что Полещук может выполнить все эти условия и быть под контролем КГБ, но это был риск, с которым приходилось считаться, когда речь шла о работе с агентом в Москве.

Полещук в обусловленное время ни на одном из мест «сигнала жизни» не появился. ЦРУ также не получило от него ни одной открытки. Возвратившись домой, Полещук уничтожил все полученные от американцев условия и средства связи и решил, что его отношения с американцами закончились навсегда. Он сжег все, что могло гореть, закопал в землю остальное и решил, что об этом никто никогда не узнает. В Советском отделе ЦРУ считали, что он просто струснул. Конечно, он мог и провалиться, но таких признаков не было. В Лэнгли его занесли в категорию «неактивный, находящийся в контрольном списке». ЦРУ оставалось ждать, пока Полещука снова отправят в загранкомандировку.

Одиннадцать лет спустя, в феврале 1985 года, Полещук появился в Лагосе, Нигерия, в качестве работника линии «КР» (контрразведка) посольской резидентуры КГБ. Вскоре ЦРУ уже включило его в работу. Большинство встреч с ним в Логосе ЦРУ проводило, подхватывая его в машину, но иногда проводились и более продолжительные встречи на одной из местных конспиративных квартир. Как и в Катманду, информация Полещука о местных операциях КГБ не представляла большого интереса, но ЦРУ, как и прежде, надеялось, что этого шпиона удастся убедить работать в Москве.

Такая возможность представилась в апреле 1985 года. Полещук сообщил, что получил письмо от родителей, которые известили его о

большой удаче. В расположенном неподалеку от их места жительства кооперативном доме продавались квартиры, и Полещук мог бы купить квартиру за 20 тысяч рублей. Он рассказал ЦРУ, что уже несколько лет искал как раз такую квартиру неподалеку от своих родителей и, уезжая в Африку, попросил их, чтобы они продолжили поиск. Он также сообщил, что посольство уже предоставило ему отпуск, но единственная проблема состояла в том, что у него не было требуемой суммы денег на приобретение квартиры. Полещук пояснил, что если ЦРУ даст ему деньги, то он спокойно может взять их с собой в Москву, поскольку его не подвергают досмотру.

Советский отдел согласился с Полещуким с некоторыми оговорками. ЦРУ увидело в этом шанс принудить Полещука выйти на связь в Москве. Раньше он приводил массу причин, по которым не смог выйти на связь в Москве после возвращения из Катманду, но было ясно, что ему просто не хотелось рисковать. На этот раз ЦРУ решило, что у него есть хороший предлог убедить Полещука провести в Москве тайниковую операцию и таким образом заставить его работать по американским правилам — он мог получить 20 тысяч рублей, которые по курсу того времени равнялись 30 тысячам долларов, только через тайник в Москве. Работники ЦРУ убедили Полещука, что будет слишком рискованно везти 20 тысяч рублей через таможенню аэропорта Шереметьево. Гораздо безопаснее получить их через тайник после того, как он «чистым» приедет в Москву. В конце концов Полещук согласился, и к 10 мая ЦРУ подобрало для него тайник, который можно было использовать в этой операции.

В тот вечер, когда работник ЦРУ оставил для Полещука «камень», наполненный деньгами, заместитель Красильникова Валентин Клименко пустил за этим работником (Пол Залуцки) около 20 машин наружного наблюдения и более 40 сотрудников. Работая такими большими силами, служба наружного наблюдения могла вести слежку с дальних дистанций, не приближаясь более чем на 500 метров. После того как была зафиксирована закладка тайника, оставалось лишь ждать, кто за ним придет. КГБ позаботился о том, чтобы до ЦРУ дошла информация, что провал Полещука произошел благодаря хорошей работе службы наружного наблюдения и Второго главного управления.

В Вашингтоне, Бонне и, может быть, еще в других загранточках офицерам КГБ говорили, что находящийся в нетрезвом состоянии подполковник КГБ был арестован после того, как установленное за ним наблюдение зафиксировало обработку им тайника. Эта информация через агентов ЦРУ в этих резидентурах вскоре дошла до американцев, однако ЦРУ всегда в ней сомневалось. Может быть, эта версия была дезинформацией КГБ? Как случилось так, что нужная Полещукку квартира неожиданно появилась на рынке? Не было ли это специальным трюком, чтобы заманить его в Москву?

От автора

Дело Полещукки, оперативный псевдоним ЦРУ «Вейн», — это была наша профессиональная гордость. Представь себе, читатель, — Москва, огромный город площадью в то время 900 квадратных километров. В городе передвигается на автомобиле и предпринимает меры по агрессивной проверке сотрудник резидентуры ЦРУ Пол Залуцки, но он не видит за собой наблюдения, потому что в обычном понимании значения этого слова «наружки» за ним просто нет. Но контрразведка, тем не менее, знает и направления его движения, и регионы посещения (при отсутствии в то время средств видеоконтроля на улицах Москвы).

После того как разведчик спокойно возвращается домой, контрразведка совместно с Седьмым управлением КГБ, зная, где и что искать, находит на северо-востоке Москвы в проезде Серебрякова под опорой одной из вышек ЛЭП камень-валун, по всем внешним признакам схожий с другими подобными тайниковыми контейнерами, изготавливаемыми техническими специалистами Лэнгли.

На место этого камня был положен настоящий камень, имевший некоторое сходство с оригиналом, а сам валун был изъят и аккуратно вскрыт в лабораторных условиях. В валуне кроме денег в сумме 20 тысяч рублей не оказалось никаких уликовых материалов, которые указывали бы на лицо, которому деньги были предназначены. В сжатые сроки были созданы закрытые позиции для наблюдения за местом обнаружения тайникового контейнера и размещения групп захвата, а сам валун был возвращен на место его обнаружения под опору ЛЭП.

Напряженное ожидание сковывало всех участников операции. Время шло, но никто к тайнику не приближался.

Засада длилась две недели. Наконец за тайником пришел Леонид Полещук, к нашему громадному удивлению, оказавшийся коллегой — сотрудником управления «К» (внешняя контрразведка) Первого главного управления КГБ СССР. Из всех задержанных контрразведкой агентов ЦРУ и помещенных в Следственный изолятор КГБ Полещук оказался «самым тяжелым» подследственным. Он категорически отрицал связь с ЦРУ, юлил и изворачивался, не признавал очевидные факты, отказывался отвечать на вопросы, все сводил к стечению обстоятельств. Но итог читатель знает — под тяжестью и неопровержимостью уликовых материалов Полещук в конце концов был вынужден сознаться во всем и дать подробные признательные показания по всем этапам своего преступного сотрудничества с ЦРУ.

Я присутствовал на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР. Полещук в суде подтвердил все свои показания, данные на предварительном следствии, и полностью признал свою вину. У него не было иллюзий по поводу предстоящего приговора, хотя он и попросил суд о снисхождении. Полещук был приговорен к смертной казни.

Глава двенадцатая

Захват с поличным сотрудника ЦРУ Эрика Сайтса

**КГБ СССР о задержании сотрудника ЦРУ Эрика Сайтса
Москва, 1986 год**

7 мая 1986 года в Москве на Малой Пироговской улице во дворе дома № 22 в 21.15 во время личной встречи с источником из числа российских граждан, завербованным американской разведкой, был задержан сотрудник ЦРУ Эрик Сайтс, работавший в посольстве США под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны. Этот источник, на контакт с которым вышел Сайтс, агент ЦРУ, которому американцы присвоили псевдоним «Истбаунд», ранее пришел с повинной в Комитет госбезопасности и согласился участвовать в комбинации по задержанию американского разведчика.

Прибытию американца к месту встречи предшествовали длительная, вместе с женой Урсолой, проверка на автомашине по городу, его «выброс» из автомобиля и последующее длительное передвижение по Москве пешком и на городском транспорте. Урсула Прайс после высадки мужа в заранее обусловленном плане операции месте уехала в другой район города, продолжая проверку, и на Кастанаевской улице безрезультатно дожидалась его возвращения.

Задержание американского разведчика прошло по отработанной годами схеме: группа захвата с участием оперработника первого отделения Первого отдела В ГУ жестко блокировала американца, лишив его возможности сопротивляться и делать какие-либо манипуляции. Эрик Сайтс был обыскан тут же, в момент задержания, а затем в приемной КГБ СССР. У него изъяли предназначенные для передачи агенту деньги и инструкции ЦРУ, спрятанные в записной книжке, а также другое шпионское снаряжение: электробритву «Харьков» с замаскированным в ней миниатюрным фотоаппаратом, письменный подарочный набор с тайником для мини-фотоаппарата и несколько писем на подставные адреса в США, на обратной стороне которых тайнописью надо было наносить зашифрованные сообщения. После официального разбирательства в приемной КГБ с участием

представителей Министерства иностранных дел СССР и посольства США документы и личные вещи, как это всегда делается в подобных случаях, возвратили американцу, а он сам через некоторое время покинул СССР.

СМИ сообщили: «7 мая в г. Москве при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином задержан с личным сотрудником аппарата атташе по вопросам обороны при посольстве США в Москве Эрик Сайтс. Сорвана крупная шпионская акция спецслужб США против Советского Союза. При задержании и в ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого сотрудника американского посольства в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные шпионские действия Э. Сайтс объявлен персоной нон грата. По делу агента американской разведки ведется следствие».

ЦРУ о Сайтсе

8 мая в Лэнгли стало известно, что 7 мая в Москве был арестован Эрик Сайтс, официально занимавший должность атташе посольства США, при попытке выйти на связь со шпионом ЦРУ по кличке «Истбаунд». В свое время Второе главное управление получило сигнал об ученом, занимавшемся разработкой радаров, и в конце концов установило его. Вместо того чтобы просто арестовать выявленного шпиона, КГБ постарался повернуть эту ситуацию против американцев. В конструкторском бюро, где работал агент, распространили слух: есть подозрение, что американская разведка проникла в бюро, но если шпион придет с повинной, он может рассчитывать на «известное снисхождение». Это сработало, агент сознался и стал сотрудничать с КГБ. В том числе и в организации засады для американского разведчика в жилом квартале на Малой Пироговской улице.

Служба наружного наблюдения и контрразведка наблюдали, как американский разведчик в конце рабочего дня направился домой и стал тщательно проверяться от наружного наблюдения. Убедившись, что он «чист», разведчик еще проверился пешком и... пошел прямо в западню КГБ.

Позже бледный и притихший наш оперработник без комментариев наблюдал, как содержимое его сумки раскладывалось на столе. Там были электробритва «Харьков» с замаскированным в ней миниатюрным фотоаппаратом, несколько заранее написанных писем, как бы направленных американцами их родственникам и друзьям в США. Агент должен был использовать эти письма для поддержания связи с разведкой путем нанесения тайнописи на оборотной стороне писем. В записной книжке было спрятано разведывательное задание по сбору секретных сведений (вопросы ЦРУ) о конструкторском бюро.

Лишь спустя несколько лет ЦРУ обнаружит, что «Истбаунд» был подставой КГБ, который завербовался с целью разоблачить сотрудника ЦРУ и дезинформировать противника.

От автора

Я лично вместе с группой захвата задерживал Эрика Сайтса, так же как ранее и Майкла Селлера. В отличие от Селлера, который повел себя дружелюбно и раскованно, Сайтс сразу же замкнулся в себе, был угрюм и растерян. Он явно был в шоковом состоянии, но ведь это и не удивительно. Не каждый же день разведчика задерживает контрразведка враждебного к нему государства. Опять же провал операции, стало быть, и провал агента, к которому пришел на встречу. Отъезд из страны ранее планировавшегося срока, незавершенные дела в Москве, разбирательства в Лэнгли — целый комплекс неожиданно свалившихся на него проблем.

И на мой взгляд, неудивительно, что так мало комментариев от ЦРУ по этому делу, так как «Истбаунд» не настолько был важен в то время для ЦРУ в информационном плане, как, например, Толкачев.

Часть третья

**ЦРУ о техническом проникновении к
нашим государственным секретам**

Глава тринадцатая

Операция ЦРУ под кодовым названием СК TAW

КГБ СССР об операции ЦРУ СК TAW

Москва, 1985 год

Первым отделом ВГУ КГБ СССР летом 1985 года была разоблачена и прервана совместная операция ЦРУ и АНБ по техническому подсоединению к кабельным телефонным линиям связи между Москвой (Министерство обороны СССР) и режимным оборонным объектом (лаборатория по созданию лазерных вооружений «Красная Пахра») в подмосковном городе Троицке. Американцам удавалось длительное время с помощью спецтехники получать интересующую их разведывательную информацию оборонного и научно-технического значения.

По данным самих представителей американских спецслужб, эта сложнейшая операция с использованием специально изготовленного автоматического устройства технической разведки стоимостью более двадцати миллионов долларов началась в середине 1970-х годов и готовилась ими для ввода в эксплуатацию в течение нескольких лет. На первом этапе операции технические специалисты США провели скрупулезный анализ и расшифровку перехваченных из здания американского посольства узконаправленных радиорелейных передач между военными объектами в Москве и в Троицке.

Эти сведения имели серьезное разведывательное значение для США. Когда американцы поняли, что интересующий их информационный обмен между секретными объектами может быть переведен на телефонный кабельный канал связи, то они с помощью спутников-шпионов серии КН-11 провели соответствующие исследования, в ходе которых отследили и сфотографировали земляные работы и несколько телефонных люков на всем протяжении Калужского шоссе от Москвы до Троицка. На основании этой достоверной документальной информации технические специалисты ЦРУ и АНБ сделали вывод, что в дальнейшем для контактов между объектами

будет, очевидно, применяться защищенная кабельная телефонная линия.

В ходе неоднократных разведывательных поездок сотрудников московской резидентуры ЦРУ в летнее время из Москвы по направлению к Троицку, легендировавшихся американцами как отдых в районе поселков Сосенки, Десна и Ватутинки, они досконально изучили обстановку вдоль Калужского шоссе и детально сфотографировали местность. Практически все те поездки сотрудников ЦРУ контрразведкой контролировались. В качестве основной нами тогда прорабатывалась версия подготовки ЦРУ к операциям по связи со своими агентами в этом регионе Подмосковья, однако достоверно установить цель тех поездок нам не удалось.

В результате предварительной оценки ситуации в интересующем американские специальные службы районе в придорожном лесу разведчики ЦРУ конспиративно (после отрыва от слежки и уже вне нашего контроля) исследовали наиболее удобный для проникновения под землю колодец. В этом колодце американцы с помощью специального прибора определили интересующий их кабель и место подключения к нему для прослушивания телефонных и факсимильных сообщений.

По сведениям, полученным от ЦРУ, первым, кто спустился в 1979 году в бункер, был заместитель резидента ЦРУ в Москве Джеймс Олсон, работавший под прикрытием должности второго секретаря экономического отдела посольства США. Он исследовал и все сфотографировал в бункере. Потом в США на полигоне ЦРУ был построен идентичный макет бункера для тренировки сотрудников по внедрению автоматического устройства технической разведки (АУТР) и обеспечению последующего доступа к телефонным линиям. В итоге разведчикам московской резидентуры ЦРУ после длительной подготовки удалось внедрить АУТР в колодец в лесу около Калужского шоссе.

Начиная с 1981 года (по данным американцев) в течение нескольких лет они успешно эксплуатировали эту электронную аппаратуру вплоть до обнаружения АУТР контрразведкой. Путем анализа имеющихся в нашем распоряжении оперативных материалов мы восстановили последовательность тех операций ЦРУ по обслуживанию АУТР. После длительных проверок на автомобиле и

фиксирувавшихся нами отрывов от слежки американцы чаще всего оставляли машину у Битцевского лесопарка и продолжали проверку с использованием городского транспорта. Разведчики следовали пешком через парк, затем через микрорайон Ясенево, а далее через МКАД, лес и поле к Калужскому шоссе.

Операции проходили раз в полгода. Разведчики меняли блок питания, изымали записанные кассеты. Мы установили, что это делали сотрудники посольской резидентуры ЦРУ (вместе со своими женами) Дэнис Макмэхен, Луис Томас и Джин Койл, которых Лэнгли перед отправкой в СССР, помимо решения иных задач, специально готовило для операций по обслуживанию АУТР. Обязательными составляющими элементами операций, длившихся по несколько часов, были бесконтрольное пребывание разведчиков в городе, переодевание, чтобы не отличаться от рядовых москвичей, и смена обуви при выходе из автомашины, чтобы собаки не смогли взять след.

Например, в день операции по обслуживанию АУТР сотрудник ЦРУ Луис Томас, проживавший в здании посольства США, приезжал в дом ⁷/₄ на Кутузовском проспекте как бы в гости к другому сотруднику ЦРУ Рейнольдсу. Через некоторое время, переодевшись в женскую одежду, Луис Томас вместе с женой Рейнольдса (также сотрудницей ЦРУ) Деборой на ее автомашине выезжал в город и с применением различных ухищрений следовал в район Битцевского лесопарка. Там Томас, избавившись от женской одежды, покидал автомобиль уже в своем привычном облике. И далее через лес и затем через микрорайон Ясенево американцы уже пешком шли к Калужскому шоссе для работы с АУТР. В другой раз после отрыва от слежки и оставления автомобиля на Балаклавском проспекте аналогичным маршрутом через Битцевский лесопарк с тяжелым рюкзаком за плечами проследовал к Калужскому шоссе и Дэнис Макмэхен.

Конспиративный доступ к АУТР и к телефонному кабелю осуществлялся сотрудниками ЦРУ, замаскированными под работяг. Они открывали железную крышку люка и проникали в телефонный колодезь. Последним из сотрудников ЦРУ, кто в 1985 году провел операцию по замене АУТР, был Джин Койл. (Интервью с ним об участии в этой операции см. ниже.)

Сотрудник ЦРУ Пол Стомбах, задержанный КГБ при выходе на встречу с американским агентом Толкачёвым

Стомбах в здании КГБ. Слева — генерал Рэм Красильников, справа — генерал Аркадий Веселовский, на столе — «посылка» ЦРУ для Толкачёва

После объявления Стомбауха персоной нон грата он и его семья покидают СССР

Сотрудница ЦРУ Марта Петерсон

Задержание сотрудницы ЦРУ Марты Петерсон на Краснолужском мосту сразу после закладки тайника для агента ЦРУ Огородника

Марта Петерсон в здании КГБ СССР во время официального разбирательства. Рядом с ней вызванный через МИД СССР руководитель консульского отдела посольства США Гросс. На столе перед ней — тайниковый контейнер для Огородника

Марта Петерсон в свободное от шпионажа время

Марта на вечеринке в посольстве США в Москве

Марта Петерсон уже после окончания службы в ЦРУ

Задержание сотрудника ЦРУ Майкла Селлера во время его личной встречи с американским агентом Воронцовым

Селлерс в здании КГБ во время процедуры официального разбирательства

Средства «легкой» маскировки Селлера

Инструкции ЦРУ, денежные средства и иные уликовые материалы, предназначенные для агента Воронцова, изъяты у Селлера

Селлерс в свободное от разведывательной деятельности время — прекрасный гитарист и автор-исполнитель собственных песен

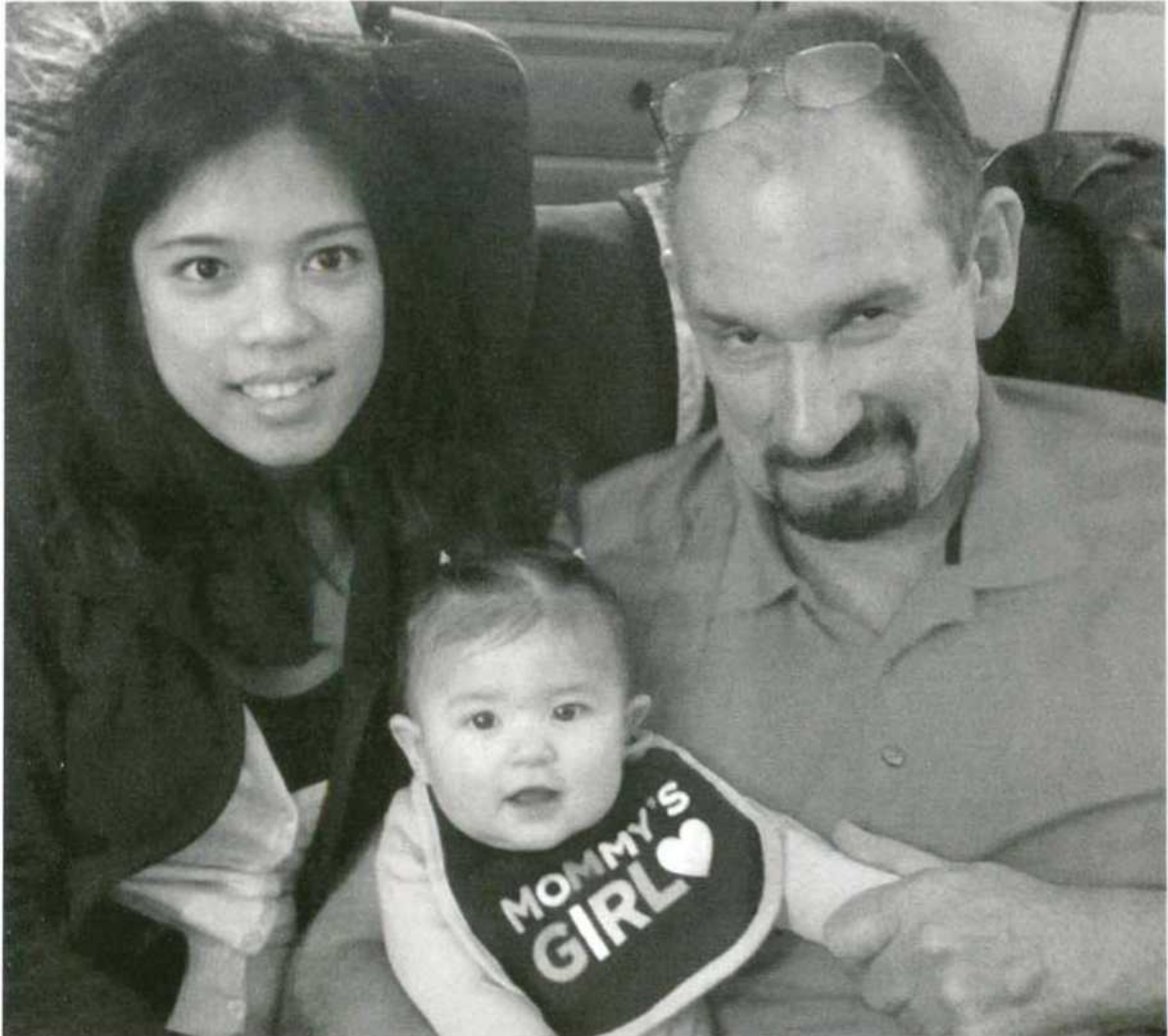
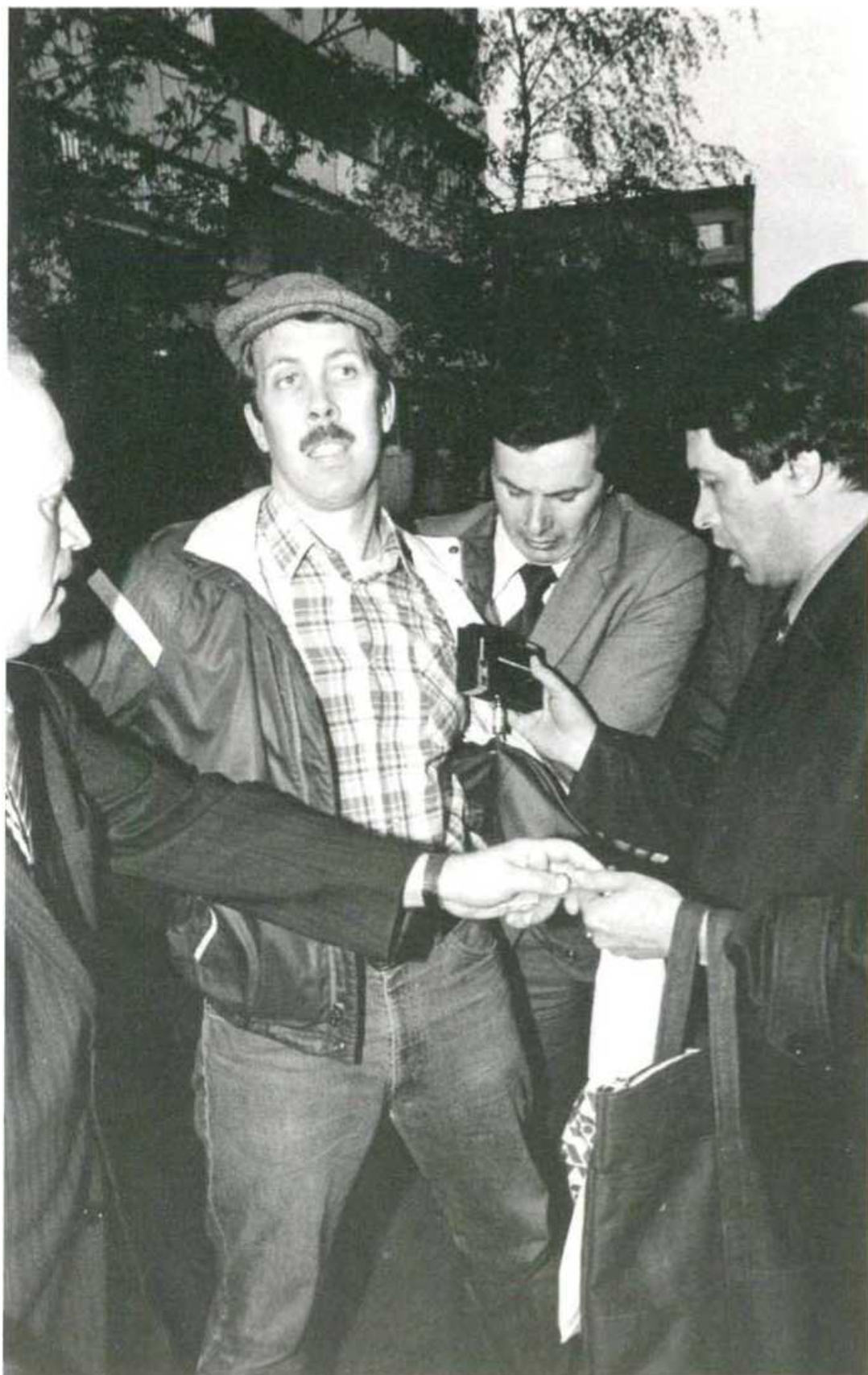

Фото из домашнего архива Майкла Селлеса

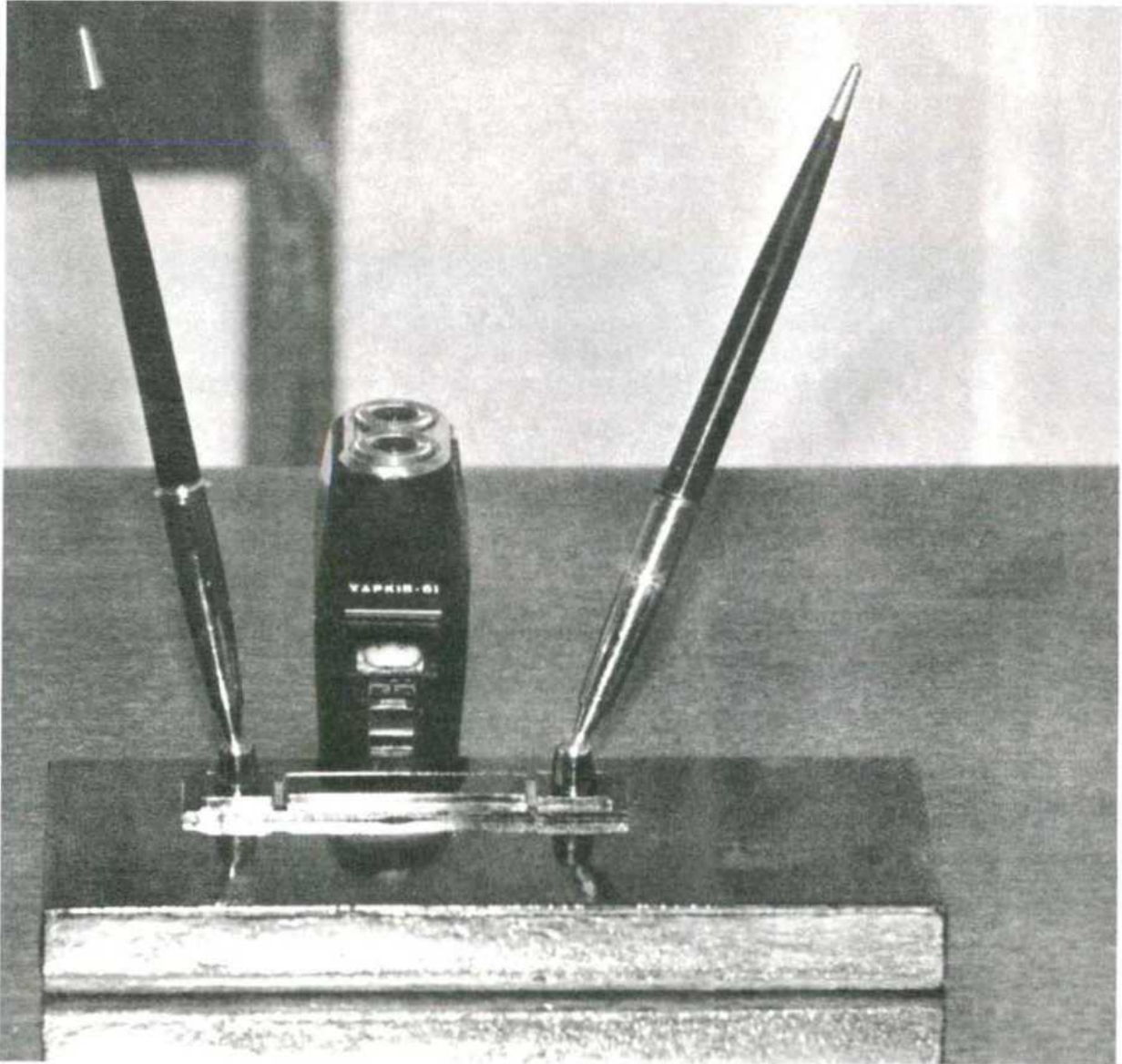
Задержание сотрудника ЦРУ Эрика Сайтса во время выхода на личную встречу с агентом ЦРУ «Истбаундом»

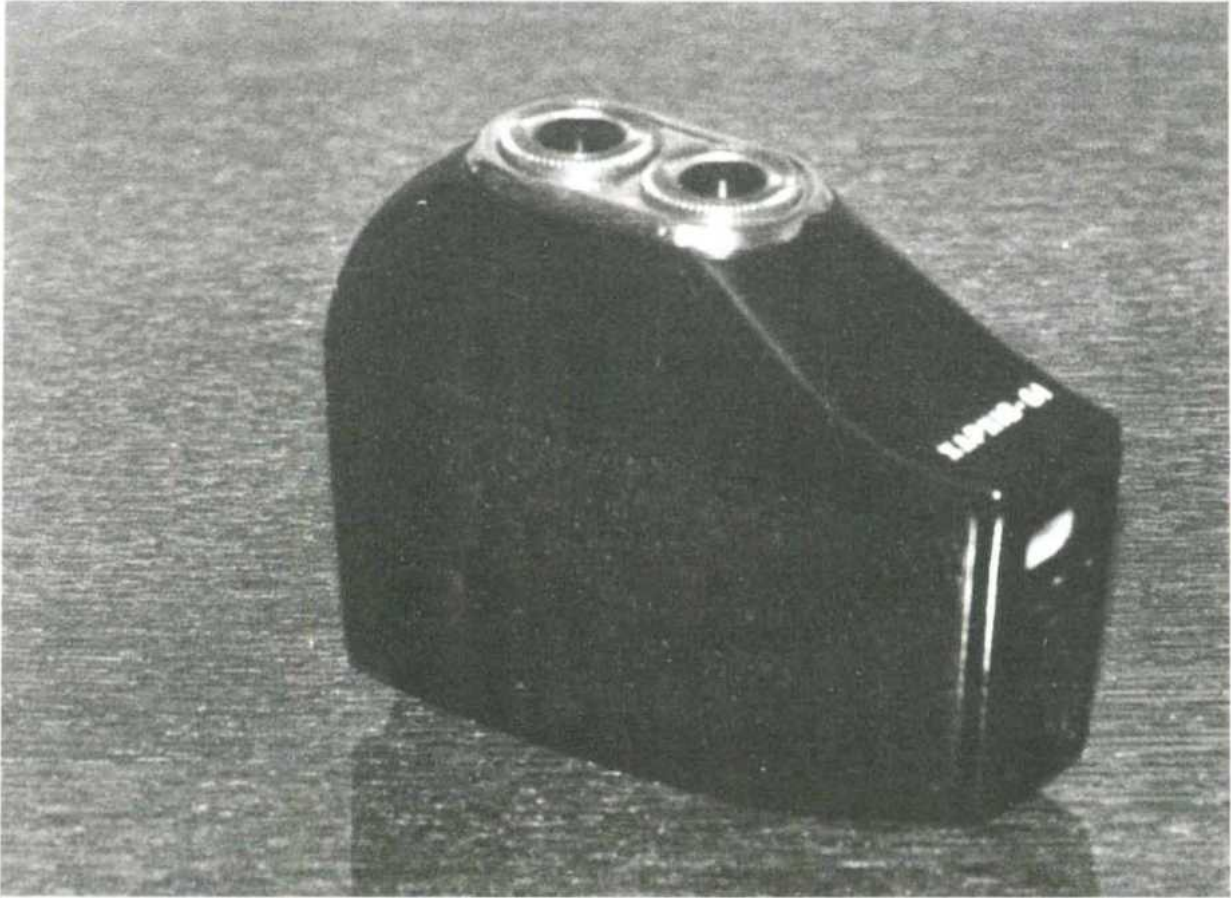
Заместитель Председателя КГБ СССР, начальник Второго главного управления, руководитель контрразведки Иван Алексеевич Маркелов (в центре), начальник Седьмого управления, руководитель всех служб наружного наблюдения Евгений Михайлович Расщепов (справа) и автор, Валентин Клименко, осматривают уликовые материалы, изъятые у задержанного сотрудника ЦРУ Эрика Сайтса

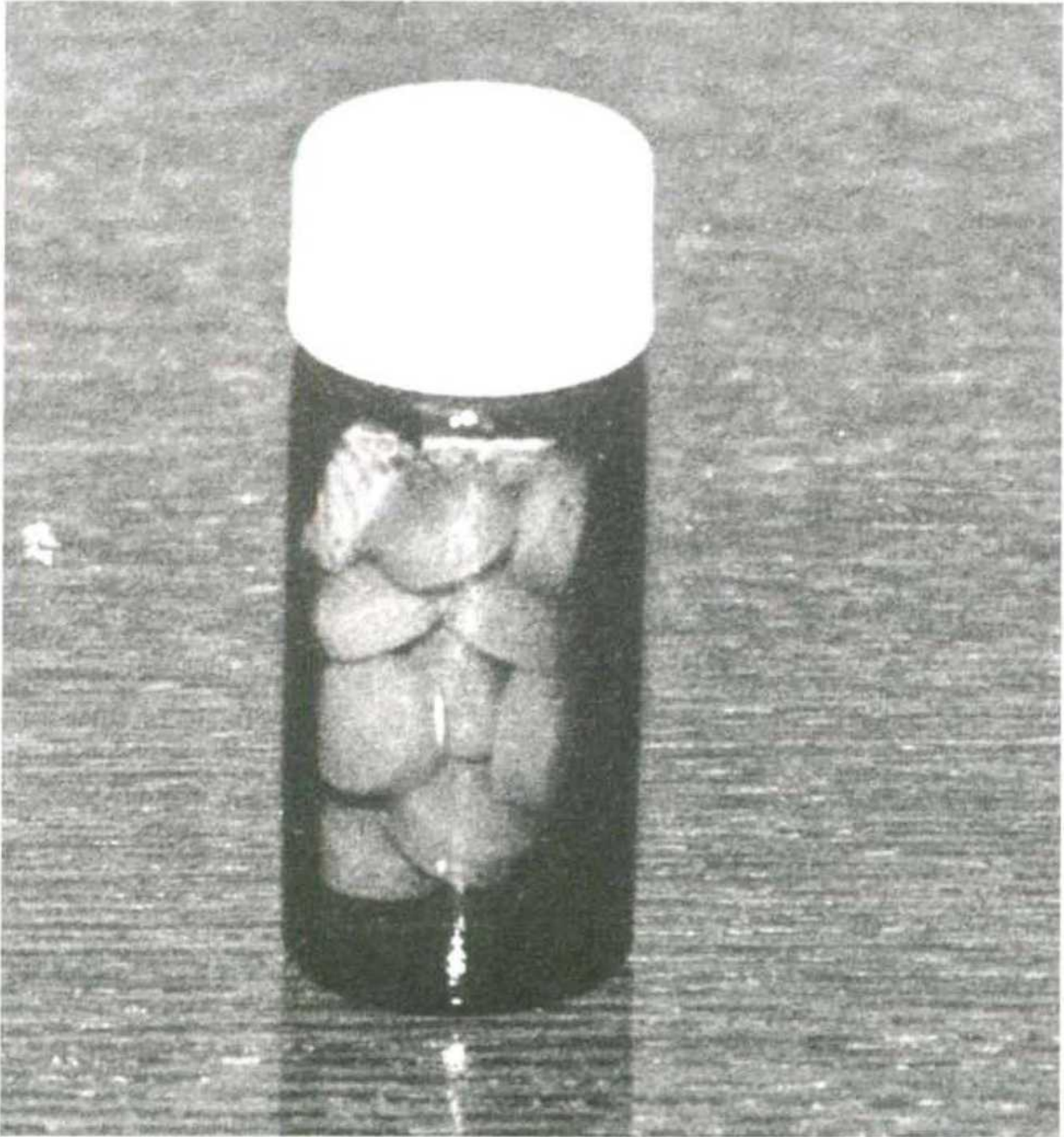
Предметы и денежные средства, предназначенные для американского агента «Истбаунда»

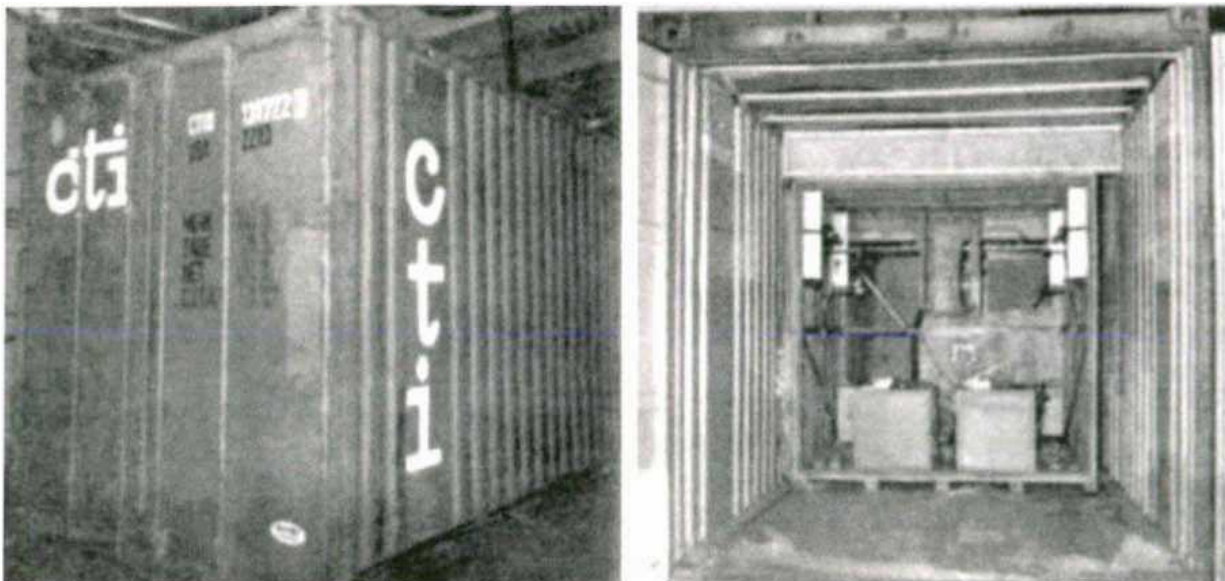
Письменный прибор — тайник для хранения «Истбаундом» фотокамеры и иных шпионских принадлежностей

Электробритва «Харьков» — изготовленный в ЦРУ тайник для хранения агентом фотокамер Т-50

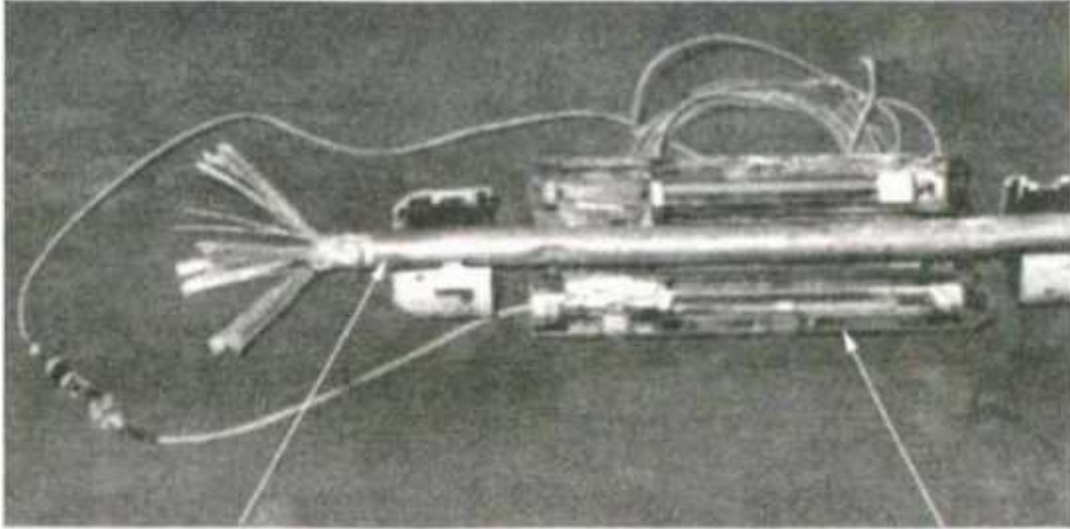
Таблетки для проявления тайнописи

Операция ЦРУ «Абсорб». Внешний и внутренний вид железнодорожного контейнера, «запущенного» американцами по маршруту Находка-Ленинград-Гамбург.

Операция ЦРУ СКАТ. Схема установки спецтехники в колодце на Калужском шоссе в Подмоскowie.

Специзделие, использовавшееся ЦРУ в операции СКТАУ
Часть советского кабеля и открытая сенсорная муфта ЦРУ

Главным элементом АУТР была сенсорная индуктивная, то есть не требующая непосредственного подсоединения к проводу, муфта, состоящая из двух закреплявшихся между собой половинок, надевавшаяся на экранированный телефонный кабель для контроля сигналов и записей их на магнитофон. Эта муфта соединялась с электронным блоком, помещенным в металлический ящик, с катушечным магнитофоном, приемопередатчиком и блоком питания. Ящик с этим электронным блоком закопали в землю в полутора метрах от бункера на глубину примерно в полметра. На корпусе ящика яркой красной краской было написано: «Опасно! Высокое напряжение!», и его присыпали ядохимикатом для отпугивания грызунов.

К блоку была подсоединена антенна для контроля американцами с расстояния до двух километров сигналов состояния всех приборов (необходимость замены кассет, элементов питания, признаки вмешательства в работу посторонних лиц). Питания для эффективной работы АУТР и емкости магнитофонных кассет, по нашей оценке, хватало на пять-шесть месяцев, после чего резидентуре ЦРУ приходилось проводить очередную операцию по замене элементов питания и магнитофонных кассет.

После обнаружения летом 1985 года этого АУТР контрразведкой была организована и в течение нескольких месяцев проводилась круглосуточная операция-засада силами Седьмого управления КГБ

СССР с участием оперативных сотрудников первого отделения Первого отдела Второго главного управления.

По прошествии значительного времени стало очевидно, что американцы расшифровали наше мероприятие. В аппаратуре имелся датчик ее несанкционированного открытия, он передавал сигнал на значительное расстояние (разведчику ЦРУ, проезжавшему в автомобиле по МКАДу на пересечении с Профсоюзной улицей). Мы свернули мероприятие. Наш расчет на очередной захват с поличным в Москве сотрудника ЦРУ при работе со спецтехникой не оправдался.

ЦРУ об операции СК TAW

Операция СК TAW имела своей целью контроль подземных коммуникаций, которые соединяли Министерство обороны СССР с научно-исследовательским институтом ядерных вооружений «Красная Пахра», расположенным в закрытом городке Троицке недалеко от Москвы. Сведения, передаваемые по телефону, телефаксу и телетайпу между этими двумя организациями, записывались во время их прохождения через подземный кабель.

Предыстория операции такова. В середине 1970-х годов сотрудники ЦРУ, контролировавшие с позиции посольства США каналы радиосвязи в Москве, обнаружили микроволновые сигналы неясного происхождения, но в конце концов выяснилось, что эти сигналы передавались по линии связи Министерства обороны СССР в закрытую лабораторию в Троицке. Эти радиосигналы неожиданно появлялись во время сильного дождя, а затем исчезали, когда дождь прекращался. Инженеры ЦРУ пришли к выводу, что периодичность сигналов была вызвана атмосферной аномалией, связанной с уникальной архитектурной особенностью Москвы. Оказалось, что сигналы по-особенному отражались от цинковых крыши московских зданий. Комбинация дождя, стучавшего по цинковым крышам, превращала узконаправленную радиорелейную линию в обычную радиосвязь, доступную для перехвата. Точная настройка на выявленные частоты помогла радиоразведке США прослушивать особо охраняемые тайны, касающиеся вооружений в СССР.

Но в СССР узнали, что их радиорелейные линии стали уязвимыми для перехвата спутниковыми и наземными станциями разведки. Радиосигналы уменьшились и в конце концов полностью исчезли.

Аналитики ЦРУ были уверены, что был создан другой, более безопасный канал связи, но никто не знал, где он располагается. В конце концов анализ фотографий нового спутника-шпиона КН-11 показал, что советские военные проложили кабели в траншее вдоль Калужского шоссе между Москвой и Троицком. Визуальная разведка выявила несколько люков вдоль предполагаемой линии кабеля, предназначенных для ремонта и проверок системы безопасности. Определение наилучшей точки доступа было возложено на оперативников ЦРУ, которые изучили более дюжины люков в зеленой полосе вдоль Калужского шоссе. На заключительной стадии обследования люков работали только опытные разведчики ЦРУ, специально подготовленные для этого мероприятия. Каждая поездка к люкам проводилась согласно детальному плану, требовала точного расчета времени на мероприятие, чтобы быть вне подозрений.

Американец, который передвигается по Москве один и вне своих обычных маршрутов, обязательно попадет в поле зрения КГБ, который затем легко определит место, заинтересовавшее ЦРУ. В связи с этим старшие офицеры ЦРУ, отвечавшие за мероприятие СКТАВ, потребовали от всех его участников разработать новые маршруты передвижения по Москве. В результате на то, чтобы завершить подготовительную часть операции, потребовалось целых два года.

В итоге был выбран люк для входа, который был в плохом с оперативной точки зрения месте, однако все предыдущие люки были еще хуже. Несколько месяцев офицеры ЦРУ тайно исследовали люк, фотографировали его и ненадолго забирались в него. Это позволило оценить трудности, связанные со вскрытием люка, измерить подземный бункер под ним и глубину воды, которой был залит пол, а также убедиться в том, что кабели коммуникаций находятся в пределах доступности, и выявить кабель, по которому передавалась информация.

Проектирование и создание оборудования и датчиков съема информации потребовали координации инженеров и конструкторов различных специальностей. Ключевым компонентом новой системы перехвата была сенсорная муфта, которая должна была охватить экранированный кабель для контроля сигналов и записи их на магнитофон. Перехваченные сигналы должны были переписываться и

отсылаются в Лэнгли, где с помощью современного дешифровального оборудования планировалось проводить их анализ и расшифровку.

Пока шла разработка и изготовление специальной системы перехвата, сотрудники московской резидентуры ЦРУ периодически посещали люк и бункер под ним для подготовки к установке сенсорной муфты и магнитофона. Одновременно несколько офицеров ЦРУ прошли обучение в полноразмерной копии подземного бункера, созданного на «Ферме» — секретном учебном объекте ЦРУ в США.

Важнейшей фазой операции была оценка кабелей, чтобы определить канал наиболее ценной информации, и эту работу должен был сделать оперативно-технический офицер ЦРУ, назовем его Дэнис. Проникнуть в люк Дэнис должен был, добравшись до него пешком, на автомобиле и на городском транспорте. Были собраны и тщательно изучены графики работы и маршруты московского метро, троллейбусов и электричек. Было точно измерено расстояние до расположения бункера и рассчитано время, которое понадобится Дэнису, чтобы добраться в район расположения люка в течение различных периодов дня. Чтобы не вызывать подозрений во время нахождения в районе бункера, Дэнис должен был маскироваться под обычного жителя Москвы. Однако покупка американцами соответствующей одежды могла привлечь внимание КГБ, а приобретение поношенных вещей еще более насторожило бы наружное наблюдение. В связи с этим восточноевропейская одежда была куплена на блошином рынке и в недорогих магазинах Вены, Восточной Германии и Варшавы и отправлена в Лэнгли. Там она была тщательно осмотрена, переписана и упакована перед отправкой в Москву, где хранилась в безопасном месте, исключая возможные попытки КГБ установить на ней метки или отследить ее перемещение.

Дэнис прибыл в Москву летом 1979 года после завершения шестимесячного ускоренного курса изучения русского языка. В рамках своего прикрытия он сразу начал интересоваться культурной жизнью Москвы, никогда не упуская возможности посмотреть город, и проводил все свое свободное время со своей семьей вне дома. В его ежедневном графике были посещения достопримечательностей и пешие прогулки. Он практически не использовал русский язык, поскольку русскоговорящие американцы сразу попадали под

пристальное внимание КГБ. Днем он часто играл в брум-бол, а вечерами в дартс с одной целью — создать образ спокойного, предсказуемого человека, который не может доставить властям никаких проблем. Все элементы, составляющие его жизнь, были тщательно разработанным планом действий, к реализации которого он приступил сразу же после того, как вышел из самолета в аэропорту Шереметьево.

Через несколько недель Дэнис понял, что КГБ взял его на заметку, но не в большей степени, чем любого американца. Это означало, что он периодически будет находиться под наружным наблюдением. Дэнис и его жена проводили много времени в парках вместе со своими детьми, четырех и семи лет. Дэнис носил рюкзак, с которым почти не расставался. В рюкзаке были еда, напитки, игрушки и одеяла — все, что нужно для пикника. Это увлечение объясняло частые выезды Дэниса в ближнее Подмосковье, а также позволяло ему знакомиться с дорогами, географией и способами передвижения до контрольных точек его проверочных маршрутов, разрабатывать запасные схемы ухода с проверочного маршрута и определять места для наблюдения и оценки.

Весенним утром 1981 года после пяти лет подготовки и оперативного планирования наступила завершающая стадия одного из наиболее продуманных и дорогостоящих пикников в мировой истории. Дэнис на микроавтобусе вместе с семьей начал путешествие длиной в 35 километров, которое, казалось бы, ничем не отличалось от его обычных выездов на природу. Но на этот раз каждая улица, каждый поворот и каждая остановка были предназначены для обнаружения и подтверждения наличия наружного наблюдения.

В ушах у Дэниса и его жены были маленькие наушники приемников радиоперехвата. Приемники были спрятаны в специальные чехлы под мышками и настроены на главную частоту радиосвязи наружного наблюдения 103,25 МГц. Дэнис также использовал второй, сканирующий радиоприемник на шесть каналов, который мог уловить в «ближней зоне» радиопереговоры и милиции, и Седьмого управления КГБ.

По дороге к парку супруги не могли обсуждать планы и наличие слежки. Дэнис вспоминал: «Мы мало говорили, двигаясь по проверочным маршрутам, особенно когда наши дети были с нами,

потому что никогда не знаешь, что твои дети могут повторить за тобой или кого из родителей они начнут копировать».

Дэнис совершил несколько автомобильных маневров, специально разработанных для обнаружения слежки. Он не разворачивался через двойную сплошную, не делал опасных, неожиданных поворотов, чтобы уйти от преследования. Его манера вести машину должна было строго соответствовать статусу главы семейства, который везет семью на пикник.

Один раз Дэнис все-таки резко остановился на дороге, выхватив ребенка с заднего сиденья, и помчался в кусты «по нужде». Затем он «по ошибке» пропустил нужный поворот, развернулся и поехал назад, чтобы свернуть на другую дорогу. Он как бы заблудился. Если бы за ним было наблюдение, то, выполняя эти простые маневры, он обязательно обнаружил бы слежку.

Проверочный маршрут продолжался более часа, и за это время Дэнис, используя разнообразные остановки и повороты, убедился, что за ним наблюдение не ведется. ЦРУ хорошо изучило особенности работы Седьмого управления КГБ. Было известно, что для слежки использовались советские автомашины «Волга» и «Жигули», в основном белого цвета. Поскольку только в КГБ имелись автоматические мойки, их автомобили чаще всего были чистыми по сравнению с другими транспортными средствами на московских улицах. Кроме того, на машинах КГБ всегда были дворники на ветровом стекле, столь редкие для москвичей, у которых в то время их часто крали, если автомашины были припаркованы и оставлены без присмотра.

Уверенный в отсутствии слежки, Дэнис повернул на стоянку около большого парка, уже давно выбранного для пикника (Бит-невский лесопарк. — Прим. авт.). Семейство углубилось в парк на пару сотен метров, где на краю рожи его жена расстелила одеяла. Они внимательно осмотрелись и слушали эфир для выявления наблюдения. Потом Дэнис заглянул в прилегающий к месту пикника лес. Все его перемещения были спланированы так, чтобы вынудить любых наблюдателей выдать свое присутствие.

Следующие полчаса семья завтракала и наблюдала за окружением. Затем Дэнис надел рюкзак, кивнул жене и углубился в лес. Этот жест означал, что если он не вернется к определенному сроку, то она

должна усадить детей в автомобиль и отправиться домой. А дома, используя заранее условленный сигнал, жена Дэниса должна была известить резидента о том, что Дэнис не вернулся к намеченному сроку и, вероятно, у него неприятности. Резидент немедленно принял бы меры, чтобы минимизировать последствия для других оперативных мероприятий и подготовить американского посла к неизбежному дипломатическому протесту со стороны советских властей по поводу «очередного американского шпиона, который пытался разрушить мирные отношения между Америкой и Советским Союзом».

Покинув свое семейство, Дэнис продолжил выявлять слежку, и ему была необходима уверенность в том, что вокруг все «чисто». Дэнис шел по парку, а вокруг было слишком много людей, среди которых могли быть сотрудники наружного наблюдения. Он хорошо знал об особом неврозе оперативников, когда им повсюду «начинают видеться призраки» и существует постоянная неуверенность в том, угрожает ли опасность в тот или иной момент времени или нет. Ведь отсутствие признаков наличия наружного наблюдения и отсутствие переговоров в эфире могут означать, что КГБ уже знает о конечной цели маршрута оперативника, и там его ждет засада.

Несмотря на все планы и подготовку, окончательное решение идти или нет на операцию всегда принимает оперработник ЦРУ, и идти ли к люку, должен был решить только сам Дэнис. Он сказал себе: «Пора», и, войдя в глухую часть леса, быстро снял плащ, достал из рюкзака «московскую» одежду и переоделся. В этой одежде он вполне походил на обычного советского гражданина — потертая серо-коричневая фетровая шляпа с широкими полями, недорогие советские ботинки, пальто до колен и грубоватые, простого покроя брюки. На плече у него небрежно висел рюкзак, в котором находилась новейшая аппаратура весом более 30 килограммов и стоимостью около 20 миллионов долларов — специальное измерительное и записывающее оборудование для перехвата и записи сигналов с кабелей. Если бы КГБ все это обнаружил, то раскрыта была бы не только сама эта операция, но и другие мероприятия, которые проводились в разных частях света.

Пробравшись через березовую рощу к границе парка, Дэнис выбрал окольный маршрут к остановке общественного транспорта, влившись в общий поток людей. Пересаживаясь из одного автобуса в другой,

Дэнис практически затерялся среди москвичей. На общественном транспорте Дэнис ехал далеко в сторону от конечной точки своего маршрута, выходя последним из вагонов и контролируя, кто собирается выскочить за ним, и продолжая использовать сканирующий приемник фиксации каналов наружного наблюдения.

Дэнис следовал по своему проверочному маршруту согласно графику. Выйдя на своей остановке, он прошел пешком еще три километра. Ранее он никогда не подбирался так близко к люку, хотя карты, фотографии и спутниковые снимки, которые он изучал в течение многих месяцев, помогли ему теперь ориентироваться — Лесная полоса, тянущаяся вдоль Калужского шоссе, позволила Дэну укрыться от любопытных глаз, когда он достал из рюкзака специально изготовленную фомку для вскрытия люка.

Забравшись внутрь, Дэнис задвинул и поставил люк на место и спустился по лестнице вниз в сырой бункер. Он оказался в темноте по колено в холодной воде. На одной стене бункера была плита с отверстиями, из которых выходили кабели. Задачей Дэниса было получить и записать образцы сигналов информации с каждого кабеля — именно Дэнис должен был идентифицировать нужный ЦРУ кабель.

Это была очень утомительная работа — Дэнису было необходимо установить 12 муфт на различные кабели и записать сигналы и задокументировать их расположение. По окончании работы он собрал инструменты и оборудование, упаковал их в рюкзак, поднялся наверх и отодвинул головой крышку люка. Когда Дэнис появился из-под земли, вокруг никого не было. Он быстро задвинул тяжелую крышку на место и углубился в лес.

Маршрут Дэниса к месту пикника был более прямым и коротким. Он благополучно возвратился к семье через пять часов после ухода. Не тратя попусту время, они собрали детей, все снаряжение для пикника и загрузились в свой автомобиль. По дороге домой они не имели права расслабляться, так как везли с собой пленки с бесценными записями и оборудование.

Дэниса в резидентуре никто не встречал и не поздравлял с благополучным исходом операции. Но поскольку резидент не получил никаких сигналов опасности от жены Дэниса, он сам пошел в резидентуру, открыл дверь, включил свет и увидел лист, вырванный из посольской записной книжки, приклеенный к стене. На листе была

небрежно написанная карандашом цифра 1. Такой условный сигнал от Дэниса говорил об успешном завершении опаснейшего этапа одного из самых важных оперативно-технических мероприятий ЦРУ в СССР.

В Лэнгли проанализировали полученные Дэнисом записи и определили требуемый кабель, после чего через некоторое время была проведена операция уже по боевому внедрению специально изготовленного технического изделия. В течение нескольких лет СК ТАУ успешно регистрировал канал связи между «Красной Пахрой» и Министерством обороны СССР. Только весной 1985 года что-то пошло не так, как надо.

Оперативный офицер, посланный для изъятия устройства регистрации записанной пленки, вынужден был прервать свои действия, когда в ответ на дистанционный радиозапрос, посланный им в бункер, был получен ответный сигнал о посещении бункера посторонними. Записанную пленку удалось получить во время следующего посещения бункера, предпринятого через несколько недель. Оценка записи показала, что система контроля перестала функционировать, и все оперативные действия были прекращены.

Что же произошло на самом деле? В течение многих лет американская система контроля секретных советских коммуникаций, работавшая без сбоев, внезапно перестала функционировать без признаков ее обнаружения. Рассматривались различные версии, но вскоре контрразведка ЦРУ получила информацию о причинах прекращения работы устройства.

1 августа 1985 года полковник Виталий Юрченко, заместитель начальника американского отдела ПТУ КГБ СССР, позвонил в посольство США в Риме и попросил политического убежища. Он сообщил американцам о сотруднике ЦРУ по имени Роберт, который в 1984 году в Вене продал КГБ некую секретную информацию, а перед этим прошел подготовку для работы в резидентуре ЦРУ в Москве. Буквально через два дня после получения информации от Юрченко Служба безопасности ЦРУ сообщила ФБР, что под именем Роберт, вероятно, скрывается бывший офицер ЦРУ Эдвард Ли Ховард.

Ховард поступил на службу в ЦРУ в 1981 году, а в 1982 году был отобран для работы в качестве оперативного сотрудника резидентуры ЦРУ в Москве. В процессе подготовки к назначению в Москву он и его жена Мэри прошли интенсивный шестинедельный курс

обучения действиям против контрразведки КГБ на территории СССР. Перед отъездом в Москву была проведена проверка Ховарда на детекторе лжи, в ходе которой он признался в употреблении наркотиков и пристрастии к алкоголю, а также мелком воровстве во время обучения. После этого ЦРУ уволило Ховарда в 1983 году.

Обозленный Ховард переехал в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где получил работу в госструктуре штата. Но его проблемы с долгами и алкоголем продолжались. Ховард совершил несколько странных телефонных звонков, включая один совершенно безумный — в американское посольство в Москве, после чего в сентябре 1983 года его бывший начальник и специалист-психолог были посланы к нему домой для беседы.

В октябре 1983 года он попал в поле зрения ФБР, когда бродил около советского консульства в Вашингтоне. Полагая, что Ховард и есть Роберт, о котором сообщил Юрченко, ФБР в августе 1985 года установило круглосуточную слежку за ним, а с сентября стало прослушивать его телефонные переговоры. Но Ховард, будучи профессионалом, обнаружил слежку.

19 сентября 1985 года ФБР вызвало Ховарда на допрос для идентификации его как советского агента, но Ховард ни в чем не признался и отказался от испытания на детекторе лжи. Он заявил, что на следующей неделе он наймет адвоката и после этого прибудет на очередную встречу. Но делать этого он не собирался. Во время обучения он приобрел навыки ухода от слежки с помощью «Чертика из табакерки» и изготовил кустарным способом свой вариант из головы куклы, украшенной париком, шапочки для душа, пиджака и вешалки.

Ховард с женой поехали пообедать в ресторан в субботу. При возвращении домой Ховард выпрыгнул из автомобиля в кусты, а его жена Мэри расположила манекен на переднем сиденье. ФБР явно разглядело двух человек в автомобиле, когда машина заезжала в гараж, и его отсутствие было обнаружено только спустя 25 часов, когда он был уже недосыгаем для контрразведки.

Предательство Ховарда имело катастрофические последствия для мероприятий ЦРУ в Москве. Он показал КГБ, как ЦРУ противодействует в Москве советской контрразведке, методы работы ЦРУ, американскую спецтехнику, приемы агентурной работы в СССР и раскрыл Толкачёва и операцию СК ТАУ.

Так закончилась эта уникальная операция ЦРУ.

От автора

Операция ЦРУ СК TAW и взаимодействующих с ним служб со всей очевидностью продемонстрировала уникальные оперативные, технические и материально-финансовые возможности американского разведывательного сообщества. Прежде всего американцы подтвердили, что вели и продолжают вести разноплановую радиоэлектронную разведку, используя специально изготовленную для посольства США в Москве аппаратуру по перехвату радиорелейных и иных видов связи и различных иных видов излучений в эфире. Эта аппаратура, смонтированная на последнем этаже и под крышей посольства США, обслуживается круглосуточно функционирующим постом Агентства национальной безопасности США, Антенное хозяйство на крыше прикрыто радиопрозрачными плоскостями, скрывающими от посторонних глаз их предназначение.

Далее мы можем констатировать упорство и целеустремленность американцев в достижении поставленной разведывательной цели, если сформулированы пути ее достижения, определены параметры необходимой аппаратуры, просчитана стоимость необходимого оборудования и всей операции в целом и разработана схема воплощения оперативного замысла с помощью разведчиков резидентуры в Москве.

Резидентурой была проделана кропотливая исследовательская работа. Нами многократно фиксировались поездки сотрудников резидентуры по Калужскому шоссе в сторону реки Пахра. Американцы, ранее не уделявшие особого внимания этому региону Подмосковья, в какой-то момент стали достаточно часто выезжать в том направлении. Их поездки внешне носили чисто развлекательный или познавательный характер. Они устраивали спортивные игры или пикники вблизи от Калужского шоссе, выгуливали в лесной полосе собак, просто отдыхали на природе.

Мы, в свою очередь, изучали их поездки с точки зрения закладок контейнеров в тайники, изъятия тайниковых сообщений от агентов, проведения личных встреч, подбора мест для подобных операций.

Через какое-то время поездки по этому шоссе практически прекратились, и только через много лет нам стала ясна цель тех поездок — создание условий для проведения операции СК ТАУ.

О важности для Лэнгли этой операции свидетельствует и подход ЦРУ к ее проведению в Москве, индивидуальная подготовка конкретных сотрудников и их жен, тренировки в специально построенном Лэнгли дублирующем колодце. Ну и, конечно, надо отдать должное исполнителям операций по установке и эксплуатации спецтехники в колодце рядом с Калужским шоссе. Они проявляли артистизм при создании условий для отрыва от слежки и физическую выносливость, проходя многокилометровые пешие маршруты с заплечными рюкзаками с достаточно тяжелой коробкой с аппаратурой.

Что касается Эдварда Ли Ховарда, то действительно, исчезнув из США и объявившись в Москве, бывший сотрудник ЦРУ раскрыл сам факт проведения ЦРУ операции по проникновению к кабельной линии связи, идущей вдоль Калужского шоссе.

КГБ в сжатые сроки были организованы поисковые мероприятия, в результате которых в одном из колодцев и рядом с ним и была обнаружена разведывательная аппаратура.

А что касается информации о том, каким образом американцы обнаружили этот кабель, то они сами доводят до окружающих несколько версий. Первая из них изложена выше — это радиоперехват с территории посольства США, затем техническая доразведка эфира и фотографии со спутника прокладки кабелей и рытья колодцев. По второй версии — ЦРУ удалось якобы подкупить одного из строителей, и тот передал разведчикам схему тоннелей. По третьей — информацию о защищенных кабелях, соединявших штаб Министерства обороны с секретным объектом в Троицке, сдал ЦРУ в 1980 году тайно вывезенный американцами из СССР вместе с семьей сотрудник технического подразделения КГБ майор Шеймов.

Глава четырнадцатая

Интервью с сотрудником ЦРУ Джином Койлом

США, 2017 год

(Говорит по-русски.) Как я попал в Москву? Ну я был разведчиком ЦРУ. Я работал там в качестве дипломата. Наиболее успешными операциями были те, которые никогда не были обнаружены.

Об операции СКТAW

Моя жена и я получили задание: выйти в одну субботу и заменить записывающее устройство, которое находилось под землей многие месяцы, и установить там новое. Звучит достаточно просто, но подготовка к этому велась много месяцев.

В резидентуре нами осуществлялась работа по разработке поведенческой модели для субботних дней: выход из нашей квартиры, дорога к месту моей работы, игра в баскетбол и помывка нашей машины. Сотрудники КГБ привыкли ко всему, что мы делали каждое субботнее утро. И каждую субботу я выходил вот с этой большой сумкой со спортивной одеждой и баскетбольным мячом. И поэтому в какой-то момент они перестали следить за нами по субботам, поскольку они знали, куда я направлялся. Но в одну из суббот мы направились в другое место. После того как мы проверили, нет ли за нами наблюдения, припарковали машину, сели на автобус и прошли пешком, мы очутились в лесу на юге от города и осуществили замену.

Конечно, едва мы сели рядом с входом в коммуникационный тоннель, как появилась молодая пара русских, державшихся за руки и направлявшихся в нашу сторону. В хорошую погоду многие русские любили прогуляться и уединиться в лесах. Поэтому моя жена и я были вынуждены сидеть там и целоваться две или три минуты. Вот такие поступки я совершал ради своей страны. Но мы произвели замену и вернулись назад в посольство. Я, конечно, еще должен был заняться своими обычными делами: помыть машину и немного поиграть в баскетбол.

Конечно, адреналин зашкаливал, бил через край. Я не очень высокого роста, но я был очень спортивный, я мог еле-еле коснуться

баскетбольного кольца. Но в ту субботу я мог подпрыгнуть так, чтобы моя рука была выше кольца.

Я полагаю, что они знали точно, какие линии прослушивали. Насколько точно они знали это, меня не касалось. Я был обучен осуществить свою часть операции. До этого мы провели многие месяцы в Америке, изучая, как нужно это делать. Там был построен макет. Смешная сторона этого периода заключалась в том, что ты находишься в смотровом колодце, в котором всегда есть маленькие трубки, соединенные холодной сваркой. Нам сказали, что змеи иногда любят в них заползать. Мой коллега и я тренировались под землей, он говорит: «О, там змея!» Я подумал, что он шутит. Я посмотрел вовнутрь, и там была двигающаяся туда-сюда голова небольшой змеи. Я начал разворачиваться, чтобы сказать Биллу: «Да, там действительно змея». Но он уже выбрался с трехметровой глубины, даже не воспользовавшись лестницей. Нам рассказали, что есть две новости, касающиеся змей в Москве: хорошая и плохая. Хорошая заключалась в том, что так далеко на севере не очень много змей, а плохая — все они ядовитые. К счастью, во время нашего пребывания змеи нам не встретились.

Мы вышли из нашей квартиры и сели в машину с радиостанцией. Рядом с каждым многоквартирным зданием, в котором жили дипломаты, дежурил милиционер, который отмечал, когда мы уезжали, когда приезжали и т. п. Мы всегда были дружелюбны с ним. Мы уходили и... махали друг другу рукой.

Однажды мы катались по городу в течение нескольких часов и поняли, что, по всей видимости, за нами нет наблюдения. Мы вышли из машины. Потом я надел довольно простую маскировку. Вот это та самая сумка, в которой у меня была коробка, моя очень шикарная советская кепка, пиджак местного пошива и очки для того, чтобы сделать меня похожим на русского. Это была вся маскировка, которой я воспользовался.

Последнее хорошее воспоминание: нам нужно было добраться пешком до того места, куда мы должны были прийти. Мы были очень удивлены, когда пришли туда, поскольку до этого я никогда не замечал, насколько близко это место было к большому шоссе. Мы были в кустах всего в 20–30 футах от сотен двигавшихся машин. Это вселяло чувство открытости и незащищенности. Для того чтобы отправиться туда,

нужно было сначала получить ответ на вопрос: «Преследует ли тебя кто-либо сегодня?»

О КГБ

КГБ обладал значительными ресурсами. Если они хотели, они могли использовать десятки машин и 30–40 человек. Но даже для КГБ было слишком много американских, французских, немецких, британских дипломатов. Было огромное количество людей, за которыми нужно было следить. Поэтому я не думаю, что они могли следить за каждым ежедневно. То есть хитрость сотрудника ЦРУ заключалась в том, чтобы определить, есть ли за тобой слежка сегодня или нет.

Действительно, адреналин зашкаливает, когда ты что-то делаешь в каком-то месте и знаешь, что это крайне важная операция, для подготовки и разработки которой были потрачены многие миллионы долларов. Поэтому ты очень бдителен и следишь за тем, что происходит вокруг тебя. Я не думаю, что было какое-то чувство страха. Но чтобы быть успешным оперативным сотрудником, работающим в таком месте, как Москва, у тебя должна быть некая степень самоуверенности, которая граничит с настоящей самовлюбленностью.

Я на самом деле испытывал уважение к сотрудникам Второго главного управления КГБ, которое было очень профессиональным и обладало солидными ресурсами. Я думал, что это было Второе главное управление КГБ. Я не знаю, кто был руководителем отдела. Я не помню. Но группа... Там был 7-й отдел, который и осуществлял наблюдение и т. п.

Знаете, я уважал их за их высокий профессионализм, большое количество средств, но мое отношение было следующим: «Вы хороши, а я лучше. Вы не поймают меня за чем-либо даже в моей клевой кепке и очках».

Хотя во время моей первой операции в Москве у меня был с собой батончик «Сникерс». Она прошла удачно. Поэтому в качестве своеобразного талисмана на все свои будущие операции я стал брать шоколадный батончик «Сникерс». И он приносил удачу. Но я также думал, что если когда-нибудь меня поймают КГБ, то они выложат все содержимое моих карманов передо мной на стол. И там был бы батончик «Сникерс». Потом я мог бы вернуться в Америку и начать

сниматься в рекламе корпорации «Марс», держать в руке «Сникерс» и говорить: «Когда я бежал от КГБ, мне нужно было что-то съесть для поднятия тонуса, и я взял “Сникерс”».

К сожалению, меня так и не поймали, поэтому мой отличный план на пенсию так и не был реализован.

О работе по прикрытию

У меня была очень престижная должность на моей работе. Я покупал книги для американского правительства, для всех органов, которые нуждались в какой-либо книге, изданной в Советском Союзе. Мой коллега и я ходили по всем книжным магазинам Москвы, а также различных республик. Поэтому у меня была возможность довольно много посмотреть в Советском Союзе.

В течение примерно шести месяцев, которые я там провел, за мной действительно усиленно наблюдали, но спустя эти полгода слежка стала ослабевать. **Я** думаю, что они наблюдали за тем, как я каждый день выходил и покупал книги и снова покупал книги. И я не делал ничего такого, чтобы можно было заподозрить, что я — шпион. То есть я думаю, что они посчитали меня не слишком подозрительным и следили за мной только время от времени.

Для меня настоящей хитростью было пойти или поехать куда-то и наблюдать за людьми, которые ведут себя необычно в магазине или ведут машину странным образом. Нужен настоящий талант, чтобы быть хорошим сотрудником ЦРУ в Москве. Можешь ли ты обнаружить небольшое отличие в обычном человеке на улице? После того как ты побыл там какое-то время, ты мог заметить что-то такое в человеке, который, возможно, следит за тобой. Он может быть в магазине и щупать одежду, но при этом следить за мной.

О модели поведения

Я вырос в штате Индиана, где баскетбол очень популярен. Это почти религия здесь. И примерно с четырех лет я играл в баскетбол. Я не был очень высоким, но я играл довольно хорошо. И когда я приехал в Москву, я тоже там играл. По воскресеньям у некоторых из нас была возможность пойти в МГУ и пользоваться спортивным залом в течение нескольких часов. Было весело играть в баскетбол с русскими.

Как-то раз сенатор Билл Брэдли приехал с визитом в Москву, он хотел встретиться с местными русскими. Поэтому было запланировано, что он приедет с нами и поиграет в баскетбол. В то время ему было точно за пятьдесят. Он сказал, что он не может играть в полную силу. Он не хотел себя травмировать. И мы крупно проиграли наш первый мини-матч. После этого Брэдли забыл, что он игрок на пенсии. Он ненавидел проигрывать. Поэтому мы стали играть намного лучше. В конце Брэдли передал пас мне, а я — ему обратно для двухочкового броска. В итоге мы одержали победу в этой игре. В течение следующих нескольких недель после этого я был полон энтузиазма.

Но у нас было заведено, что по субботам мы с женой уходим из квартиры, едем на машине, моем ее, бросаем мяч в корзину. Фокусники давно знают, как отвлечь внимание публики. А ученые-невропатологи рассказали о том, почему это работает: человеческая психика может сфокусироваться на одной вещи в определенное время, а мы — предсказуемые люди. Мы смотрим на свидетельства и свершившиеся факты, и мы предугадываем, что делает человек.

Наконец, мы дошли до того момента, когда милиционер, который стоял у нашего многоэтажного дома, увидел меня со спортивной сумкой, и мы сели в машину в субботу утром. Его предположение было: «О, он просто направляется на свою работу поиграть в баскетбол». То есть до того, как осуществлять работу, сначала необходимо в течение многих месяцев создавать модель поведения.

В то время моя жена официально еще не работала в ЦРУ. Впоследствии она также стала сотрудником и проработала в ЦРУ почти 24 года. Но она прошла весь курс подготовки со мной, чтобы выучить русский язык и научиться, как определять, ведется ли наблюдение.

Было достаточно забавно, когда однажды у нас была лекция, в которой говорилось о том, что в нашей квартире в Москве, возможно, будут установлены микрофоны и даже видеокамеры. Мы вышли с лекции, и моя жена сказала: «Хорошо, я бы смирилась, если бы сотрудники КГБ видели меня голой, но я сажусь на диету прямо сейчас. Они не увидят меня голой с избыточным весом».

О правилах Гербера

Гербер... Я помню, что у него было одно правило, которое заключалось в том, что не существует такого понятия, как «случайное

стечение обстоятельств». А второе — где бы ты ни был в Советском Союзе, тебе не следовало танцевать с местной русской девушкой, поскольку его правило гласило: «Танцы приводят к романтическим отношениям».

В работе с разными агентами применялись различные техники... Некоторые из них не хотели использовать тайники и чувствовали себя более комфортно, просто организуя встречи. Преимущество тайника, конечно, в том, что никто никогда не видит тебя и русского агента вместе. Всегда есть опасность, что, несмотря на всю осторожность, с которой ты прошел свой маршрут для выявления слежки, кто-то шел за тобой. Если случайно ты попадаешь на перекресток, на котором ты должен встретить агента, а там в нерабочее время оказывается человек из КГБ, то он говорит: «Это Джим Койл. С кем это он встречается?»

То есть всегда есть некоторый риск. Опасность в том, что если ты где-то сделал тайник, а за тобой была слежка, то сотрудники КГБ дадут тебе уйти своей дорогой, но затем выставят на этом месте охрану и арестуют любого, кто придет к этому тайнику. Насколько нам известно, я был всегда прав, когда говорил, что за мной нет слежки. А иногда я выходил сделать что-то вечером и вдруг видел наблюдение, тогда просто отменял все и пытался сделать это в другой день.

О предательстве Ховарда

Никто на американской стороне не знает точно, но косвенные доказательства говорят о том, что именно Эдвард Ховард, в конечном счете, выдал эту информацию. Я имею в виду, что Эд проходил обучение для осуществления этой операции лично. Но потом его уволили, затем он спятил, далее он связался с КГБ для того, чтобы продавать информацию.

Скорее всего он предоставлял информацию частями. Я не думаю, что он появился в Вене и в первый же день отдал все, что у него было. Но затем, конечно, когда он сбежал в Советский Союз, мы схватились за голову.

Мы получили интересную телеграмму, которую, очевидно, написали юристы ЦРУ, где сообщалось следующее: «Если Эд встретится вам на улице в Москве и скажет вам “А”, вы можете сказать “В”, а если он скажет “С”...» И мы читали страницу за страницей. Я посмотрел на своих коллег и сказал: «Если я увижу этого сукиного

сына, я перееду его на своей машине. Потом я вернусь и перееду его еще раз, чтобы убедиться, что он действительно мертв. Затем я положу его тело в багажник и привезу обратно в американское посольство. Я объясню советнику, что Эд попросился приехать домой».

О смерти Ховарда

Да, я слышал об этом, я читал об этом в газетах, да... Я слышал из вторых уст, что на его даче были очень крутые ступеньки, а Эд точно любил выпить. И он был пьян и упал с лестницы. Когда я рассказываю эту историю моим студентам в университете, в котором я преподаю, они вроде как смеются. Один из них спросил меня: «А не были ли Вы в Москве, когда он свалился с лестницы?» Я ответил: «Нет, я был здесь, в Блумингтоне».

Об операции СК TAW и как долго она продолжалась

Позвольте мне ответить расплывчато: «В течение нескольких лет». В течение нескольких лет мы обменивались коробками. И, по всей видимости, это приносило полезную информацию, поскольку мы продолжали это делать.

Я знаю, что за последние годы вышло несколько книг, авторы которых заявили, что в последней коробке все пленки были чистыми. Нам этого никогда не говорили. А когда я прочитал одну из этих книг, я навел справки среди моих старых знакомых, которые со временем стали очень высокопоставленными должностными лицами в ЦРУ, и они сказали, что это для них также новость. Поэтому я не знаю.

Возможно, когда вы возьмете интервью у бывших сотрудников КГБ, один из них будет настолько добр, что расскажет о том, когда точно они нашли эту коробку. Мы знаем, что КГБ не распространялся об этом публично до 1988 года. Но я был последним человеком из ЦРУ, кто пошел на это место и совершил обмен.

Во сколько операция СК TAW обошлась американским налогоплательщикам? Я слышал разные числа. Бывший председатель КГБ Крючков, кстати, заявлял, что стоимость составляла около двухсот... Она составляла 220 миллионов долларов. Откуда он знал об этом, у меня информации нет. Я не думаю, что это были такие большие деньги, хотя мы тратили ужасно много на разработку технологии. Я знаю, что Крючков приехал, когда они наконец-то обнаружили колодец

с нашей техникой. Он был просто потрясен и сказал, что у КГБ не было таких технологий в то время.

А Эдвард Ховард действительно проходил подготовку вместе с нами. Он был примерно в конце своего обучения в тот год, когда я начинал. То есть я не общался с ним ежедневно. Но однажды вечером мы зашли к нему домой. Это было всего за месяц или два до того, как он уехал в Москву. Его жена была в то время беременна. Там была еще одна пара. Это, несомненно, был внезапный удар, когда мы обнаружили, что он сбежал в Советский Союз.

О сотруднике ЦРУ Эймсе и капрале Лоунтри

Что касается Рика Эймса, то я работал с ним почти год на одной позиции. То есть мне казалось, что я знал его очень хорошо. Он был хорошим рассказчиком с отличным чувством юмора, всегда немного циничным по отношению ко всему. Но опять же, когда в понедельник утром я взял газету в Вашингтоне, округ Колумбия, и прочитал, что «агент ЦРУ Эймс арестован», я был ужасно удивлен. «Елки-палки» — сказали бы в некоторых странах. Ты просто не можешь поверить, что тот, кого ты, по твоему мнению, знал, сделал это. И, конечно, в случае с Риком Эймсом это было все ради денег. А в случае Эда Ховарда это была в некоторой степени месть за то, что он был уволен, но также и вопрос денег.

Капрал Клейтон Лоунтри был одним из охранявших посольство морских пехотинцев. Существовало правило запрета на близкие отношения с местным населением, которое означало, что морским пехотинцам не полагалось устраивать свидания с русскими девушками. Клейтон повстречал Виолетту, которая работала в посольстве. И он просто случайно встретил ее однажды, когда гулял в парке.

Клейтон не был красавцем, он не был и очень эрудированным парнем. Я думаю, что в то время ему было где-то около 23–24 лет. Я сомневаюсь, что у него до этого в течение нескольких лет были свидания. Поэтому, положив руку на сердце, для него гораздо большее значение имел не секс, который, без сомнения, у него был с Виолеттой, а тот факт, что здесь была женщина, которая обратила на него внимание. И потом, конечно, в конце концов он отправился на ее квартиру, а ее «дядя», который работал на КГБ, случайно оказался там.

Мы узнали об этом, я думаю, потому, что где-то спустя год его перераспределили и отправили в Вену. И он вышел в город отпраздновать Рождество. И я полагаю, что у него росло чувство вины из-за всего этого, и на вечеринке он подошел к местному руководителю ЦРУ и сказал: «**Я** думаю, что нам нужно поговорить». И, конечно, когда это произошло, то после этого был большой скандал.

Поскольку у нас постоянно возникали проблемы, мы заметили, что в период 1985–1986 годов ряд наших агентов был арестован. И мы решили: «Хорошо. Всегда есть небольшой процент, когда что-то просто случается (ЦРУ что-то неправильно провело или агент был легкомысленным при разговоре с кем-то или в обращении с деньгами). Но у нас произошло слишком много плохих эпизодов». И так началась Великая охота на крота, которую в конце, конечно, объяснили предательством Эдварда Ховарда. Некоторые из нас объяснили эти эпизоды тем, что стал известен случай с Клейтоном Лоунтри. В конце концов, ты узнаешь о Рике Эймсе, узнаешь о Роберте Хансене из ФБР. Это было изматывающее время в плане стабильности наших ресурсов. К счастью, еще были те, о ком эти люди не знали.

Я думаю, что как бы ни были счастливы сотрудники КГБ в Кремле, что они поймали этих людей, для руководства страны было внезапным ударом узнать, что так много кротов находилось внутри советского правительства. Я читал во многих газетах, что в итоге было что-то около 10 или 20 русских, которых поймали и казнили. Это должен был быть настоящий шок для руководства КГБ, что мы узнали о 12-ти. Возможно, их было даже больше.

Если говорить о Клейтоне Лоунтри, я не был большим его другом, но был с ним немного знаком. Каждую пятницу у морских пехотинцев проходило специальное мероприятие, официальный обед. И каждый из 27 или около того пехотинцев, которые там были, мог пригласить любую американскую или финскую девушку, или того, кого он хотел. И когда подошла очередь Клейтона Лоунтри, он попросил, чтобы моя жена и я были его гостями на этом официальном ланче.

Спустя пару лет я уже был в Вашингтоне, а он был разоблачен. И сотрудники ФБР ходили и допрашивали каждого. И они решили, что это очень интересно, что Клейтон пригласил нас на этот обед. Как я уже сказал, он был не очень популярен, он был не очень общительным. Ему действительно нравилась Виолетта, просто потому что она обратила на

него внимание. Я полагаю, что мы ему нравились, потому что каждый пятничный вечер, когда у них открывался бар для морских пехотинцев, мы туда приходили и встречали Клейтона, я подходил и разговаривал с ним. Серьезно, он часто сидел в одиночестве в углу и пил пиво. Я думаю, что он просто высоко ценил любого, кто проявлял к нему какой-то интерес.

При посольстве работала программа, где морские пехотинцы могли заниматься русским. Большинство из них могли относиться к этому наплевательски. Но он действительно работал над этим. Однажды он заметил мне, что он в Советском Союзе и что ему следует воспользоваться этим и выучить русский язык. Конечно, потом, когда мы узнали о Виолетте, стало ясно, почему он так хотел выучить, как по-русски сказать: «Пожалуйста, снимите одежду». Сами понимаете.

О награде ЦРУ

Она была вручена именно за техническую операцию, где мы прослушивали телефонные линии из Троицка. И я принес назад коробку и все остальное. Была очень хорошая церемония, я пригласил своих коллег, и я мог позвать нескольких друзей извне.

Руководитель ЦРУ пришел и представил ее (награду). Действительно живым и забавным моментом церемонии стало то, что я пригласил своего старого друга, который уже не работал в ЦРУ, но который имел отношение к тому, что много лет назад там была рассмотрена моя кандидатура в качестве сотрудника. У него был бейджик гостя «Джон», он сидел за большим столом для заседаний, а у всех остальных были бейджики сотрудников, и они не хотели ничего говорить при нем, так как не знали, кем он был.

В то время, я полагаю, Боб Гейтс уже был заместителем директора или исполняющим обязанности директора ЦРУ. И он проходит мимо входной двери. А мой друг и он вместе начинали в Управлении. И он заглядывает и видит моего друга Рича, подходит к нему и говорит: «Как поживаете, сэр?» А мой друг отвечает: «О, довольно хорошо. Как Ваши дела?» Боб Гейтс отвечает: «Ну, видите ли, я — директор». А мой друг говорит: «О, правда? Я рад, что все закончилось для Вас хорошо». А все остальные гадают: «Боже, кто этот парень, которого директор называет “сэром”?» Это был один из забавных моментов церемонии получения медали.

Это была большая честь быть выбранным для работы в Москве. Наша специальность довольно необычна. Мы воспринимали себя как достаточно элитную группу. А удрать, шпионя прямо под носом у КГБ, и затем получить за это медаль — это была хорошая работа.

О Толкачёве

Позвольте мне процитировать множество книг, которые были написаны об операциях. Конечно, случай Толкачёва должен рассматриваться на первом месте в списке. Возможно, были другие, информация о которых еще не была раскрыта, но о Толкачёве была раскрыта. И тот факт, что он снабжал американское правительство информацией о том, какие новые параметры будут у новых строящихся советских реактивных истребителей... Это дало такое преимущество американским ВВС, что если бы началась Третья мировая война, то американские самолеты просто выбили бы советские истребители из воздушного пространства.

Я знаю, что есть книга с отличными фотографиями «Шпион на миллиард долларов», но она не о том, что ему заплатили миллиард долларов. Я полагаю, что секретарь ВВС в какой-то год послал любезное письмо директору ЦРУ, в котором говорилось: «Спасибо за эту информацию. То, сколько мы благодаря ей сэкономили на наших исследованиях и разработках, сравнимо с годовым бюджетом ЦРУ». Вам не нужно иметь много агентов, если у вас есть такие парни, как Толкачёв, которые снабжают вас разведывательной информацией.

Я был там, и у нас случились несколько провалов, когда мои коллеги выходили на встречу и были схвачены КГБ. И, как я сказал, в определенные времена события просто происходят, что-то идет не так, но когда агент за агентом попадают под арест, то тогда ты начинаешь думать, что настоящая проблема должна скрываться где-то здесь.

О ПГУ

Они, сотрудники Первого главного управления КГБ, меня всегда впечатляли. Они знали языки очень хорошо, выглядели очень эрудированными.

Я на самом деле искренне наслаждался общением с ними, когда мы играли в шахматы, баскетбол или во что-то другое. Я не думаю, что Владимир Путин хотел бы, чтобы его имя было упомянуто.

О ВГУ и слежке

Что касается Внутренней службы безопасности КГБ в то время, мы знали, что люди, которые занимались наблюдением за посольствами и осуществляли надзор, были достаточно хорошо обучены, как правило, очень профессиональны. И, конечно, знали, что у них были значительные ресурсы. Простое правило обнаружения слежки заключается в том, что, если ты видишь одну и ту же машину несколько раз в разных местах или ты встречаешь одного и того же человека в разных магазинах, то это, возможно, человек, осуществляющий надзор. Но если сотрудники КГБ хотели, то они могли задействовать 40, 50 машин, и ты никогда не заметишь одной и той же. Вот почему просто следовало развивать чувство... Человек, который ведет себя чуть-чуть странно, или машина, которой управляют немного необычно по сравнению с большинством людей.

Единственное, что, как я думал, было непрофессиональным, так это то количество случаев, когда американские дипломаты уезжали из города на несколько дней, а потом обнаруживали, что кто-то у них был и выключил из розетки их холодильники или оставил открытыми окна в середине зимы. Это все поражало меня как очень непрофессиональное, незрелое и ограниченное поведение.

Нас всех предупреждали и каждый из нас всегда ждал, что всем нам, мужчинам, могут предложить где-то красивую русскую девушку-блондинку и... Только во время одной командировки я повстречал юную леди случайным образом в валютном баре гостиницы. Она хотела потанцевать, а потом говорит: «Не скучно ли здесь? У меня наверху...» Она сказала, что у нее есть водка и импортный шоколад. И это все происходило в России. А в то время мой русский не был очень хорош. И я пытался придумать что-то очень умное, очень учтивое и любезное, как мог бы ответить Джеймс Бонд. Но все, что я мог сказать, было: «Увы, я не люблю шоколад». (По-русски.) «К сожалению, мне не нравится шоколад». Она посмотрела на меня, как будто желая сказать: «Ну ты и дурак!»

Первый вопрос у меня заключался в том, что мы были в валютном баре, где нужно было иметь иностранную валюту, то есть обычно там не могло быть каких-либо русских. И второй вопрос был в том, а где же она взяла доллары? Бармен (который был веселым парнем и не

задумывался о коммунистах, капиталистах или ком-то еще), когда появилась она и стала со мной разговаривать, обратил на нее мое внимание и дал мне понять (по-русски): «Осторожно!», и я ответил ему по-русски: «Понятно, понятно». Осторожность, сами понимаете. Возможно, он видел ее там много раз до этого с другими иностранцами.

Поэтому... Кстати, короткий анекдот. Есть замечательная старая история, не знаю, правда это или нет, но якобы однажды у французского дипломата жена уехала домой в Париж, а он закрутил роман с симпатичной балериной. А сотрудники КГБ сделали «сальные» фотографии того, как он занимается сексом в голем виде. Затем у них происходит с ним встреча, и они показывают ему все фотографии. Он смотрит на них и говорит: «Вот эта очень хороша. Я возьму одну эту и две копии вот этой». По всей видимости, вы не можете шантажировать француза его сексуальными похождениями. Да, они бы хотели предложить сохранить эти фотографии в секрете, если бы он стал с ними сотрудничать, но француз попросил копии.

Ну, по крайней мере в Америке, 1985 год называют Годом шпиона. Так как было столько случаев — Эдвард Ховард, капрал Лоунтри и Юрченко, который сбежал за границу, а потом вернулся назад. Случаи шли один за другим. И поэтому...

Действительно, казалось, что достигнут пик шпионажа с обеих сторон (по-русски). Готовы играть в холодную войну между КГБ и ЦРУ. США еще называются США. А где Советский Союз? Это только в исторических книгах.

От автора

Интервью Койла — это яркая картина работы, не поведения, а именно работы разведчика и в посольстве, и за его пределами. Койл приехал в посольство США в Москве на «засвеченную» должность второго секретаря секции закупки литературы политического отдела, многие годы до него замещавшуюся кадровыми сотрудниками ЦРУ. Поэтому у нас не было серьезных сомнений в его принадлежности к американской разведке, и с самого начала своего пребывания в СССР он разрабатывался нами как разведчик-агентурист.

У контрразведки к каждому разведчику ЦРУ чисто по-человечески свое индивидуальное отношение. Разведчику и его жене можно симпатизировать благодаря их личным и деловым качествам, уважать за высокий профессионализм или относиться отрицательно за дерзость и агрессивное отношение к нашей стране и т. д.

Койл был нам симпатичен, и между собой мы его называли «рыжий», не в обиду ему это будет сказано. Он достаточно красочно рассказывает о подготовке к работе в Москве, об обучении проникновению в колодец на полигоне в учебном центре ЦРУ, о мерах, которые предпринимались им и его женой для введения в заблуждение КГБ относительно целей пребывания в городе. Он не лишен чувства юмора, его наблюдения меткие и доброжелательные. Интересны его рассуждения о модели поведения разведчика.

Что касается утверждения Койла о посещении сотрудниками контрразведки квартир американских дипломатов, то эта легенда многие годы ходила по посольству. Но это лишь легенда, а, как говорится, у страха глаза велики. Из уст в уста в посольстве многие годы передавались истории о якобы надкусывании или исчезновении продуктов из холодильников, открытых в квартирах окнах или форточках, разбросанной одежде, передвинутой мебели, появлении табачного пепла или грязных пятен, следов пребывания в помещении посторонних лиц и т. д. Как маленьких детишек взрослые иногда пугают страшилками, так и американцы постоянно создавали сами для себя образ зловещего КГБ, который проникает всюду и всегда.

Ну, во-первых, контрразведка никогда не «разгуливала» по квартирам дипломатов, в этом не было нужды. Во-вторых, многие дипломаты нанимали в качестве приходящих уборщиков, прислуг, горничных и нянь-иностранок гражданок юго-восточных стран, которые не отличались чистоплотностью, а иной раз и порядочностью. И в-третьих, Служба безопасности посольства постоянно призывала дипломатов к бдительности, осторожности в общении с русскими, слежке друг за другом в вопросах соблюдения секретности. И не исключено, что подобные слухи распространяли сами офицеры безопасности, чтобы держать в напряжении персонал посольства США в Москве.

Клейтон Лоунтри, о котором рассказывает Джин Койл, был морским пехотинцем, несшим в числе других охрану внутри и по

периметру посольства США в Москве. Он действительно вступил в любовную связь с советской сотрудницей посольства, что по статусу американцам было категорически запрещено, и на одном из этапов их взаимоотношений с ним установил контакт сотрудник советской контрразведки. Но вскоре Лоунтри был переведен на службу в посольство США в Вене, где он под влиянием внутренних переживаний доложил резиденту ЦРУ Джеймсу Олсону о том, что случилось с ним в Москве.

В тот период ЦРУ ожесточенно искало причины массовых провалов агентов на советском направлении и ухватилось за ситуацию с Лоунтри как за эпизод, помогший якобы КГБ проникнуть в помещение резидентуры или добыть какие-либо секретные документы ЦРУ. Расследование показало, что версия ЦРУ не подтвердилась, но, тем не менее, Лоунтри в 1987 году был уволен со службы, разжалован, осужден и приговорен к 30 годам заключения в военной тюрьме. Через девять лет он был помилован и освобожден от дальнейшего отбытия наказания за примерное поведение.

Глава пятнадцатая

Операция ЦРУ под кодовым названием «Абсорб»

КГБ СССР об операции ЦРУ «Абсорб» Москва, 1985 год

В декабре 1985 года первым отделением Первого отдела ВГУ была сорвана организованная ЦРУ и АНБ акция технической разведки американских спецслужб. Мы задержали железнодорожный контейнер, которому предстояло проследовать из Японии через порт Находку и Ленинград в западногерманский город Гамбург. Для перехвата контейнера, шедшего из Японии в СССР, в Находку откомандировали моего заместителя Владимира Беликова, организовавшего с местными контрразведчиками постоянный тщательный контроль всех грузов, прибывавших из Японии. В результате этого контроля на борту теплохода «Сибيريا-мару» мы обнаружили контейнер № СТИФ-1317221, заполненный полностью, по документам, картонными коробками с цветочными горшками.

В этом контейнере после его перегрузки с теплохода на железнодорожную платформу и досмотра за несколькими рядами из цветочных горшков был обнаружен многотонный комплекс разведывательно-технической аппаратуры. На металлическом каркасе по периметру контейнера были прикреплены две электронно-вычислительные машины, специально изготовленные датчики — регистраторы радиоактивного излучения и фотокамеры, объективы которых через вентиляционные решетки могли вести круглосуточную панорамную съемку по всему маршруту движения контейнера. В контейнере находились и другие приборы, обеспечивавшие регистрацию пройденного расстояния, атмосферного давления и температуры.

Весь этот комплекс должен был работать в автоматическом режиме без перерывов, фиксируя каждый метр пройденного пути, и определять географические координаты районов, связанных с производством, хранением и перевозкой ядерного оружия, и находить атомные объекты вдоль Транссибирской магистрали. По заключению специалистов, эта современнейшая электронная разведывательная

аппаратура предназначалась для обнаружения, фотографирования и фиксации источников радиации, нейтронного и гамма-излучений при следовании по железной дороге через всю территорию СССР с востока на запад. Комплекс был скомпонован из изделий крупнейших американских фирм: «Ар си эй», «Нэшнл семикондактор», «Силиконикс», «Тэксас инструменте» и др. Используемые в электронном комплексе аккумуляторы изготовили американские фирмы «Меллори энд компани» и «Игл пичер», свинцовые блоки для придания контейнеру устойчивости и веса также имели американскую фабричную маркировку.

Установлено, что пособниками и исполнителями этой совместной акции технической разведки ЦРУ и АНБ являлись японские фирмы «Сан юнион», которой принадлежали цветочные горшки, «Марудзен Азия транс», арендовавшая железнодорожный контейнер, и «Транссиб», осуществлявшая транспортировку контейнера через территорию СССР. Получателем груза числился некий гражданин ФРГ Рамон Прайз, который в Гамбурге должен был принять этот контейнер через транспортную фирму «Цюст-Бахмайер».

Мы расценивали срыв этой операции АНБ и ЦРУ советской контрразведкой как серьезный успех и пытались развернуть широкую пропагандистскую антиамериканскую кампанию, обвинив в этой шпионской разведывательной акции ее организаторов — разведку США. Но МИД нас не поддержал.

Думаю, не ошибусь, если констатирую, что именно горбачевская перестройка и «новое мышление», ярким сторонником которых был министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, сыграли в этом главенствующую роль. Нам не удалось в рамках возбужденного тогда уголовного дела привлечь к ответственности ни установленных нами иностранцев, организовавших, судя по документам, транзит контейнера со шпионской аппаратурой, ни фирмы, от имени которых они действовали, так как все они после провала операции просто исчезли, а официальные власти Японии и ФРГ фактически заблокировали расследование. Что касается американцев, то официальные лица и представители их спецслужб это событие просто проигнорировали и многие годы никак не комментировали — так всегда бывает в случаях провала разведывательных операций.

Но впоследствии ЦРУ признало, что это дорогостоящее мероприятие с использованием многофункциональной разведывательной чудо-лаборатории на колесах, на которую спецслужбы США возлагали большие надежды, было их детищем и именовалось операцией «Абсорб». Не вызывает сомнения, что эта операция явилась результатом выдумки и смекалки заказчиков этого мероприятия, их организаторских способностей, воплощением на практике передовых инженерных идей и технологий ЦРУ и АНБ США в области электронной разведки.

ЦРУ об операции «Абсорб»

К 1983 году ЦРУ установило точное местонахождение всех стационарных наземных ядерных ракет СССР. Но полной информацией о том, насколько серьезную опасность они собой представляют, сотрудники Управления не располагали. Особенно актуальным это стало после того, как Советы приступили к разработке ракет с разделяющимися ядерными боеголовками индивидуального наведения. Некоторые ракеты могли нести на себе до десяти боеголовок.

Ученые ЦРУ начали размышлять о том, как вычислить количество боеголовок на каждой из ракет. Вскоре они выработали некий научный подход к этой проблеме. Измерив уровень радиации, излучаемой каждой ракетой, можно было без труда установить, сколько боеголовок — десять, шесть или четыре — она на себе несет, а также определить мощность каждой из них. Управлению осталось сделать лишь последний шаг и найти способ точного измерения уровня радиации.

И тут кто-то обратил внимание на то, что советские ядерные боеголовки производятся в западной части СССР, а оттуда их доставляют через Урал на Дальний Восток и устанавливают в местах, откуда удобнее нанести ядерный удар по Соединенным Штатам. Единственной дорогой, по которой можно было транспортировать боеголовки, являлась Транссибирская магистраль, протянувшаяся почти на 5750 миль от Москвы до Владивостока. С остальной Европой Москву соединяли различные железнодорожные ветки. Итак, на определенном этапе маршрута поезд, идущий из Владивостока, вполне мог встретиться с поездом, который вез боеголовки в восточном направлении. Несмотря на то что эта

встреча продлилась бы не более нескольких секунд, включенный счетчик Гейгера в одном из вагонов поезда Владивосток — Москва вполне мог зафиксировать уровень радиации боеголовок. Вот такая теоретическая база была подведена под операцию «Абсорб», и к 1983 году Управление успело потратить на осуществление проекта около 50 миллионов долларов.

На железной дороге были проведены эксперименты. Например, Управление установило несколько суперсовременных фотокамер за фальшивой стеной грузового контейнера. Контейнер был из серии тех, что транспортируются полуприцепами и перевозятся на судах и поездах. С помощью дружелюбно настроенной японской компании Управление отправило такой контейнер в путешествие через всю территорию СССР от Владивостока до границы с Восточной Европой. Камеры были запрограммированы таким образом, чтобы делать снимки всех железнодорожных веток, отходящих от магистрали. Многие из них шли от военных заводов и оказались зафиксированы на пленке. Эта операция позволила ЦРУ убедиться в том, что для «Абсорб» нет ничего невозможного. Нужно было лишь усовершенствовать детектор радиации, заставив его включаться каждый раз, когда в радиусе действия оказывалась малейшая доза радиации, а затем автоматически выключаться.

После того как детектор радиации был готов к применению, оборудованный контейнер был отослан в Японию, а там его присоединили к другим таким же контейнерам, груженным керамическими вазами, которые следовало доставить с Тихоокеанского побережья в Гамбург. Но в феврале 1986 года до Управления дошли сведения о том, что 24 января на Транссибирской магистрали сотрудники КГБ остановили шедший на Запад поезд и изъяли грузовой контейнер со множеством электронных датчиков.

Милтон Бирден об операции «Абсорб»

Когда работники КГБ вскрыли контейнер № СТИФ-1317221, доставленный в порт Находки теплоходом «Сиберия-мару», они обнаружили там, на первый взгляд, вполне невинный груз — тщательно упакованные коробки с глиняными цветочными горшками. Однако после того как были выгружены первые два ряда коробок, за ними была обнаружена «чудо-лаборатория». Через узкие прорези с

обеих сторон контейнера, замаскированные под вентиляционные отверстия, наружу смотрели телевизионные камеры. Они были связаны с компьютером и целой батареей самых современных научных приборов.

Проведенное КГБ тщательное исследование этой техники позволило доказать, что предназначением этого технического чуда холодной войны являлось определение координат источников радиоактивности по всему маршруту, пролегавшему через территорию СССР. Было установлено, что техника могла регистрировать интенсивность и спектральный состав излучений, общую дозу нейтронов и гамма-лучей, фиксировать географические координаты источников излучений, атмосферное давление, температуру и привязывать эти данные к панорамной фотосъемке, которая производилась через вентиляционные отверстия.

Лаборатория «умела» самостоятельно находить места производства ядерного оружия, пункты его складирования и маршруты транспортировки по территории СССР. Сенсоры обладали техническим ресурсом идентифицировать боеголовку с боезарядом в объеме одного килограмма плутония с расстояния 10 метров. По заключению экспертов КГБ, техника была способна функционировать автономно в течение трех месяцев, и в КГБ были уверены, что за «изобретением» этого контейнера стояла только одна разведывательная служба — Центральное разведывательное управление США.

Операция «Абсорб» провалилась.

От автора

«Абсорб» — уникальная по своей сути операция, в которой для реализации замысла были сконцентрированы организационные, оперативные, инженерные, научные, технические, материальные и финансовые возможности различных американских ведомств. Как показала практика, для достижения поставленной разведывательной цели для ЦРУ все средства оказались хороши, вплоть до компрометации коммерческих фирм и организаций, чьим прикрытием воспользовалось ЦРУ, транспортных и морских перевозок, чьими

возможностями воспользовалось ЦРУ, сопредельных с СССР государств Японии и Германии, территории которых послужили базой операции «Абсорб».

Ну а с оперативной точки зрения, как и операция СК ТАУ, операция «Абсорб» по своей смекалке, сложности и оригинальности воплощения замысла — выше всяких похвал. Действительно, когда были вынуты первые ряды цветочных горшков и перед нашим взглядом предстала целая научно-техническая лаборатория, мы были поражены, восхищены и одновременно возмущены. Возмущены наглостью и беспардонностью американцев, которые таким безапелляционным образом организовали разведывательное проникновение на территорию суверенного государства СССР, безопасность которого мы были призваны защищать. А восхищены мы были самой придумкой американцев — «прогнать» бесхозный неохраняемый контейнер с начинкой на вес золота через всю территорию СССР. Поражены мы были уровнем технической мысли и реализацией на практике достижений науки и техники в разведывательных целях.

Теоретическая база под эту операцию была подведена американцами к 1983 году, на ее подготовку, предварительные эксперименты и реализацию к 1985 году было затрачено 50 миллионов долларов. Но бюджет ЦРУ это выдержал.

Комментарии оперативных сотрудников ЦРУ об операции «Абсорб» практически отсутствуют, потому что они не были вовлечены в процесс обеспечения ее безопасности. Не исключая, что большинство из них даже не были осведомлены об этой операции, так как она практически их не касалась. Но Милтон Бирден, который кратко высказался об операции «Абсорб», в силу занимаемого им поста руководителя подразделения ЦРУ по Советскому Союзу и странам Восточной Европы, естественно, был в курсе всего, что касалось его направления ответственности.

Мы, конечно, были удовлетворены тем, что контрразведке на начальном этапе удалось сорвать эту акцию ЦРУ по проникновению к нашим секретам, предотвратив нанесение ущерба безопасности нашей страны. Но мы считали и считаем, что именно Эдуард Шеварднадзе, будучи с 1985 года министром иностранных дел СССР, лично воспрепятствовал, несмотря на настойчивые усилия контрразведки, развертыванию широкой антиамериканской кампании касательно

вмешательства США во внутренние дела Советского Союза с использованием доказательной базы материалов операции «Абсорб».

Глава шестнадцатая

Шпионаж в XXI веке

Эксперты ЦРУ о тенденциях в области разведки

На рубеже веков на смену технической революции в области разведки пришли новейшие информационные технологии. Секретные цифровые информационные системы, использовавшиеся ЦРУ в течение более двух десятилетий, сегодня стали доступны по всему миру. Способы шпионажа необратимо изменились в значительной степени благодаря быстрому распространению всеобщей зависимости от информационных технологий.

Специальные сверхминиатюрные фотокамеры для фотографирования документов потеряли свою актуальность, когда компьютерные сети превратились в главное хранилище для тайн, и скрытое фотографирование быстро уступило дорогу сложным техническим операциям, которые используются в сети. Шпионы с персональным доступом к этим сетям могут «скачать» миллионы страниц важных документов в микроэлектронную память, которую можно легко спрятать в часы, авторучку или, например, в слуховой аппарат. Но цифровая революция не изменила цели ЦРУ по тайному сбору секретных планов и намерения противника.

Однако роль агента стала другой — из шпиона, которому помогает спецтехника, он превратился в шпиона, который обеспечивает оперативно-технические мероприятия. Шпионские принадлежности пришлось приспособить к потребностям агента, который не является носителем информации, а проникает к информации через компьютерные сети. Для того чтобы раскрыть военные, политические или экономические секреты другой страны, необходимо проникнуть в информационные системы противника, и это будет более ценным, чем кража бумажных документов. Для тайной передачи огромного количества информации или атаки на вражеские сети не требуется физического присутствия; такие операции могут проводиться удаленно, из любой точки земного шара через Интернет.

Независимо от эпохи классический шпионаж всегда использовал лучшую технику для своей тайной деятельности. Хотя цели разведки

остаются неизменными, глобальный доступ к информации и цифровым системам изменил проверенные временем методы и технику шпионажа. Новейшие информационные технологии позволили по-новому использовать старые, традиционные методы разведки. Интернет и доступ к личным информационным базам данных делают поиск лиц с потенциальной возможностью вербовки независимым от географии и личных особенностей. Через Интернет можно отбирать кандидатов на вербовку, узнать их привычки, уязвимость, профессию и должность, часто указывающие на доступ к важной конфиденциальной информации. Мысли человека и его комментарии всегда присутствуют в Интернете в качестве материала для анализа. Любые средства общения и информации, где человек проявляет себя, — блог, чат, электронная почта, опубликованная книга, журнал или интервью, — доступны любому, кто пользуется Интернетом.

Общедоступные базы данных Интернета позволяют анонимно и на расстоянии накапливать разносторонние личные и финансовые характеристики. Виды доступной информации включают в себя место работы, профессию, этапы образования, здоровье, семейное положение, адрес, номер полиса социального страхования, номер водительских прав, доходы, личные долги, номера кредитных карт, туристические поездки, любимые рестораны, судебные иски и сведения о банкротствах. Изучение информационной базы человека может дать основу для его вербовки, например проблемы с алкоголем, скрываемые болезни, финансовые трудности, внебрачные связи, неудачи в карьере и т. д.

Цифровые технологии открывают возможности для сокрытия информации в формах, немислимых во времена холодной войны. Игрушки, фотоаппараты, музыкальные плееры, калькуляторы, часы и предметы домашнего обихода со встроенными компьютерами позволяют скрывать секретную информацию в любом устройстве. Агенту больше не нужно иметь компрометирующие его тайниковые контейнеры для хранения фотопленки, одноразовые шифроблокноты, тайнописные химические препараты и планы побега, поскольку вся эта информация может храниться в электронном виде в любом обычном устройстве без опасности расшифровки.

Вероятность обнаружения у агента правильно спрятанной цифровой информации стремится к нулю. С помощью технологии

недорогих штрих-кодов, созданных для розничной торговли, можно встроить крошечный чип в одежду или подошву обуви ничего не подозревающего человека. Эти чипы дают отклик во время прохода через электронные пропускные пункты и представляют собой цифровую версию известного «шпионского порошка», разработанного советскими спецслужбами.

Во времена холодной войны технологии скрытой связи, такие как моментальные передачи, личные встречи, тайники, броски в автомашину, были уязвимы перед службой наружного наблюдения.

Появление Интернета пошатнуло основы конспирации, и в методах скрытой связи произошла революция — Интернет создал беспрецедентные возможности для коммуникаций. Сегодня записки, сведения и сигналы теряются в шквале информации в сетях. При передаче информации через Интернет личность и местонахождение получателя и отправителя могут быть скрыты в искусных вариантах маскировки. Ранее для планирования операций скрытой связи требовались недели, к тому же эти мероприятия были опасными, а теперь их можно организовать за минуты и безопасно с помощью Интернета.

Методы шифрования, основанные на новейших технологиях, защищают и скрывают данные в файлах, передаваемых через континенты. Передачи «смешиваются» с миллиардами файлов и писем, ежедневно передаваемых по электронной почте. Информацию в цифровом виде можно скрыть внутри музыкальных или видеофайлов таким образом, чтобы сделать звук и изображение неизменными.

Тайники широко использовались во времена холодной войны для обмена информацией и передачи денег от куратора агенту, но оба были подвержены рискам обнаружения и ареста. Интернет позволяет создавать сколько угодно много учетных записей и по электронной почте анонимно отправлять и получать файлы и сообщения. Варианты скрытой связи с использованием цифровых технологий быстро обновляются и остаются постоянной проблемой для контрразведки. Разведывательные службы анонимно создают учетные записи электронной почты под вымышленными названиями и применяют их для получения зашифрованных сообщений и цифровых файлов от источников информации. Простое электронное письмо на «условную учетную запись» может маскировать закодированную связь, которая

будет устойчивой для дешифровки при условии ее однократного использования.

Недорогие мобильные телефоны открывают возможности для анонимного общения. Часто мобильные телефоны приобретаются за наличные с рук и в магазинах в периоды распродаж. В этом случае телефон «не привязан» к пользователю, и звонки с такого телефона с заранее оплаченным временем пользования не могут быть отслежены. Если телефон выбрасывается после однократного применения, уничтожается и какая-либо связь с пользователем.

Достижения в области персональных цифровых помощников в конце прошлого столетия упростили передачи с помощью аппаратуры ближней радиосвязи (SRAC), сделали такие операции более эффективными и добавили им возможностей. Бывший офицер МИ-6 Ричард Томлинсон описал систему, известную как «Кот Гарфилд», используемую только с опытными и проверенными британскими агентами в таких странах, как Россия и Южная Африка: «Агент записывает сообщение на портативный компьютер, затем загружает его в передатчик SRAC — коробочку размером с пачку сигарет. Приемник, как правило, находится в британском посольстве и постоянно посылает маломощный сигнал запроса. Когда агент находится достаточно близко, его передатчик срабатывает и посылает сообщение на большой скорости в диапазоне УКВ. Передатчик замаскирован под обычный предмет. На протяжении многих лет для системы «Гарфилд» были популярны фигурки животных, поскольку их лапы на присосках позволяли агенту прикрепить передатчик на боковое окно автомобиля, что улучшало радиосвязь из салона, когда он проезжал мимо посольства».

В 2006 году представитель ФСБ России в телепередаче на одном из российских каналов сообщил, что британские дипломаты были сфотографированы во время обслуживания «электронного тайника», скрытого внутри искусственного камня в городском парке. Скрытые камеры ФСБ показали двух британских дипломатов, когда они пытались активизировать их сломанный «камень». Внутри камня размещались приемник, передатчик, компьютер и блок питания, предназначенные для скрытой связи с русским агентом. Проходя мимо «камня», агент скрытно передавал свой отчет, используя только клавиатуру стандартного сотового телефона или другого персонального

электронного устройства. Заранее, после подготовки сообщения, устройство переводилось в режим передачи. Когда агент проходил недалеко от «камня», устройство из кармана агента непрерывно посылало маломощный радиосигнал — это было похоже на технологию Bluetooth. Затем устройство автоматически получало подтверждающий сигнал от «камня» и передавало ему зашифрованную информацию в режиме быстросействия. Если в «камне» находились сообщения для агента, они также автоматически передавались на устройство в кармане агента.

«Умные» устройства усовершенствовали аппаратуру БИАС, разработанную техническими специалистами ЦРУ более чем на четверть века раньше, и сделали скрытую связь более безопасной. В качестве аппаратуры агента использовалось стандартное устройство с незаметным изменением программного обеспечения. Маломощная радиопередача и прием в радиусе не более 10 метров сделали его обнаружение весьма затруднительным. Кураторы агента передавали, получали и сохранили сообщения от «камня» таким же образом, как и агент.

Обнаружив «камень», ФСБ намеренно выключили или вывели из строя этот электронный тайник, чтобы зафиксировать сотрудников МИ-6, состоявших в штате британского посольства в Москве, которые забрали «камень» для ремонта. После обнаружения первого «камня» сотрудники ФСБ нашли также и второй «камень», спрятанный в сугробе, но уже в другом месте.

Все вышеизложенное, так же как и другие современные достижения в области науки и техники, используемые спецслужбами различных государств в своих разведывательных интересах, поднимают на совершенно новый, более высокий уровень конспирацию, специализацию и результативность шпионажа в XXI веке.

От автора

Специалисты ЦРУ воспели технический прогресс и достижения в области науки и техники. Интернет всюду и везде покрыл сетями земной шар и стал общедоступен землянам, а стало быть, и разведка имеет возможность электронного шпионского проникновения в ранее

закрытые и табуированные сферы жизни и любого гражданина, и в политические структуры органов государственной власти и управления, и в секретные научно-производственные лаборатории, в том числе и оборонного характера.

Это все, может быть, и так, но не будем забывать, что всякому действию по земным законам имеется противодействие. И каждое государство, и каждое учреждение как защищало, так и будет защищать свои секреты. Против новейших систем проникновения создаются не менее продуктивные программы их блокирования и локализации.

Но главное не в этом. Традиционный шпионаж с использованием человеческого ресурса всегда был, есть и будет. Невозможно мысли и соображения человека, обладающего секретной информацией, заменить электроникой, и совсем не обязательно, что этими мыслями он будет делиться с широким кругом лиц, включая использование Интернета. Все важнейшие решения принимаются индивидуально или в очень узком круге лиц, и от бумажных носителей никто в обозримом будущем отказываться не собирается.

У любого агента всегда есть и будет куратор от разведки, и им хотя бы эпизодически, но необходимо или встречаться, или проводить операции с использованием безличной связи через тайники, сигналы или радиообмены. А эти контакты уязвимы и могут попасть в поле зрения контрразведки.

Ни разведка, ни контрразведка никогда в обозримом будущем не откажутся от традиционных методов работы, а будут лишь совершенствовать тактику их проведения.

Часть четвертая
Оценка ЦРУ межведомственного
американо-российского сотрудничества

Глава семнадцатая

Сотрудник ЦРУ Рольф Моуэтт-Ларсен о контактах с СВР и ФСБ России

О взаимодействии ЦРУ с СВР

«Я бы хотел произнести тост. Я думаю, что вы все хорошо осведомлены о моем прошлом и моих взглядах ветерана холодной войны. Если я и войду в историю как первый директор центральной разведки США, которому довелось приехать в Москву с целью установить связи между разведками США и России, то не по своей воле. Честно говоря, я испытываю дискомфорт при мысли, что мой визит может быть преподнесен как некое действие, способствовавшее легитимизации роли КГБ в демократической России. Я приехал сюда не для этого.

Я нахожусь здесь сегодня потому, что этого требуют отношения между нашими двумя странами, для развития которых необходимо сотрудничество наших разведывательных ведомств в тех областях, которые представляют взаимный интерес для обеих сторон. Пришла пора перевернуть страницу нашей истории во имя борьбы с теми угрозами, перед лицом которых мы оказались в этой новой эре, не забывая о наших прежних и нынешних разногласиях. Я предлагаю тост за безопасность и будущее наших двух народов».

Не ручаюсь, что я запомнил этот тост дословно, но осмелюсь высказать предположение о том, что примерно этими словами тогдашний директор центральной разведки США Роберт Гейтс в 1992 году открыл новую главу в беспокойной истории до того момента враждовавших разведок США и России.

Визит в Москву, который Гейтс совершил в сентябре 1992 года и в ходе которого он встретился с тогдашним главой СВР России Евгением Примаковым и заместителем министра безопасности Сергеем Степашиным, вовсе не был неким политическим спектаклем. Не был этот визит и неким мероприятием с участием наивных людей, игнорирующих горькие реалии конфронтации. В Москве директора ЦРУ принимали и внимательно выслушивали. По крайней мере, такая отзывчивость ощущалась во время его встреч с высокопоставленными

представителями спецслужб и правительства России. Было ясно, что политическое руководство обеих стран потребовало от разведок продемонстрировать хотя бы малую толику стремления к сотрудничеству.

Со своей стороны, директор ЦРУ Гейтс привез небольшой список предложений, требовавших сотрудничества на высоком уровне. С помощью этих предложений он намеревался проверить, могут ли американские и российские разведчики засучив рукава приняться за реальную совместную работу.

Во главе его списка стояло предложение восполнить пробелы в разведывательной информации по ядерной оружейной программе Северной Кореи. Гейтс предложил организовать беспрецедентную совместную операцию, в рамках которой можно было бы эффективно использовать высокотехнологичные средства ведения разведки, имевшиеся у американской стороны, и доступ, которым обладала российская сторона, для того чтобы непосредственно на месте собрать разведанные, которые позволили бы определить состояние северокорейской ядерной программы.

Гейтс также запросил у российской стороны информацию о степени насыщенности нового, еще незаселенного комплекса зданий на территории американской дипломатической миссии в Москве российскими средствами технической разведки. Этот запрос являлся своего рода тестом для принимающей стороны, с помощью которого Гейтс хотел понять, считает ли российская разведка Соединенные Штаты перспективным союзником или же после распада СССР и разделения КГБ на отдельные ведомства США по-прежнему остаются для России главным противником.

Выступая с этими предложениями, Гейтс рассчитывал на то, что если обеим сторонам удастся предпринять конкретные действия, направленные на решение нескольких наиболее заметных проблем, стоявших перед двумя разведками, то подобный успех, возможно, позволит обосновать необходимость установления формальных, официальных отношений.

Со своей стороны, руководство российских спецслужб в лице Примакова и Степашина сразу же разглядело потенциальные выгоды от подобного сотрудничества для России. Они ясно представляли себе и перспективы, и цели, а поэтому были готовы пойти на просчитанный

риск для продвижения сотрудничества. Поэтому они подключились к переговорам и представили свои предложения.

В итоге даже сегодня, спустя двадцать лет, та встреча в Москве предстает как историческое событие, как одно из наиболее значительных достижений покрытого тайнами сотрудничества между Россией и США в области разведки за весь истекший с момента окончания холодной войны период. Эффект, достигнутый во время визита Гейтса, был усилен в ходе поездки в Москву в октябре 1993 года пришедшего ему на смену на пост директора ЦРУ Джеймса Вулси.

Эти две встречи на высоком уровне в Москве вкупе с консультациями, которые директор СВР Примаков провел в Вашингтоне в июле того же года, явились поистине поворотными событиями, которые настолько вовлекли руководителей спецслужб двух стран в сотрудничество, что они положили начало целой серии продуктивных обменов разведанными по постоянно расширявшемуся перечню сфер взаимодействия. При этом приоритет отдавался транснациональным угрозам. Эксперты встречались на регулярной основе в столицах двух стран, чтобы обмениваться информацией и аналитикой по терроризму, распространению оружия массового уничтожения, наркотикам и организованной преступности.

Под эгидой комиссии Гор-Черномырдин происходили обмены информацией даже по глобальному потеплению, хотя, конечно, вид заслуженных офицеров российской и американской разведок, рассуждающих об окружающей среде, немало веселил ветеранов ЦРУ и КГБ. В те «добрые времена» относительно продуктивного и конструктивного взаимодействия ни та ни другая сторона не питала иллюзий насчет возможности потери их контрагентами аппетита в таком вопросе, как осуществление шпионажа за противоположной стороной, когда такая возможность предоставлялась. Ведь шпионаж ценился больше и приводил к большим последствиям, чем те ограниченные выгоды, которые можно было получить от сотрудничества.

Следует признать и то, что позиции сторон по большинству вопросов резко отличались. В частности, мы склонялись к тому, чтобы не соглашаться друг с другом по такому вопросу, как роль разведки в обеспечении деятельности политического руководства страны. Мы были продуктами противоположных культур, и это сказывалось на

наших подходах к аналитическим методам разведывательной работы, методам оперативной работы и принципам, которыми следует руководствоваться при поддержании связи с другими ведомствами. Тем не менее, и это можно поставить в заслугу обеим сторонам, мы никогда не пытались замаскировать те разногласия, которые у нас были. И хотя в этом трудно было признаваться, но именно обмен резко отличающимися мнениями по той или иной проблеме приводил к лучшему ее пониманию.

Евгений Примаков понимал, какой нереализованный потенциал кроется в новаторских методах объединения усилий для решения конкретных проблем. Например, вот как он рассуждал на одной из встреч о том, какие новаторские приемы можно применить для того, чтобы побудить офицеров СВР и ЦРУ более плотно работать вместе. «Мои офицеры не хотят работать с офицерами ЦРУ по совместным операциям, — признал Примаков, — потому, что это их запятнает и негативно скажется на их карьерах». Поэтому, размышляя вслух, глава российской разведки предложил, чтобы «офицеры СВР и ЦРУ вели работу по параллельным каналам для продвижения к одной общей цели». «Мы задействуем наши источники и методы, вы задействуете ваши средства доступа, а затем мы сравним результаты наших усилий и определимся, каким путем лучше всего идти дальше».

Выслушав его соображения, я спросил Евгения Максимовича, не имел ли он в виду какую-либо конкретную цель или задачу. Примаков задумался, сделал паузу, а затем сказал следующее: «Ну это не является официальным предложением, но, возможно, мы могли бы постараться сделать так, чтобы лидер Палестины Ясир Арафат и руководитель Израиля Ицхак Рабин остались живы». К сожалению, эта идея показалась слишком смелой, а может, и слишком оригинальной на вкус для руководства ЦРУ в Лэнгли.

Были и встречи, в ходе которых и российская сторона скептически отнеслась к предложению американской стороны начать продвигать сотрудничество двух разведок по нехоженным ранее маршрутам. И все же, несмотря на нежелание спецслужб двух стран сотрудничать без оглядки, время от времени обеим сторонам было очевидно, что по отдельным вопросам, решение которых было в собственных интересах и американских, и российских ведомств, и в Москве, и в Вашингтоне

могли бы добиться лучших результатов, работая не по отдельности, а вместе.

О взаимодействии ЦРУ с ФСБ

Необычный случай для подобной совместной работы представился весной 1993 года, когда так называемый инициатив-ник зашел в одно из посольств США (расположенных вне территории бывшего Советского Союза). Этот человек назвался членом группы чеченцев, сформированной для покушения на убийство президента Ельцина. По его словам, группа планировала убить президента России во время предстоящего выступления в Кремле. О случившемся доложили президенту Клинтону, который тут же распорядился передать эту информацию президенту Ельцину.

После того как информация поступила к Ельцину, была организована встреча офицеров ЦРУ и ФСБ в штаб-квартире ФСБ на Лубянке. Там под пристальным взглядом портрета Юрия Андропова они обсудили детали совместной операции по противодействию угрозе. На основе достигнутых на той встрече договоренностей смешанная группа из офицеров ЦРУ и ФСБ осуществила поездку под прикрытием из столицы России в третью страну для того, чтобы провести сбор и анализ разведывательной информации по угрозе. В ходе интенсивных действий группы было установлено, что информация источника об угрозе является вымышленной.

Конечно же, то, что угроза оказалась ненастоящей, было воспринято с облегчением. Но подобный результат совместной операции ни в коей мере не умаляет значимость того, что было достигнуто в ходе этой работы. ЦРУ и ФСБ продемонстрировали, что они могут работать вместе в быстро меняющейся и неясной ситуации. Офицеры показали высокий уровень профессионализма в совместной работе по нейтрализации того, что им представлялось возможной угрозой жизни президенту.

В последовавшие месяцы выражение «шаг за шагом» стало девизом офицеров, отвечавших за связи между спецслужбами и усердно работавших для продвижения совместных усилий по определению сфер, представлявших интерес для обеих сторон. Не доверие, а профессиональное уважение друг друга отдельными офицерами стало одним из важнейших слагаемых тех скромных

успехов, которые принесли эти усилия по получению конкретных результатов от поддержания связей между спецслужбами. Эти неоднозначные результаты были подвергнуты испытанию в напряженные часы, предшествовавшие попытке путча, которая была предпринята сторонниками жесткого курса во главе с Русланом Хасбулатовым и Александром Руцким в октябре 1993 года и которая была направлена против президента Ельцина.

Одним прекрасным осенним днем мой домашний телефон зазвонил. Звонил генерал ФСБ Валентин Клименко, являвшийся одним из основных на тот момент офицеров связи своего ведомства с резидентурой ЦРУ в Москве. Настроение у него было мрачное. Мне пришлось напрячься, чтобы расслышать его слова. Генерал спокойным тоном сказал мне: «Рольф, я должен тебя немедленно видеть. Приезжай один, но не заходи на Лубянку. Езжай на метро. Встретимся на углу остановки метро на площади Дзержинского». Сказав это, Клименко вздохнул и добавил: «И, пожалуйста, приезжай один».

Прежде чем отправиться на встречу, я предпринял необычные меры предосторожности — сообщил нашему послу Томасу Пикерингу о моем предстоящем randevu с ФСБ на тот случай, если я не вернусь. А про себя я подумал: «На чьей же стороне КГБ?»

Я вышел из метро на Лубянке. При этом наружка следовала за мной по пятам. «Какой поворот судьбы», — хмыкнул я, подумав о том, что сотрудники службы наружного наблюдения были, по всей видимости, даже больше озабочены и озадачены, чем я. Валентин и его коллега поравнялись со мной еще до того, как я дошел до места встречи. Рукопожатие генерала было твердым. «У нас проблема, — начал Валентин. — Когда президент выслушал сегодня утренний доклад, то он спросил нас (ФСБ), почему офицеры ЦРУ встречаются с путчистами в (российском) Белом доме». Посмотрев мне в глаза, Клименко продолжил: «Мы ответили, что не знаем. В ответ на это президент поинтересовался: “А на чьей стороне ЦРУ? Соединенные Штаты за меня или против?”»

Сказав это, ветеран контрразведки сделал паузу для пушного эффекта, прежде чем спросить меня: «Что же нам сказать ему? Нам нужен ваш ответ на этот вопрос прямо сейчас». Я вздохнул с облегчением. Ответить на вопрос Клименко было просто. Для этого не надо было истребовать инструкции из посольства или Вашингтона:

«Пожалуйста, заверьте президента Ельцина в том, что США в его углу ринга. Соединенные Штаты твердо поддерживают правительство России».

Я разъяснил Клименко, что встреча между сотрудниками посольства США и сторонниками жесткого курса была организована в рамках действий ЦРУ, направленных на информирование Вашингтона о быстро развивающихся событиях в Москве. «Хорошо! — воскликнул явно удовлетворенный моим ответом Валентин. — А теперь передай в Вашингтон следующее: российские военные в самом скором времени примут меры, необходимые для разрешения кризиса. Убирайте своих офицеров из Белого дома в течение двух следующих часов или же они попадут под перекрестный огонь или будут взяты в заложники путчистами».

Поездка обратно в посольство на метро, казалось, длилась вечность. Те, кто вели за мной слежку словно испарились. Я доложил послу, и мы сообщили в Вашингтон о решении Ельцина предпринять военные действия. Были приняты меры для защиты тех, кто проживал на территории посольства, в качестве меры предосторожности в связи с ожидавшимися действиями правительства по противодействию путчистам.

Как и говорил Валентин, танки въехали в город и стали занимать позиции спустя два часа. Вскоре посольство США оказалось перед перекрестным огнем российских военных и путчистов, которые заняли позиции в зданиях по периметру американского дипломатического комплекса. Когда перестрелка стала интенсивной, персонал и члены семей сотрудников посольства укрылись в подвале. Малочисленное подразделение морских пехотинцев, облаченных в боевое снаряжение, заняло позиции перед импровизированной баррикадой, сооруженной из мебели. Эти молодые ребята были единственной преградой между незащищенным персоналом посольства и внешним миром. Я хорошо запомнил их мрачные лица, их решимость биться до последнего человека, если путчисты, которые уже всю сновали по территории дипломатического комплекса, предпримут атаку на наше подземное убежище.

Позднее той ночью резидентура ЦРУ получила указание отправить офицеров в резиденцию посла в Спасо-Хаусе с целью оборудовать там

альтернативный командный пункт, из которого можно было поддерживать по спутнику связь с Вашингтоном.

Посольство было отрезано от внешнего мира, и его сотрудники не могли сообщать с его территории о развитии путча. Я возглавил команду из трех офицеров ЦРУ, которая вырвалась из гаража посольства на одной машине под покровом ночи.

На улицах нас ожидал хаос. Только чудом нам удалось кружными путями, ведшими через едкий дым и мимо толп людей на улицах, добраться до Спасо-Хауса без приключений. Тотчас же мы отправили свою первую телеграмму, описывающую ситуацию в Москве, в Вашингтон.

Ситуация в центре Москвы продолжала ухудшаться по мере того, как приближался рассвет. Постепенно Спасо-Хаус стал местом сбора для сотрудников посольства, готовивших отчеты, а также для персонала из числа российских граждан, которые пришли на работу, как если бы это был обычный рабочий день. Но обычным в этот день на самом деле не было ничего. Элита российских войск вела бои со снайперами, от дома к дому, в высотных строениях, что нависали над резиденцией посла. Вооруженные путчисты зашли на территорию посольства, разбив несколько стекол. Шальные пули стучали дождем по крыше резиденции во время внезапно вспыхивавших перестрелок.

Я отправил весь российский персонал по домам, где они могли бы быть в безопасности. Я также позвонил послу, чтобы сообщить ему о возможности того, что путчисты захватят командный пункт в Спасо-Хаусе и возьмут сотрудников посольства в заложники.

Невозмутимый посол предложил мне сделать нечто удивительное: позвонить связному офицеру ФСБ и попросить о помощи. Казалось, что сделать подобный первый шаг можно было разве что от отчаяния, но мы прислушались к совету посла за неимением лучших идей. Вскоре у нас зазвонил телефон. Офицер ФСБ сообщил, что его ведомство получило нашу просьбу и что он должен нам сообщить кое-что по поручению генерала Степашина. Офицер сообщил нам, что группа хорошо вооруженных сотрудников ФСБ в штатском уже выдвинулась к Спасо-Хаусу с заданием обеспечить нашу безопасность. «Однако, — продолжил он, — им поручено выполнять свое задание, а вы выполняйте ваши. Вас разделяет черта. Не пересекайте ее. Установите зрительный контакт, чтобы подтвердить добросовестность намерений.

Но не более. Понятно?» «Понятно, — ответил я. — И спасибо». — «Пожалуйста». Так группа сотрудников ФСБ стала нашими молчаливыми партнерами на все время кризиса.

Мы все стали свидетелями того, как делается на самом деле история. Я тогда понял, что ничего в судьбе той или иной нации не предопределено. Я понял, что не история делает личностей, а личности делают историю. Российские политические деятели, военнослужащие и офицеры разведки, а также простые граждане предопределили будущее России посредством тех решений, которые они приняли во время того кризиса. Если бы они приняли другие решения, то события стали бы развиваться по совершенно иному пути. В тот момент истины американские и российские интересы совпали.

Если бы только история на этом и завершилась, то это могло бы стать хорошей концовкой в голливудском стиле.

О предательстве Эймса

Но эта история об американской и российской разведках не была бы полной, если бы я не поведал вам о том, как отношения скатились к интригам, предательству и обману, которые характеризуют вторую древнейшую профессию с тех пор, как джентльмены стали читать почту друг друга несколько веков назад.

Когда до Москвы дошли вести, что работника ЦРУ Олдрича Эймса арестовали 23 февраля 1994 года, то я втайне стал надеяться на то, что меня объявят персоной нон грата и мне больше не придется работать с российской разведкой. История с Эймсом стала сенсацией в Вашингтоне. На ЦРУ набросились критики, представлявшие весь спектр политической жизни в США. И решение ЦРУ прервать контакты с российской разведкой после того, как был разоблачен этот российский «крот», было вполне логичным.

Как это обычно бывает в таких случаях, эмоциональные перехлесты шпионской деятельности опутали обе стороны с ног до головы. Спустя несколько дней после того как разразился скандал, делегация из высокопоставленных сотрудников ЦРУ объявила о своем намерении посетить Москву для того, чтобы предпринять последние отчаянные усилия договориться о некотором решении, которое бы позволило предотвратить массовые взаимные высылки сотрудников, а также для того, чтобы не допустить и наихудшего варианта развития

событий, коим могла бы стать тайная теневая война разведок, введущаяся по всему миру.

Старший офицер ЦРУ Джон МакГаффин возглавил небольшой десант из сотрудников ЦРУ, высадившийся на окраине российской столицы, в Ясеневе. Обычный обмен любезностями на этот раз был сокращен до минимума, и стороны сразу перешли к сути. «Такие вещи случаются, — сказал Примаков, пожимая плечами в попытке разрядить атмосферу. — Это часть нашей профессии».

МакГаффин обезоруживающе улыбнулся, прежде чем ответить: «Теперь нам всем придется невесело. И это неизбежно. Вопрос в том, как бы мы могли ограничить ущерб. Как избежать эскалации, которая может повредить нашим двусторонним отношениям по более широкому спектру вопросов?»

Было ясно, что МакГаффин приехал в Москву не требовать мира, а чтобы подчеркнуть необходимость того, чтобы холодные головы возобладали и чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Было чрезвычайно важно вновь открыть канал для связей, хотя бы потому, что он помогал видеть ситуацию в перспективе в периоды, когда отношения подвергались подобным испытаниям.

Из этого я усвоил, насколько важно не позволять личным эмоциям затуманить суждения о человеческом факторе в шпионаже. Я также стал лучше и глубже понимать, что представляет из себя та «пустыня зеркал», в которой приходится пребывать офицерам разведки. В последовавшие после ареста Эймса недели и месяцы американские и российские разведки вновь пребывали в состоянии войны с друг другом.

О канале Гаврилова

Офицеры связи оказались при этом незаменимым каналом коммуникаций. При этом ведомства воспользовались опытом из 80-х годов, когда существовал так называемый канал Громова (очевидно, имеется в виду канал Гаврилова, в котором ФСБ представляли генерал Рэм Красильников и его заместитель Валентин Клименко. — *Прим. авт.*). Тогда русские и американские контрразведчики встречались для того, чтобы установить рамки дозволенного в своих действиях, договариваясь о некоем кодексе поведения, неписанных правилах игры.

Точно так же и в период, последовавший за арестом Эймса, многие вопросы получили разъяснения, а иногда и разрешение, прежде чем они могли разрастаться до вредоносных размеров. У обеих сторон присутствовало понимание того, что куда разведка не стала неким искусством ради искусства, она должна вестись в неких рамках, чтобы служить большему делу. Как бы плохо ни обстояли дела в взаимоотношениях американской и российской разведок, они могли бы быть гораздо хуже. И действительно, важные инициативы компенсировали негатив от ведущихся войн ведомств, помогали повысить статус и расширить масштаб связей, установившихся между спецслужбами.

Луис Фри стал первым директором ФБР, нанесшим официальный визит в Москву 4 июля 1994 года. В ходе визита он установил связи между российскими и американскими федеральными правоохранительными органами. Позитивная и целеустремленная атмосфера, которая царила во время переговоров Фри с принимавшим его директором ФСБ Степашиным, напоминала ту, что характеризовала успешный визит Гейтса двумя годами ранее. Отмечу, что и тогдашний глава Разведывательного управления Министерства обороны США также без излишнего шума наладил официальный канал связи с Главным разведывательным управлением Генерального штаба ВС РФ.

К концу 1994 года американские и российские спецслужбы находились в прямом контакте и напрямую обменивались и взглядами, и информацией по ряду вопросов, представлявших чрезвычайное значение для национальной безопасности обеих стран. В их руководстве существовал консенсус относительно того, что необходимо поддерживать процесс расширения сотрудничества в разведывательной сфере. Также было и общее понимание того, что отношения надо строить на основе неукоснительного соблюдения собственных интересов, просчитывая выгоды и риски, сопровождающие конкретные действия.

И все же избежать превращения в жертв нашей собственной истории было нелегко. Как заметил в разговоре со мной на приеме 4 июля 1994 года в Спасо-Хаусе с некими нотками сожаления один контрразведчик: «Может, нам было и лучше в старые добрые времена, когда мы еще так близко друг друга не знали. Ведь мифы о КГБ и ЦРУ разрослись больше реальности, не так ли?» Я ему ничего не ответил.

Мне было просто нечего сказать. После отбывания двух сроков, отведенных для сотрудников, работавших в Москве, сначала в СССР, а потом в России, я был изнурен. Мне было пора возвращаться домой.

Сегодня, вспоминая о тех благоприятных временах, я также понимаю, что обе стороны очень медленно адаптировались к реалиям мира после окончания холодной войны. Простой здравый смысл подсказывает, что обеим странам надо объединить усилия в борьбе с ядерным и биологическим терроризмом. Обе стороны сталкиваются по мере продвижения в туманное будущее лицом к лицу с ошеломляющими угрозами терроризма и распространения оружия массового поражения.

Мы живем в эпоху индивидуумов, наделенных сверхвозможностями, в мире, где отдельные лица и группы стремятся к обладанию силой, которая до сих пор являлась прерогативой государств. Но в XXI веке, я уверен, вещей, которые объединяют США и Россию, больше, чем тех, которые их разделяют.

С учетом этого мне хотелось бы верить в то, что американские и российские спецслужбы направят те же навыки, целеустремленность и смекалку, которые отличали их деятельность друг против друга, на то, чтобы вместе работать во имя мира и безопасности для наших детей.

Общий опыт, приобретенный в годы президентства Ельцина, показал, что такое сотрудничество не только возможно, но и желательно и необходимо, но только тогда, когда разведывательные и правоохранительные ведомства наших стран обладают и видением, и мужеством для того, чтобы оставаться на пути, который более труден, но который позволяет им конструктивно взаимодействовать друг с другом.

Глава восемнадцатая

Ветераны и директор ЦРУ о взаимодействии с СВР и ФСБ

«Ветераны ЦРУ предупреждают, что русские всегда хотят навредить США» — под таким заголовком американское новостное и аналитическое издание «Daily Beast» 27 июня 2017 года опубликовало пространные размышления о том, что Белый дом пытается наладить отношения с Москвой, игнорируя предостережения ветеранов ЦРУ, которые напоминают, что США безуспешно пытались это сделать уже не один раз.

«Офицеры российской разведки забрали американских шпионов из московского отеля “Метрополь” и отвезли их в роскошный гостевой дом, расположенный в нескольких кварталах от него. Прежде это здание принадлежало богатому еврейскому дантисту, но потом его превратили в место встреч сотрудников российских разведывательных служб. Этот особняк XVII века служил местом проведения встречи офицеров ЦРУ, агентов ФБР и их российских коллег, когда администрация Буша пыталась выстроить отношения сотрудничества с Москвой в сфере борьбы с терроризмом. Здесь за рюмками коньяка, а иногда и ледяной водки агенты российской и американской разведок сидели друг напротив друга за длинным столом. Это мероприятие должно было способствовать “налаживанию отношений”, но вместо этого превратилось в допрос», — говорится в статье.

Русские «прощупывали» американцев, чтобы выяснить, где находятся их источники, насколько обширными являются их сети и есть ли у них какие-либо слабые места, которыми можно позже воспользоваться.

«Это было хуже, чем проверка на детекторе лжи. Разные люди задавали нам одни и те же вопросы снова и снова, каждый раз формулируя их немного иначе — как будто чтобы проверить, лжем мы или нет», — рассказывал позднее один бывший высокопоставленный американский офицер.

«Эту встречу можно считать своеобразным “символом” попыток американцев наладить отношения с Москвой, продолжавшихся более

двадцати лет. Обычно новая администрация США, настроенная вначале крайне оптимистично, ищет пути наладить сотрудничество — а русские пользуются любой возможностью, чтобы собрать как можно больше данных на своего противника и протолкнуть свои интересы», — говорится в статье.

«Мы, США, являемся для них главным врагом. С их точки зрения, они ведут с нами войну. Все, что причиняет вред Америке, приносит пользу России», — рассказал бывший офицер ЦРУ Джон Сайфер.

И это «умножается на два» в случае с президентом России Владимиром Путиным, который в прошлом возглавлял ФСБ, подчеркивается в статье. Именно к этому ветераны ЦРУ надеются привлечь внимание президента Дональда Трампа и его ближайших советников в Белом доме, которые, по их опасениям, до сих пор лелеют надежды создать альянс с Россией и игнорируют все предостережения главы Пентагона Джима Мэттиса и других высокопоставленных чиновников аппарата национальной безопасности.

Во время конференции во Флориде несколько бывших чиновников разведки согласились побеседовать с корреспондентом «The Daily Beast». Бывшие офицеры ЦРУ также рассказали о своих попытках взаимодействия с русскими в период правления администрации Клинтона, Буша и Обамы, и все они описывали одну и ту же схему: США стремятся к сотрудничеству с Москвой в решении таких сложных проблем, как, к примеру, борьба с терроризмом, и русские сначала идут им навстречу. Однако спустя несколько месяцев США обнаруживают, что это сотрудничество «слишком недолговечно» и подразумевает множество различных условий. А в тот момент, когда между сторонами возникает какое-либо разногласие (например, как было в отношении Украины или Сирии), — все, чем американцы поделились с русскими, моментально превращается в оружие, которое Россия использует против них самих.

«Русские налаживали нечто вроде сотрудничества в области борьбы с терроризмом по принципу “услуга за услугу”, но позже разрывали его из-за каких-то действий или решений американцев», — пояснил Стив Холл, который до 2015 года руководил российскими операциями в ЦРУ. «Когда взаимодействие прекращалось, то американские сотрудники контртеррористических агентств, которые ранее посещали Москву и в связи с этим были вынуждены раскрыть

свои имена, сразу же попадали в российский список разыскиваемых террористов», — говорится в статье. После чего у них «начинались проблемы» и в аэропортах дружественных России стран, где их нередко допрашивали и запугивали.

Так и не только так чиновники американских правоохранительных и разведывательных служб расплачивались за излишнее доверие к России, утверждает Холл: «Или они собирали наших экспертов по борьбе с терроризмом в одном месте и начинали их обрабатывать. Русские пытались найти слабые места: любят ли они выпить, нужны ли им деньги, поддерживают ли они Россию? Любая информация, которую можно использовать, чтобы получить влияние над человеком и заставить его работать на них». По словам ветерана американской разведки, русские также активно использовали ту информацию, которую им удавалось собрать на различных встречах, чтобы заставить американцев шпионить в пользу России, пишет «The Daily Beast».

По мнению авторов, Трамп заявил о своем желании наладить отношения с Путиным в период предвыборной кампании и в первые дни своего президентского срока, пытаясь «ему польстить». Со временем настроение Трампа стало более «боевым», особенно после того как Путин категорически отверг информацию о том, что его сирийский союзник Башар Асад применил химоружие — на эти обвинения Трамп ответил ударом с применением крылатых ракет.

Однако некоторые советники Трампа все равно рассматривали возможность снять санкции с Москвы, даже несмотря на то что в отношении некоторых членов администрации Трампа сейчас ведется расследование в связи с их предполагаемым «сговором с Россией» в период предвыборной кампании, отмечает «The Daily Beast». «Каждый раз, когда приходит новый президент, новый директор ЦРУ, возникает эта идея: мы можем наладить отношения с Россией. Однако это почти никогда не срабатывает. Русские каждый раз нас используют», — подчеркнул в интервью Стив Холл.

В свою очередь бывший директор секретных служб ЦРУ Майкл Сулик признался, что он «скептически» относится к надеждам на потепление в отношениях с Россией, и напомнил о том, что сразу после избрания Трампа Путин сказал: «Надеюсь, мы сможем наладить отношения, а США смогут исправить прошлые ошибки».

Ранее Сулик также возглавлял контрразведку ЦРУ, и он уже писал о многолетней борьбе против американцев, которых русские «заставили вести слежку» в пользу Москвы. (Майкл Сулик с 1994 по 1996 год возглавлял резидентуру ЦРУ в Москве. — *Прим, авт.*) «Другими словами, все уступки должны были исходить от нас, и именно мы совершали все ошибки», — подытожил он в беседе с корреспондентом «The Daily Beast».

«После падения Берлинской стены все русские стали чрезвычайно милыми и благодушными», — рассказал Джим Вулси, вспоминая о своих первых встречах с российскими чиновниками, которые состоялись еще до того, как он стал главой ЦРУ при администрации президента Билла Клинтона. Вулси лично наблюдал эволюцию от первоначально теплого отношения русских к США после распада Советского Союза в 1991 году и всплеска оптимизма после избрания президента Бориса Ельцина. По его словам, когда в 1993 году в США президентом стал Клинтон, отношения были «умеренно теплыми, но в них уже появилось охлаждение».

В 1994 году была создана ФСБ, ставшая преемницей советского КГБ. Однако прежнее мировоззрение, характерное для КГБ, быстро перекочевало в новую службу, и уже к середине 1990-х годов в Россию «вернулись настроения, характерные для холодной войны». И к тому моменту, когда Ельцин ушел в отставку и назначил Путина исполняющим обязанности президента, эта трансформация уже завершилась. «Русские всегда вмешиваются», — подчеркнул в интервью «The Daily Beast» Вулси, который некоторое время был советником предвыборного штаба Трампа.

Администрация Буша тоже поначалу питала надежды на налаживание отношений с Россией, и для нее тоже была характерна слегка «высокомерная» убежденность в том, что все получится гораздо лучше, чем у предшественников, отмечается в статье. Чиновники администрации Буша увидели удобную возможность это сделать, когда Путин одним из первых предложил свою помощь в борьбе с террористами после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября.

«Чисто по-американски многие люди, которые ежедневно не общались с русскими, вдруг решили, что мы можем стать естественными союзниками. Но те из нас, кто годами имел дело с Россией, насторожились, потому что Россия — это своего рода

полицейское государство, эдакая его расширенная версия», — рассказал бывший офицер ЦРУ Сайфер. По его словам, все американские агенты и дипломаты, находившиеся в России, были под постоянным наблюдением и постоянно подвергались нападкам.

Россия все же предоставила необходимую помощь, подтвердил еще один высокопоставленный офицер ЦРУ Роберт Даннинберг: «Именно Путин поднял трубку телефона и позвонил Бушу, сказав, что они ничего не знали о готовящемся теракте и что они в любом случае нам помогут. Спустя несколько дней в Лэнгли прибыла команда чиновников российских разведывательных служб». Однако никакой действенной помощи, по его словам, российская сторона не оказала: «Выяснилось, что информации у них было не так много, как мы думали, и что она была либо устаревшей, либо бесполезной, несмотря на длительную военную оккупацию Афганистана», — сообщает «The Daily Beast».

Однако американские чиновники все равно отправились в Москву — в тот самый особняк, расположенный неподалеку от Кремля, на встречу с представителями ФСБ и СВР, говорится в статье.

«Встречи начинались примерно в 9 утра в гостиной, где перед началом беседы всем гостям подавали бокалы с коньяком. Потом участники переходили в более просторную комнату, где члены обеих делегаций садились друг напротив друга за длинный стол, на котором стояли чай и минеральная вода», — вспоминал один бывший офицер разведывательных служб, который просил сохранить его имя в тайне, описывая «игру в кошки-мышки» с русскими.

По его словам, в перерывах обязательно подавали коньяк, и все выпивали обязательную рюмку водки на роскошном обеде, произнося высокопарные тосты и соперничая друг с другом в красноречии, а по вечерам русские возили своих американских гостей в цирк или на балет. Автомобили российских служб безопасности, в которых сидели российские и американские агенты, колесили по Москве в сопровождении полицейских машин с сиренами. За ними следовали автомобили, в которых сидели агенты, шпионившие за ними. Такие машины обычно сливаются с общим потоком и становятся незаметными — но в тот раз их было настолько хорошо видно, что ситуация приобретала несколько комичный оттенок, отмечает автор.

По словам Даннинберга (в прошлом — заместитель резидента, а затем резидент ЦРУ в Москве), несмотря на радушный прием и щедрые угощения, результатом той встречи стало лишь краткосрочное сотрудничество, поскольку русских тогда интересовала не столько «глобальная война с терроризмом», как называла ее администрация Буша, сколько «глобальная война с Чечней», где Россия уже много лет вела борьбу против сепаратистов.

Тем не менее русские в итоге оказали практическую логистическую помощь, в том числе предоставили доступ в российское воздушное пространство, что помогло американцам перебросить сотни агентов и военнослужащих в Афганистан, где они не работали уже много лет, признает Даннинберг: «Мы не смогли бы наладить работу в Афганистане, если бы русские не согласились сотрудничать с нами в самом начале. Они оказали нам поддержку».

Встреча в Москве в 2007 году стала еще одной попыткой наладить сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом после 11 сентября. Американские чиновники снова отправились в Москву, где их забрали из роскошного отеля «Метрополь» и привезли в еще более роскошный гостевой дом, где они встретились с представителями российской разведки. «С самого начала стало ясно, что наши русские собеседники сосредоточились на совершенно иных целях, — рассказал позднее один из офицеров ЦРУ, принявший участие в той встрече. — Нас интересовало сотрудничество в чисто американском стиле, и мы были готовы сотрудничать даже с нашим противником в общей борьбе с сильным врагом». В конечном итоге это могло вылиться в обмен разведанными и данными о террористах, если бы другая сторона согласилась на это.

Но русские не согласились, пояснил этот бывший американский агент: «Они видели в этом великолепную возможность собрать массу данных о планах и намерениях Америки в ее борьбе с террористами. Русские пытались выяснить, что нам известно, чего мы не знаем, из каких источников мы получаем информацию и как. Они хотели, чтобы мы поделились с ними разведанными и контактной информацией».

По его словам, в течение четырех с половиной дней различные российские чиновники щедро кормили и поили их чаем и алкоголем, пытаясь разными способами втереться к ним в доверие. «Одни и те же вопросы задавались в разные дни разными людьми — просто они были

сформулированы каждый раз немного иначе. Это было похоже на расследование, в рамках которого русские пытались выяснить, честно ли мы отвечаем на их вопросы или нет», — пояснил экс-сотрудник американских спецслужб в интервью «The Daily Beast». По его словам, американцы были «разочарованы» итогами той встречи.

Спустя еще несколько месяцев российская делегация приехала в Вашингтон, где снова попыталась добиться своей цели, сообщается в статье. Русские настаивали всего на одной встрече в здании российского посольства в районе Гловер-парк, которое формально является российской суверенной территорией.

Довольно разношерстная группа шпионов и офицеров правоохранительных ведомств встретилась в роскошном здании посольства, где каждый зал был украшен и обставлен так, чтобы представлять определенную часть России. И там, по словам бывшего чиновника американской разведки, американцы снова подверглись «агрессивному допросу» со стороны русских: «Все сводилось к воздействию, манипуляции и запугиванию. Все типично», — сказал он. По его словам, русские с самого начала хотели установить отношения «начальник-подчиненный». Американцы отказались и вновь остались ни с чем.

«Честно говоря, мы не видели никаких преимуществ в таком сотрудничестве. Существует понятие обязанности предупреждать, поэтому, если бы мы получили информацию, которая, по нашему мнению, могла бы помочь России защитить своих граждан, разумеется, мы передали бы ее русским», — пояснил бывший директор ЦРУ генерал Майкл Хэйден, который возглавлял это агентство в тот период.

Вскоре после этих попыток наладить российско-американские отношения, предпринятых в 2007 году, Россия неожиданно «вторглась в Грузию», и уровень недоверия вновь стал настолько высоким, что когда один делегат российской разведки нанес 20-минутный «визит вежливости» в штаб-квартиру ЦРУ в Вашингтоне, то после его ухода кабинет Хэйдена немедленно проверили на наличие подслушивающих устройств, пишет «The Daily Beast».

Администрация Обамы тоже получила «тяжелый урок» в отношениях с Россией и прошла этот «печальный путь» несколько раз, отмечается в статье. Соглашения с русскими, которые сначала казались успешными, со временем приводили к несколько иным результатам или

оказывались нереализованными. «Я никогда не встречался с русскими. Оно того не стоит», — подчеркнул Майкл Морелл, бывший исполняющий обязанности директора ЦРУ при администрации Обамы. По его словам, русские хотят, чтобы США относились к ним, как к равным, хотя не имеют для этого никаких весомых аргументов: «Но у них ничего нет. Их экономика находится в ужасающем состоянии. Демографическая ситуация катастрофическая. Их политика — это тоже катастрофа. Поэтому они стараются нам навредить везде, где только можно», — заключил Морелл в интервью «The Daily Beast».

Директор ЦРУ Майк Помпео

В январе 2018 года о взаимодействии ЦРУ с СВР и ФСБ высказался и бывший в то время директором ЦРУ Майк Помпео, затем, 26 апреля того же года, назначенный президентом Трампом государственным секретарем США. Поводом для его комментариев послужил официальный визит в США директора СВР Сергея Нарышкина, директора ФСБ Александра Бортникова и начальника ГРУ Игоря Коробова.

Ниже приводятся фрагменты публикации из американской прессы, бравшей интервью у Помпео.

«На прошлой неделе в Вашингтоне побывали руководители ряда российских спецслужб. Визит вызвал обеспокоенность у некоторых официальных лиц США, пишет «The Washington Post» (WP) со ссылкой на источники в американской разведке. По данным газеты, в столицу Соединенных Штатов, помимо директора Службы внешней разведки (СВР) Сергея Нарышкина, приехали директор ФСБ Александр Бортников и начальник Главного управления Генштаба ВС России (данная структура более известна под своим бывшим наименованием ГРУ) Игорь Коробов.

Нарышкин и Бортников, по сведениям WP, встретились с директором ЦРУ Майком Помпео для обсуждения вопросов совместной борьбы с терроризмом. О присутствии на встрече Коробова неизвестно. Помимо этого, в Вашингтон был вызван высокопоставленный представитель американской разведки в Москве.

Нынешние и бывшие сотрудники разведки США отмечают, что не могут вспомнить, когда последний раз в Вашингтон приезжало так много руководителей российских спецслужб для встреч с

высокопоставленными американскими чиновниками. Собеседники газеты обеспокоены тем, что Москва якобы может трактовать происходящее как готовность Соединенных Штатов «простить Россию за ее действия».

О визите Нарышкина в Вашингтон стало известно 30 января. Узнав о том, что страну посетил директор СВР России, лидер демократов в американском сенате Чарльз Шумер потребовал от Белого дома объяснений. О поездке в Соединенные Штаты Бортникова и Коробова тогда не сообщалось.

Нарышкин находится под санкциями США с 2014 года. В то время он занимал пост спикера Госдумы и был внесен в американские черные списки после вхождения Крыма в состав России.

Коробов, возглавивший ГРУ в январе 2016 года, попал под ограничения Вашингтона в декабре того же года в связи со скандалом о якобы имевшем место вмешательстве российских хакеров в избирательный процесс в США.

К Бортникову Соединенные Штаты не применяли никаких рестриктивных мер, но он включен в санкционные списки Евросоюза и Канады из-за конфликта на юго-востоке Украины.

Директор ЦРУ Майк Помпео дал ответ демократам, потребовавшим от Белого дома объяснений в связи с визитом в США руководителей российских спецслужб. Он заявил, что визит руководителей российских разведывательных спецслужб в Вашингтон был необходим в интересах обеспечения безопасности самих США. Об этом, как передает Reuters, он заявил в письме лидеру фракции демократов в сенате США Чаку Шумеру. «Мы периодически встречаемся с нашими коллегами из российской разведки по тем же причинам, по которым такие встречи проводили и наши предшественники, — ради обеспечения безопасности американцев», — пояснил Помпео. Глава ЦРУ подчеркнул, что ничего «непристойного» в факте подобных переговоров нет, поскольку на них представители американских спецслужб отстаивают позицию Вашингтона.

«Мы обсуждаем наиболее сложные вопросы, в которых интересы Америки и России не совпадают. Мы решительно отстаиваем интересы Америки на подобных встречах и никогда не даем им возможность их ущемить — и никогда не дадим», — подчеркнул Помпео. Разъяснения в связи со встречей с представителями российских спецслужб он дал в

ответ на заявления демократа Чака Шумера, лидера меньшинства в сенате. Накануне тот открыто обратился к Белому дому с требованием объяснить приезд главы Службы внешней разведки России Сергея Нарышкина, находящегося под американскими санкциями, в Вашингтон. Сенатор заявил, что администрация Трампа должна отчитаться о целях встречи и ее обстоятельствах. Также он потребовал озвучить имена представителей Белого дома, которые встречались с главой СВР.

Более подробно о содержании встречи с Нарышкиным Помпео рассказал в интервью Би-би-си. По словам директора ЦРУ, темой переговоров стала угроза возвращения боевиков «Исламского государства» (Организация, запрещенная в России), уехавших в Сирию из России и Центральной Азии. «Это глобальная проблема, та, которую нам необходимо решать вместе, чтобы мы были в состоянии предотвращать такие террористические атаки, которые случались в 2017 году», — пояснил он.

Помпео признал, что США рассматривают Россию как опасного оппонента с ядерным оружием. Вместе с тем контакты с Москвой необходимы в целях борьбы с терроризмом и в некоторых других сферах обеспечения безопасности. Директор ЦРУ подчеркнул, что подобные контакты носят взаимовыгодный характер. Так, он напомнил о благодарности, которую Владимир Путин выразил во время телефонного разговора с Трампом за помощь ЦРУ в задержании террористов, которые готовили взрывы в Санкт-Петербурге. «Я очень ценю то, что мы вместе проделали эту работу. Честно, скорее всего, там могли быть и жертвы среди граждан США», — сказал он. Для США связь с российскими спецслужбами также позволяет получать ценную информацию, «которая приносит пользу Западу».

О визитах в США представителей российских спецслужб стало известно 30 января, после того как посол России Анатолий Антонов подтвердил приезд в Вашингтон главы СВР Сергея Нарышкина. Он не стал называть цель его визита, однако отметил, что даже в «самое трудное время» в российско-американских отношениях контакты по линии спецслужб продолжались.

В числе направлений сотрудничества двух стран Антонов назвал обеспечение безопасности на чемпионате мира по футболу в 2018 году.

Санкции в отношении главы СВР и ряда других российских чиновников были приняты еще при администрации Барака Обамы в 2014 году в связи с ситуацией на Украине. В то же время санкции допускают отдельные исключения из запрета на визиты в США. Так, приезд лица, находящегося под санкциями, допустим, если «въезд в Соединенные Штаты не противоречит американским интересам».

Вместе с Нарышкиным под санкциями находится и Коробов, однако США не вводили санкции против главы ФСБ Бортникова. Он находится в санкционных списках ЕС и Канады.

От автора

Рольф Моуэтт-Ларсен с 1988 года по 1991 год был сотрудником посольской резидентуры ЦРУ в Москве, в 1992–1993 годах являлся заместителем резидента, в 1994 году он исполнял обязанности резидента ЦРУ в Москве. Моуэтт-Ларсен, имеющий 23-летний опыт работы в ЦРУ, после отставки был старшим научным сотрудником Белферовского центра Гарвардского университета, руководил внутренней оперативной группой по «Аль-Каиде» и оружию массового уничтожения после терактов 11 сентября 2001 года в Контртеррористическом штабе США, а позднее был назначен Директором разведки и контрразведки в министерстве энергетики США.

Во время работы в Москве он стоял практически у истоков начала взаимодействия между ЦРУ и ФСБ, принимал непосредственное участие в переговорных процессах, проявив себя не только как активный и заинтересованный переговорщик, аргументированно отстаивающий собственные ведомственные интересы, но и с пониманием относящийся к позиции и мнению противоположной стороны.

На мой взгляд, в 2001 году им дана достаточно объективная и доброжелательная оценка сотрудничества между спецслужбами США и России, чего не скажешь о нынешнем положении вещей. С позицией Моуэтт-Ларсена, выступавшего в то время за необходимость укрепления сотрудничества спецслужб США и России, резко

контрастируют публичные высказывания других ранее работавших в Москве сотрудников американской разведки.

Основными интервьюерами в 2017 году американскому новостному и интернет-изданию «The Daily Best» стали бывшие в разное время резидентами ЦРУ в Москве Майкл Сулик (я с ним так же, как и с Даннинбергом, встречался в Москве неоднократно), Джон Сайфер и Стивен Холл, которые, в силу своих должностных полномочий официальных представителей ЦРУ в Москве, действительно должны были принимать участие во всех межведомственных официальных переговорах между ЦРУ США, СВР и ФСБ России. Они выступили экспертами американо-российских отношений, подчеркнув для публики их бесполезность и даже бесперспективность в силу враждебного недоверия между нашими странами.

Это и не удивительно, так как со времен холодной войны США и Россия всегда рассматривали друг друга как главных противников, и временное «потепление» двусторонних связей в начале 1990-х годов не привело к коренному изменению отношений друг к другу. Недоверие — вот главная причина несовпадения намерений представителей спецслужб России и США при межведомственных переговорах. И нет ничего удивительного в том, что американцы предвзято относились к организации российской стороной встреч в Москве и Вашингтоне. Постоянное ожидание американцами подвоха со стороны россиян, ожидание ими возможных провокаций от СВР или ФСБ или организации вербовочных подходов к ним безусловно не способствовали взаимному доверию и результативности переговоров.

А что касается якобы стремления российской стороны к чрезмерному «накачиванию» спиртным членов американских делегаций, то здесь явное преувеличение. Дружелюбный прием делегаций — это проявление уважительного отношения, пусть даже и к противнику, и когда перед переговорами их участникам предлагают прохладительные напитки, в том числе иногда и спиртное, то это не что иное, как международная традиция. А ланч или вечерний прием делегаций во всех странах всегда предполагает употребление спиртного, причем никто, никогда, нигде на этом не настаивает.

Как известно, лакмусовой бумажкой взаимодействия между спецслужбами различных государств являются политическая

составляющая, взаимная заинтересованность и на их базе — проведение совместных мероприятий.

В настоящее время о благожелательной политической составляющей говорить не приходится. Агрессивный, враждебный курс Администрации США и американского истеблишмента по отношению к России и Президенту, неприемлемые для нас внешнеполитические требования США и экономические санкции объективно не могут способствовать потеплению отношений между ЦРУ и российской разведкой и контрразведкой. А следовательно, но это сугубо моя точка зрения, сейчас просто не существует базы для взаимной заинтересованности в сотрудничестве и проведении совместных мероприятий.

Итак, враждебное отношение к России, неверие в результативность и убежденность в бесполезности переговоров с СВР и ФСБ по вопросам взаимодействия, в том числе и в борьбе с международным терроризмом, — вот о чем, на мой взгляд, свидетельствуют эти интервью высокопоставленных ветеранов американской разведки, пытающихся донести эту свою точку зрения до администрации США и президента Трампа.

И то, что происходило на Капитолийском холме в Вашингтоне в связи с приездом в США в январе 2018 года руководителей СВР, ГРУ и ФСБ, иначе как настоящим переполохом в американском истеблишменте и не назовешь. Даже директор ЦРУ вынужден был оправдываться за то, что он выполняет свои функциональные обязанности переговорщика с руководителями специальных ведомств иностранных государств. Такого резко выраженного негативного отношения к нашей стране со стороны законодателей США, от которых зависит финансирование ЦРУ, я и не припомню.

Несмотря на заявления Майка Помпео о «намерениях» США, хотя и исключительно в интересах собственной безопасности, поддерживать эпизодические профессиональные контакты с русскими спецслужбами, о какой искренней заинтересованности в таких контактах может идти речь, если за них ЦРУ подвергается столь резкой критике со стороны американских и законодателей, и Администрации?

О каких взаимовыгодных партнерских связях между ФСБ и ЦРУ можно говорить, когда американские, ЕС и канадские санкции распространяются на глав российских спецслужб?

Таков, к сожалению, уровень сегодняшних отношений между ЦРУ США и ФСБ России, которые когда-то, в 90-е годы прошлого столетия, попытались наладить долгосрочные взаимовыгодные контакты между собой в интересах наших стран и мирового сообщества.

Послесловие

Уважаемый читатель!

Скажу откровенно, при написании первой книги «Записки контрразведчика» у автора и мыслей не было о второй книге. Но когда уже после опубликования первой книги «Записок» в печати в ограниченном доступе появился дополнительный материал о том, как ЦРУ вербовало своих агентов из числа наших соотечественников, организовывало их обучение и работу с ними в СССР, стало безумно жаль, что он не вошел в первую книгу. А откровения самих разведчиков ЦРУ о своей оперативной деятельности — само по себе явление столь редкое, что, когда они оказались в моем распоряжении, я просто себе места не находил от желания связать их с первой книгой.

И получилось так, что вторая книга практически стала продолжением книги первой, составной ее частью. Поэтому обе книги представляют собой единое целое, объединенное информационно единым замыслом — показать читателю ЦРУ, Главного противника, таким, какой он есть. Это сильный, целеустремленный, изобретательный противник, не жалеющий ни сил, ни средств для достижения своих разведывательных целей.

Уверен, что свидетельства сотрудников ЦРУ, использованные в этой книге, представляют и исторический, и профессиональный интерес. С исторической точки зрения всегда важны достоверность событий, их детали и опора на объективные информационные источники.

Правдивость откровений ветеранов американской разведки, подтверждаемая материалами наших оперативных разработок, сомнений не вызывает. А поскольку в то время с российской стороны я был непосредственным участником большинства операций КГБ против ЦРУ, а также зарождения весьма ограниченных контактов между спецслужбами США и СССР, историческая достоверность используемого в «Записках» материала вполне очевидна.

Я не располагаю сведениями о том, как сейчас обстоят дела в Академии ФСБ с учебными пособиями по американской линии, но в любом случае обе эти книги «Записок», как представляется, могут стать

неплохим подспорьем для понимания того, чем и как занимается посольская резидентура ЦРУ в Москве и как работает контрразведка.

Книга вторая «Записок контрразведчика», в отличие от первой, скорее сборник уже имеющегося информационного массива по тематике «ЦРУ против КГБ», нежели полностью авторское произведение. Но такова была изначальная задумка: объединить в одной публикации то, что было ранее написано о некоторых конкретных операциях КГБ против ЦРУ, с тем, что о тех же драматических событиях рассказали их участники с американской стороны.

Именно драматических, потому что на кону стояла не только безопасность нашей страны, но и жизнь конкретных людей, рискнувших ради своих индивидуальных, но, прежде всего, корыстных интересов пойти на предательство и измену родине.

Детали, детали... как много новых деталей открывается читателю, когда есть возможность сравнить данные противоборствующих сторон относительно одной и той же ситуации. Для профессионалов это очень интересные сопоставления.

Я постарался прокомментировать все высказывания и интервью с сотрудниками ЦРУ, а насколько интересно и качественно это получилось, судить вам.

Прошли многие годы с тех пор, когда имели место события, с которыми читатель ознакомился в двух книгах «Записок контрразведчика». За это время существенным образом видоизменилась деятельность разведки и контрразведки, и ЦРУ, и ФСБ, изменилась тактика их работы в соответствии с требованиями времени, модернизированы фото-, видео-, аудио записывающая и фиксирующая аппаратура, средства контроля наружного наблюдения. Коренным образом преобразилась ближняя и спутниковая радиосвязь, используемая в интересах спецслужб. Если раньше такие радиоприборы коммуникаций казались чудом техники, то теперь такая связь используется в быту повсеместно. Интернет завоевал мировое пространство, но...

Но, как показывает практика, традиционный шпионаж никуда не делся. Между разведцентром и агентурой продолжают операции с использованием и личной и безличных способов связи, кураторы и их агенты продолжают общаться путем личных встреч, и через тайники, и

с помощью сигналов и быстродействующих радиосообщений. В системе связи нашлось место и Интернету.

И в настоящее время, как и прежде, шпионаж против России традиционно обеспечивается в Москве посольской резидентурой ЦРУ, разведчики которой искусно перевоплощаются путем изменения внешности, используют маски и маскируются под других лиц, в том числе и женщин, применяют годами отработанный способ подмены личности, чтобы стать «невидимками» в городе. Как я сказал в одном из интервью, на ближайшую, да и далекую перспективу наша контрразведка без работы не останется.

* * *

Я искренне благодарен моему давнишнему другу полковнику Эдуарду Буданцеву, председателю коллегии адвокатов «Диктатура закона», в которой я имею честь многие годы трудиться в качестве советника, за создание условий для написания этой книги. Я чрезвычайно признателен Буданцеву за его поддержку и убежденность в необходимости во второй книге продолжить так заинтересовавшую не только профессионалов, но и широкий круг читателей тему агентурной деятельности ЦРУ на территории нашей страны.

Если читатель первой книги «Записок» помнит, то в последнем, финальном абзаце обращения к читателям я написал следующее: «... слова глубочайшей признательности моей любимой супруге Римме Викторовне, которая не прочитала ни единой страницы моих трудов и никоим образом не вмешивалась в мои занятия ни словом, ни советом, создав тем самым в доме благоприятную творческую атмосферу».

Реакция Риммы Викторовны на это умозаключение была в общем-то предсказуемой. В разговорах со своими подругами, цитируя меня, она задавалась риторическим вопросом: что ей делать: то ли обижаться, то ли смеяться?

Я бы ответил так: «Ни то ни другое. Надо улыбаться, так как именно на улыбку рассчитана добрая ирония».

Но на сей раз все было с точностью до наоборот. Римма Викторовна была первым читателем рукописи, за что ей большое спасибо, и ее мнение, мнение человека, который является опорой всей

моей жизни, в том числе и профессиональной, безусловно, особенно ценно для меня.

«Кое-что интересно, кое-где скучновато», — таково было ее окончательное резюме. И я подумал, ну а как же может быть иначе. Для непрофессионалов действительно должно быть скучновато, но для тех, кого интересуют детали агентурной работы ЦРУ в Москве... Но именно детали и только детали, которых так часто не хватает, создают полную картину событий.

Я, безусловно, учел мнение Риммы Викторовны, что-то сократил, что-то переформатировал, ну а получилось то, что получилось...

Биографическая справка

Генерал-лейтенант Валентин Григорьевич Клименко, 15 декабря 1944 года рождения, уроженец Москвы, проживает в Москве, женат, имеет двух детей. После окончания одиннадцати классов московской средней школы № 175, службы в армии с 1963 по 1966 год и двух лет работы в «Моспроекте-2» в 1968 году поступил на службу в КГБ при Совете министров СССР.

С 1968 по 2005 год в течение тридцати семи лет проходил службу в КГБ СССР — ФСБ Российской Федерации, в частности:

С августа 1968 года по январь 1973 года обучался на Втором (контрразведывательном) факультете Высшей Краснознаменной школы

КГБ при СМ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Окончил обучение с Золотой медалью по специальности «Правоведение» с присвоением воинского звания лейтенант и квалификации «Юрист со знанием иностранного языка».

С 1973 по 1991 год находился на различных должностях в Первом (американском) отделе Второго главного управления КГБ СССР, затем возглавлял Первую (американскую) Службу министерства безопасности РФ, а с 1997 по 2000 год в звании генерал-лейтенанта был заместителем руководителя Департамента контрразведки ФСБ России — начальником Управления контрразведывательных операций (УКРО ФСБ РФ).

В 1997 году обучался на курсах повышения квалификации в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации по программе «Государственная служба Российской Федерации: организационно-правовые основы и кадровое обеспечение».

С 2000 по 2004 год находился на дипломатической службе в ранге советника посольства Российской Федерации в Государстве Израиль (Тель-Авив), в должности официального представителя ФСБ Российской Федерации.

29 января 2005 года Указом Президента РФ № 105 по достижении предельного возраста (60 лет) был уволен с действительной военной службы.

За годы службы награжден орденами Красной Звезды (1986 год), Трудового Красного Знамени (1990 год), «За военные заслуги» (1999 год), Андропова (2012 год), 18 медалями СССР и Российской Федерации, различными грамотами и многими иными ведомственными наградами.

Присвоены почетные звания: «Почетный сотрудник госбезопасности» (1981 год) и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации» (2000 год).

Предлагаемая читателям книга вторая «Записок контрразведчика» является продолжением «Записок» того же автора, опубликованных издательством «Международные отношения» в 2018 году и выдержавших уже два издания.

В этой книге автор, генерал-лейтенант ФСБ Валентин Клименко, сопоставляет ранее преданную гласности информацию о мероприятиях КГБ против ЦРУ в 70–90-е гг. прошлого столетия с данными, раскрытыми в последние годы ветеранами американской разведки, участниками тех самых агентурных и оперативно-технических операций Лэнгли по проникновению в те годы к нашим государственным секретам, о которых шла речь в первой книге «Записок контрразведчика».

ISBN 978-5-7133-1635-8

9 785713 316358 >

Международные отношения

